

ВЕЧЕ

ВЕЧЕ

40

1990

40

Вече

Независимый русский альманах

40

Десятый год издания

**Главный редактор О. А. Красовский
Московская редакция - В. Н. Тростников**

Издатель:

**Российское Национальное Объединение в ФРГ
© Russischer Nationaler Verein (RNV) e. V., 1990
München**

**Статьи, подписанные Фамилией или инициалами авторд,
необязательно выражают мнение редакции.**

СОДЕРЖАНИЕ

О. Красовский - Десятилетие «Вече»	7
------------------------------------	---

ТРИБУНА «ВЕЧЕ»

А. Хвалин - „Пока свободою горим“	21
Ст. Куняев - Семейство Норинских	39
В. Бондаренко - Национальное возрождение	53
А. Туманик - О будущем	69
В. Попов - Аграрно-крестьянский вопрос и переход к рынку	77

ПРОБЛЕМЫ РОССИИ

В. Вулич - Шагренёвая кожа	95
----------------------------	----

ОБ „ОБУСТРОЙСТВЕ“ РОССИИ

В. Зарубин - Загнать Россию в Московскую область	113
Э. Оганесян - О чём нам рассказал А. И. Солженицын?	125
В. Богданов - Размышления по поводу спора Б. Олейника с А. Солженицыным	139

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В. Рукополев - Тревожный вопрос	157
---------------------------------	-----

РЕЛИГИЯ И ФИЛОСОФИЯ

Н. Кусаков - Запад, Восток и Оптина Пустынь	171
Игумен Андроник (Трубачев) - Два типа культуры, Россия и коммунизм	183

ПУТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРИМИРЕНИЯ

После римской встречи 189

ПОЭЗИЯ

Николай Браун - Из сборника
„Мордовский натюр-морт“ 202

НАМ ПИШУТ 212

ОБРАЩЕНИЕ К РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ 215

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ № 5

Николай Лезо - Город и Лось 3
Станислав Куняев - Стихи 31

**Сердечно поздравляем
читателей, авторов и доброжелателей
альманаха «В е ч е» с
Праздником Рождества Христова
и желаем в наступающем
1991 году
успехов на пути к духовному
возрождению России.**

Редакция «В е ч е»

О. Красовский

Десятилетие «Вече»

На нелёгком пути, пройденном альманахом «Вече», мы – делатели и авторы его – ставим первую отметку: 10 лет! Срок достаточный для подведения итогов и для ориентировочного взгляда в будущее. Но прежде, – о первых шагах по избранному пути, начав который, мы неукоснительно придерживались заранее поставленных ориентиров. Это – любовь к России, бывшей, нынешней и будущей; верность её Христианской Православной основе; защита её национальной чести; непримиримость к силам, превратившим её в полигон, на котором осуществлялся духовный, политический и социальный дьявольский эксперимент.

Взятые ориентиры определили содержание опубликованных в сорока выпусках, на десяти тысячах страниц, более пятисот материалов альманаха «Вече» – статей, эссе, исследований, воспоминаний, анализов, художественных произведений. Это были материалы различного качественного уровня, авторов разного публицистического и художественного дарования и мастерства, но единой идейной направленности. В большинстве этих материалов речь шла о России и русском народе, о российских проблемах, о которых говорилось с любовью, с глубоким сопереживанием страданий народных, с верой в реальную возможность нахождения выхода из бедствий, унижения и бесправия.

Альманах «Вече» был задуман и осуществлён, как печатный орган русской национально-патриотической мысли. Так он был воспринят русским Зарубежьем, что выразилось в однозначном одобрении читательских писем, в проявлении готовности поддержать начинание не только добрыми словами, но подпиской на альманах, с добавлением к подписной плате добровольных дружеских пожертвований. Это указывало на правильность поставленных ориентиров, о чем свидетельствовал и авторитет высокочтимого А. И. Солженицына, отозвавшегося на «Вече»: „Тревожился я Вашей затеей другого журнала, боясь раскола русских малых сил. Но верность линии, тона, энергия и динамика, прямая осязаемая связь с метрополией – успокоила и обрадовала. Исполать! Да сопроводит Вас Бог успехом!“

Где и в чём критерии, определяющие степень успеха печатного органа, чёткой духовной, нравственной и политической направленности, его место в общественно-политическом спектре? Пожалуй, наиболее ярким критерием следует считать отношение к нему сил, кругов и личностей, которым претит именно эта направленность, усматривающих в ней угрозу для достижения их собственных целей.

Для «Вече» таким критерием послужила пространная статья Ефима Эткинда, „Православие, самодержавие,

народность“, опубликованная в издававшемся в Тель-Авиве русскоязычном журнале «Время и мы» (№ 67, 1982 г.). Выступая от имени русскоязычной эмиграции, то есть от имени тех, кто покидал СССР, чтобы вернуться на родину своих предков, в Израиль, озабоченный тем, чтобы, как он писал, „люди Запада не судили о нас, русских, (!) по «Вече», – Ефим Эткинд задается в статье вопросом: „Чему же учит «Вече» своих читателей?“

Оказывается, как выясняет Эткинд в своей статье, учит «Вече» тому, что „существуют две противоположные эмиграции из России; одна – старая,.. которой дорога Россия, и вторая – вся новейшая“, которая „самозванно вещает от имени России“; что „коммунизм... – абсолютное Зло“; что „Россию погубили... демократы и либералы, принесшие в страну революционные идеи, чуждые русскому народу“; что „канонизация Николая Второго – акт великой справедливости и подвиг Синода“... Всё это, по мнению Эткинда, очень плохо, достойно осуждения и глубочайшего возмущения тех кругов („нас, русских“!), от имени которых он, Эткинд, выступает.

Называя сотрудников и авторов «Вече» – „веченосцами“, Эткинд упрекает их в том, что они декларируют „приверженность к великой России“, „утверждают единственность православной церкви“, стремятся „вернуться к давно забытым государственным формам“ и считают, что „западные демократы... русских понять не могут“.

Смешав в кучу, перечисленные выше „грехи“ „веченосцев“, со своими собственными грубыми и бессовестными домыслами, Эткинд додумывается, что всё вычитанное им в «Вече» не только „старомодно, иллюзорно, оперно“, но порождает „ксенофобию, ненависть к демократии, осуждение критической интеллигенции, авторитаризм, находящий наилучшее оправдание в теократической монархии, поскольку здесь всеислие власти освящено авторитетом церкви, ссылающейся (!) на Бога“. Не утруждая себя доказательствами, Эткинд заявляет, что мировоззренческие установки «Вече» совпадают с „комплексом идей“ идеолога национал-социализма Альфреда Розенберга.

Более того, приверженность „веченосцев“ к „старинному (?) лозунгу – ’православие, самодержавие, народность’“, свидетельствует якобы о тождестве взглядов „веченосцев“ и коммунистов. Он пишет: „Коммунисты считают, что монополюбно-государственной идеологией должен быть марксизм-ленинизм, „веченосцы“ настаивают на православии. Коммунисты отдают руководящую силу партии и её вехушке, „веченосцы“ – церкви и её жрецам (!), а также помазанному церковью (!) монарху. Налицо и различие и сходство. Различие очевидно; сходство же – в признании обоими националистами необходимости монополюбной идеологии. Не ясно ли, что сходство более существенно!“ В огороде бузина, а в Киеве – дядька!..

Статья Эткинда как бы дала руководящие установки русофобствующим кругам так называемой „третьей волны эмиграции“, по части их отношения к русскому патристическому альманаху «Вече». Показательно, что статья эта была единственной попыткой русскоязычного лагеря оклеветать «Вече» устами доктора филологических наук, профессора Е. Г. Эткинда на псевдо-академическом уровне. Но даже этот сомнительный уровень, вероятно, был сочтён слишком опасным, и русскоязычные недруги альманаха, чтобы не привлекать к нему „нездорового любопытства“, впредь придерживались в своём противостоянии ему, тактики замалчивания, изредка нарушаемой навешиванием мимоходом шельмующих ярлыков вроде – „шовинистический“, „черносотенный“, „нацистский“.

Таким образом, исходя из вышеупомянутого критерия, высказанное в статье Эткинда отношение к «Вече» следует признать убедительным свидетельством его успешности, оно чётко – так сказать, от противного – обозначило и указало место, занимаемое альманахом в спектре сил, противоборствующих в судьбоносной схватке за Россию.

В открывающей первый номер альманаха «Вече» редакционной статье, писалось: „«Вече» стремится стать центром всех здоровых национальных сил как внутри России, так и за её пределами, русских патриотов на родине и

российских изгнанников всех поколений, вынужденно оказавшихся в Зарубежье“.

Словами этими как бы намечалась цель, к которой следовало стремиться, в достижимость которой необходимо верить. Трудно сказать насколько пройденный альманахом десятилетний путь приблизил «Вече» к этой цели. Но есть достаточно оснований, чтобы сказать с глубокой уверенностью, что, даже оставаясь ещё в отдалении от этой цели, «Вече» за десять лет своего существования вырос в фактор идейного и политического значения в русском Зарубежье. И в этом как заслуга тех, чьи труды определили внутреннее содержание альманаха, так и показатель незыблемости ценностей, которые в течении семи десятилетий питали верную патриотическим традициям часть русского Зарубежья и сохранились поныне, вопреки уходу с жизненной сцены подавляющего большинства русской эмиграции.

Популярность «Вече» в русском Зарубежье определилась тем, что в альманахе нашли чёткое отражение, сохранившиеся в кругах патриотически настроенной русской эмиграции, её Православная вера, морально-этические представления, душевные привязанности, любовь к Отчизне, преданность её традициям. Русское Зарубежье увидело в «Вече» выразителя и защитника своего мировоззрения, и приняло альманах с распростертыми объятиями, свидетельством чему служат сотни и сотни писем читателей. Лишь несколько цитат из них:

„...Альманах «Вече» служит высокой цели: утверждению нашего российского самосознания. И пусть издание, нужное именно в наше время, станет духовным центром объединения всех, кому дорога историческая Россия, всех, кто желает её духовного возрождения, её освобождения, её воскресения“.

„...Ваш альманах создан, чтобы пробуждать национальную совесть“.

„...«Вече» приковывает, схватывает за сердце щемящей болью, и не отпускает от себя пока не прочтёшь его от корки до корки“.

„...«Вече» представляет и защищает интересы России и русского народа. От вас не скрыто, что на Западе разжигают русофобию“.

„...Ваш «Вече» – истинное вече, где слово получает каждый, кому близка судьба нашей страны“.

„...Вы и Солженицын – это единственный бастион защиты безгласных русских масс, у которых кляп во рту“.

*

Перед рождённым в Зарубежье альманахом «Вече», как явствует из приведенной выше цитаты из редакционной статьи его первого выпуска, ставилась также задача предстать перед читателями на родине. Задача, по тем застоным временам явно непосильная, ибо даже при крайнем напряжении скромных сил не представлялось возможным переправлять альманах, помимо единичных экземпляров, в Россию. Цензура вылавливала посылаемое по почте, пути же, открытые русскоязычным изданиям по разным дипломатическим каналам, оказались наглухо закрытыми русскому национально-патриотическому изданию. Но немногочисленные, случайные отзывы на, неизвестными путями, попадавшие внутрь России отдельные экземпляры «Вече», свидетельствовали о положительной оценке, публикуемых в нем материалов и об огромном духовном голоде на родине, который мог быть удовлетворен лишь печатным органом патриотической направленности.

Наступила перестройка и сопутствовавшая ей гласность. Приоткрылись, некогда непроницаемые, почтовые заслоны. Тоненьким ручейком потекли бандероли с «Вече» на родину. Оттуда хлынул поток писем. Авторы их, зачастую восторженными словами, выражали благодарность, высказывали своё единодушие с патриотической направленностью публикуемых в альманахе статей, сообщали, что «Вече» передаётся из рук в руки и зачитывается до дыр. С родины писали: „О «Вече» заговорили в России. «Вече» рвет из рук. «Вече» ищут... Мы в России

кланяемся Вам до земли!“

Заговорили о «Вече» в России во всеуслышание и средства массовой информации. В российском патриотическом журнале «Наш современник» (№ 8, 1990) опубликована доброжелательная статья „Голос «Веча»“ А. Широпаева; появились заметки о «Вече» в студенческой и провинциальной печати. Московское телевидение в программе „Взгляд“ транслировало развёрнутый репортаж об альманахе, «Вече» была посвящена одна из популярнейших программ Ленинградского телевидения – „600 секунд“.

Явочным порядком было создано представительство «Вече» в Москве, ставшее прочным связующим звеном между российскими авторами и зарубежной редакцией. Предпринята попытка ограниченного распространения «Вече» по подписке в России, показавшая однако, что существуют еще барьеры на пути нашего издания к ждущим знакомства с ним соотечественникам на родине. Оказалось, что вопреки официально объявленной беспрепятственной международной почтовой связи, более половины посылаемых из Германии бандеролей, даже заказных, не достигает адресатов в России. Тот факт, что на чёрном рынке в столице и в российской провинции продаётся «Вече» по 50-60 рублей за номер, заставляет полагать, что главная причина тому – хищения на почте.

Но, как бы там ни было, между редакцией альманаха и многими российскими писателями, ведущими публицистами, а также сотнями жителей российских городов и населённых пунктов, завязались и укрепились письменные, телефонные и личные дружественные контакты, происходит интенсивный обмен мнениями и ныне становится очевидным, что приближается время, когда «Вече» на родине, так же как и в Зарубежье, превратится в серьёзный фактор духовной и культурной жизни. А это возлагает на редакцию альманаха новые обязательства, ставит её перед задачами, практическое выполнение которых зависит от создания прочной материально-технической основы, позволяющей эмигрантскому журналу

превратиться в многотиражный орган российской печати.

Основа же духовная, мировоззренческая непременно должна остаться неизменной, именно той, на которой непоколебимо стоял альманах «Вече» в первом своём десятилетии. В основе этой – однозначная оценка мрачных результатов коммунистического господства в стране, данная в передовой статье первого номера альманаха: „Десятки миллионов расстрелянных, замученных, погибших насильственной смертью людей; десятки миллионов неродившихся; растоптанные устои духовной жизни народа; осквернённая, задущенная Церковь; изуродованные человеческие души; гнусная система бесправия, угнетения, страха; господство лжи, лицемерия, подлости, хамства; разрушенные принципы нормального хозяйственного развития“... И, наряду с этим, чёткое определение объекта служения: Россия, русский народ, исходя из убеждённости, что русский народ – первая и наиболее пострадавшая жертва коммунизма.

Убеждённость эта не затуманила нашего взора и в той же передовой статье были поставлены вопросы: „Жертва ли ни в чём неповинная? Не виновны ли десятки, сотни тысяч, миллионы русских людей как в самом бедствии, так и в его последствиях? Не были ли русские инициаторами и исполнителями коммунистических преступлений, начиная со штурма Зимнего дворца и до оккупации Афганистана?“ И отвечая на поставленные вопросы по-совести, не закрывая глаза на собственные тяжелейшие грехи, заявлялось там же: „...было бы несправедливо отрицать причастность русских к коммунистическим злодеяниям, и не пристало русским тыкать пальцем в других, обвиняя только их в своих несчастьях, как нечестно утверждать, что лишь русские повинны в коммунизме“.

В годы острой конфронтации между коммунистическим Востоком и демократическим Западом, в позициях, занимаемых «Вече» в так называемом русском вопросе, и тем, что утверждал и отстаивал А. И. Солженицын в своих публицистических работах и публичных выступлениях, существовала нераздельная общность. Ярчайшим подт-

верждением этого явилась блестящая статья Александра Исаевича „Наши плюралисты“, в которой писатель с присущим ему темпераментом выступил в защиту России и русских против тех, кто, по его словам, шлёт „проклятия не советскому имени, а русскому“, кто ведёт борьбу „не против коммунизма, а против русского народа“. Это было в 1982 году, после чего Солженицын смолк в публицистике надолго, хотя к концу 80-х годов произошли разительные изменения в положении дел в России.

*

В круговерти общественно-политических сил, вырвавшихся наружу в условиях перестройки и относительной гласности, стали приметны и такие, что указывали на наличие подспудного духовного потенциала в России, могущего сыграть огромную роль в деле национального возрождения русского народа. По многим причинам, о которых следует говорить особо, силы эти выступили на открывшейся общественной арене как в столице, так и в провинции, в самоубийственной идейной разношерстности, продемонстрировали отсутствие понимания внутренней сути начавшихся в стране и обществе процессов, мировоззренческую примитивность, неспособность заручиться поддержкой своих потенциальных сторонников. В противоборстве со своими противниками из псевдодемократического лагеря, неспособные вооружить себя идейно на достаточно прочном и серьёзном уровне, эти силы, цепляясь повсеместно за компромиссы с официальной обанкротившейся идеологией, оказались не в состоянии отстроить себе прочные политические позиции. Это наглядно продемонстрировали даже ущербные выборы в органы законодательной власти в стране.

Во всей катастрофичности сказалось отсутствие чёткой платформы для консолидации национально-патриотических кругов России, отсутствие, пользующегося народным

доверием, голоса, указывающего на пути и возможности спасения страны в условиях экономической разрухи, политического развала, морального кризиса, и хаоса во всех областях жизни. Я был уверен, что таким голосом обладает только один человек – А. И. Солженицын, завоевавший в 60-70-е годы величайшую популярность, доверие и любовь своих соотечественников. Но он упорно молчал.

После продолжительных и нелёгких размышлений, я решил попросить А. И. Солженицына прервать его молчание, и сказать нужные в создавшейся ситуации слова, поведать русскому народу, что надлежит ему предпринять для своего спасения. Как бы продолжая прерванную многолетнюю личную переписку с Александром Исаевичем, я и обратился к нему со страниц «Вече» с открытым письмом, опубликованным в № 37 альманаха, в первом выпуске его за 1990 год. Несколькими месяцами позже письмо моё было перепечатано в московском журнале «Слово» (№ 8, август 1990 г.), издающемся четверть-миллионным тиражом. Письмо не предполагало личного ответа мне, в нём содержалась лишь просьба: „Россия – на развилке исторического пути. В одну сторону – к неминуемой мучительной гибели, в другую – к спасению! Тысячи голосов зовут, толкают, принуждают на ту или иную стезю. Но среди этих громких и порой обманных голосов нет того, который в состоянии убедить и покорить большинство очевидностью своей истинности, могущего произнести единственно верные, нужные, спасительные СЛОВА. И СЛОВА эти в состоянии сказать только Вы, дорогой Александр Исаевич! Так скажите же их, зажгите маяк перед нашими глазами!“

А. И. Солженицын нарушил своё публицистическое молчание. Не стану гадать, в какой мере это было связано с публикацией моего открытого письма ему, – на этот счёт он не обмолвился ни словом, да и вовсе неважно это, – для меня несравненно важнее другое: Александр Исаевич сказал то, что считает важнейшим для всех нас, русских, в переживаемый ныне труднейший момент тыся-

четлетней истории нашей родины.

Нет, не радость испытал я, а буквально оцепенел от ужаса, начав знакомиться с „посильными соображениями“ глубокоуважаемого писателя и мыслителя о том, „как нам обустроить Россию?“ . Начинал читать и вновь перечитывал с начала, не веря своим глазам, первую страницу, размноженной 22-миллионным тиражом газетой «Комсомольская правда» брошюры. Кажущееся невозможным, ударило по сознанию страшными словами:

„Семьдесят лет, влачась за слепородной и злокачественной марксо-ленинской утопией, мы (*то есть – русские!* – О. К.) положили на плахи или спустили под откос бездарно проведенной, даже самоистребительной „Отечественной“ войны – треть своего населения. Мы лишились своего былого изобилия, уничтожили класс крестьянства и его селения, мы отшибли самый смысл выращивать хлеб, а землю отучили давать урожай, да ещё заливали её морями-болотами. Отходами первобытной промышленности мы испакостили окрестности городов, отравили реки, озёра, рыбу, сегодня уже dokonечно губим последнюю воду, воздух и землю, ещё и с добавкой атомной смерти, ещё и прикупая на хранение радиоактивные отходы с Запада. Разоряя себя для будущих великих захватов под обезумелым руководством, мы вырубали свои богатые леса, выграбили свои несравненные недра, невосполнимое достояние наших правнуков, безжалостно распродали их за границу. Изнурили наших женщин на ломовых неподымных работах, оторвали их от детей, самих детей пустили в болезни, в дикость и в подделку образования. В полной запусси у нас здоровье, и нет лекарств, да даже еду здоровую мы уже забыли, и миллионы без жилья, и беспомощное личное бесправие разлито по всем глубинам страны, – а мы за одно только держимся: чтоб не лишили нас безумного пьянства“.

Как пули в сердце слова: „МЫ“ (то есть, никто кроме нас, русских, только нашей русской злой волей, и как дальше сказано, протягиваемыми к чужим жизням, „лапами“) „положили на плахи“, „уничтожили“, „отшибли“,

„губили“, „испакостили“, „отравили“, „выграбили“, „кидаемся на соседей поджигать их дома и убивать“, „за одно только“ держась: „чтоб не лишили нас безумного пьянства“...

Прочтя такое кажется, что безжалостней и несправедливее не может быть приговора русскому народу, а одной строчкой ниже обнаруживается и вовсе немыслимое: „...всю эту бессмыслицу и губление нам посильно сносить хоть и всю нашу жизнь насквозь – а только бы кто не посягнул обидеть, затронуть нашу **нацию!**“ И утверждается невероятное: „Тут – уже нас никто не удержит в извечном смирении, тут мы с гневной смелостью хватаем камни, палки, пики, ружья и кидаемся на соседей поджигать их дома и убивать“.

Кто утверждает такое? Янов? Хазанов? Померанц или Синявский? Нет! Не приводя ни одного доказывающего факта, говорит это А. Солженицын, да ещё с международным закреплением своих прав на это, чтобы кто другой не посмел от своего имени повторить, что отмечено знаком „копирайт“ на брошюре!

О каком же обустройстве России может быть речь, если населена она сплошь нелюдьюми, убивающими и разоряющими, грабящими и отравляющими, „кидающимися на соседей поджигать их дома и убивать“? Тем более, если согласиться с Александром Исаевичем, заявляющим тремя страницами дальше, что: „Наши деды и отцы, ’втыкая штык в землю’ во время смертной войны, дезертируя, чтобы пограбить соседей у себя дома, – уже тогда **сделали выбор** за нас пока на одно столетие, а то, смотри, и на два“.

Итак, всё предопределено, как утверждает Александр Исаевич, выбором „на одно столетие, а то, смотри, и на два“, воткнувшими в 1917 году „штык в землю“. В этом совпадают точки зрения Солженицына и Горбачева, который неоднократно заявлял, что социалистический выбор, накладывающий якобы обязательства на ныне живущих, был сделан более семи десятилетий тому назад. Непонятно, зачем тогда утруждал себя А. И. Солженицын „со-

ображениями“, об обустройстве России, к чему они, если он убеждён, что мы скованы вековым выбором, который повелевает ещё, по меньшей мере, на четверть столетия вперёд всему русскому народу не жить, а влачить жалкое существование...

В поисках объяснения неожиданного, немыслимого, невероятного, пытаюсь смягчить полученный удар, приходится хвататься за соломинку. А не сыграла ли с Александром Исаевичем его склонность к замысловатым, изощрённым, зачастую ребусным формам и тональностям повествования, на сей раз злую шутку? Не поскользнулся ли он на покаянном замысле стиля и тона своей речи, в сторону искажения смысла, утверждаемого им?

Но могло ли случиться подобное с выдающимся, виртуозным мастером слова? Что ж, всё может быть, многое зависит не только от человеческой воли!

Если же не этим объясняется случившееся, то трудно найти объяснение и оправдание происшедшей смене нравственных, духовных вех, казавшихся ещё совсем недавно незыблемыми. Думаю, русский писатель А. И.-Солженицын должен разъяснить нам, русским, всё сам. Со своей стороны смирюсь, если даже такого разъяснения не последует. Смирюсь с тем, что был, так сказать, „ранний“ Солженицын - наш, русский, уважаемый, почитаемый и любимый, который навсегда останется в сердце и памяти неизменным, - и появился „новый“, не наш, чужой, и пусть совесть его будет ему судьей...

Говоря о десятилетии альманаха «Вече» я был вынужден высказаться относительно последней публицистической работы А. И. Солженицына, оставившей невыразимо тягостное и горестное впечатление не только в той её части, где он предъявил голословное и глобальное обвинение русскому народу. Ведь мы гордились и вдохновлялись сознанием, что разделяем и, по мере наших скромных сил и возможностей, доносим до умов и душ наших соотечественников в Зарубежье и в России, духовные ценности, блестящим выразителем которых до последнего времени являлся Александр Исаевич. Теперь мы

как бы осиротели. Но не растерялись, – и поэтому я не видел причины, которая вынуждала бы стыдливо умолчать о брошюре Солженицына „Как нам обустроить Россию?“ или, что было бы ещё хуже, выразить деланный искусственно восторг, по поводу её содержания.

Прошедшее десятилетие показало, что объектом служения альманаха «Вече» были неизменно Россия и русский народ, а не какие-либо общественные группировки и течения, политические партии, или же выдающиеся личности. Этим курсом будет следовать «Вече» дальше. В центре нашего внимания будут оставаться Россия и русский народ, им принадлежат наши помыслы, наша забота и наша любовь. Мы уповаем на Господа Бога, на Его милость, на то, что Он даст нам мужество и силу идти и дальше избранным путём служения Родине.

А. Х в а л и н

„Пока свободою горим...“

(Заметки на историко-литературную тему)

Головная боль, всякий раз наваливающаяся после чтения плохой книги, просмотра бездарного кинофильма или прослушивания громко-примитивной музыки, заставляет с годами всё осторожнее относиться к „предметам“ искусства. „Болевой инстинкт“ требует оградить внутренний мир от всепроникающих разрушительных тайфунов; не семь, а десять раз подумать: это – читать? это – смотреть? это – слушать? Ищу, продираясь сквозь частокол массовой рекламы, произведения, наполненные светом и жизнью, свободой и истиной. Только оберегая душевное равновесие и незамутнённый разум, можно противостоять силам хаоса и распада.

I

Журнал «Октябрь» (1989, № 6) опубликовал повесть В. Гроссмана „Всё течёт“. Датировано произведение 1955 - 1963 годами. Речь в нём идёт о трудной дороге возвращения человека из сталинских лагерей – из одного мира в другой.

Хорошо известный сейчас писатель Варлам Шаламов, объясняя новизну своей прозы, писал, что никакая сила

таланта не позволит писателю „раскрыть“ лагерную тему, если эта „тема“ не стала частью его судьбы, пережитого. Поэтому на фоне прозы того же В. Шаламова, документальных свидетельств жертв сталинского террора; а также после того, как читатели познакомились с „Годом великого перелома“ В. Белова, „Мужиками и бабами“ В. Можая, „Переломом“ Н. Скромного и другими произведениями об ужасах раскрестьянивания; в таком ряду, при соотнесении с действительно значительными явлениями нашей литературы, повесть В. Гроссмана „Всё течёт“ выглядит добротной беллетристикой. Но – не больше.

Однако, именно эта вещь писателя (даже больше, чем роман „Жизнь и судьба“, хотя некоторые критики и поспешили объявить его чуть ли не новой отечественной эпопеей, сравнимой с „Войной и миром“) вызвала горячие споры. И отнюдь не из-за художественных достоинств или просчётов. В конце-концов, повесть в целом смотрится не более, чем „обрамлением“ нескольких страничек дневника главного героя.

Стилистически отличающийся от общего жёсткого и вместе с тем ностальгически романтического тона повести, психологически не мотивированный (это не запись хода мысли, не поиск истины, а уже готовые историко-софские, идеологические и политические формулы) „дневник“ Ивана Григорьевича, центрального персонажа, выглядит чужеродной вставкой в тексте. При его чтении не покидает ощущение, что „вмонтирован“ он в повесть позже, на какой-то заключительной стадии работы. Однако, не будь „вставки“, повесть „Всё течёт“ прошла бы, уверен, незамеченной в большом ряду „возвращённой“ литературы. Поэтому будет правильнее говорить в первую очередь о „дневнике“ Ивана Григорьевича, а точнее – о той концепции исторического развития России, которую разворачивает автор через посредство своего героя. О близости точки зрения персонажа и авторской позиции можно судить по тому, что концепция в целом не получает корректировки и оценки ни другими героями, ни самим писателем.

Нельзя же всерьёз воспринимать спор Ивана Григорьевича с соседом по камере. Здесь скорее не разница взглядов на суть происшедшего, а различие темпераментов. Что позволяет первому оптимистически надеяться и верить в счастливый исход как для себя, так и для страны: „Свобода соединится с Россией!“ Другого же, Алексея Самойловича, его пессимистическая натура повергает в уныние: „История жизни есть история непреодоленного насилия, оно вечно и неистребимо...“ Но, собственно, товарищ по несчастью и не мог ещё ничего по существу возразить Ивану Григорьевичу, поскольку „дневника“-то тогда и не было. А как раз в нём выражена главная идея повести.

В письме, опубликованном в газете «Литературная Россия» (1989 № 41), кандидат технических наук М. Антонов, лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии РСФСР В. Клыков, член-корреспондент АН СССР и лауреат Ленинской премии И. Шафаревич, говоря о повести „Всё течёт“ и предваряющем её комментарии, отмечают: „Главная же установка этого произведения заключается в том, что особенности русской души рождены несвободой, что русская душа – „тысячелетняя раба“, нигде не оспариваются комментатором. Целая статья посвящена отдельным пунктам несогласия с автором – и ни слова о главной идее повести. И никакого недоумения по поводу таких, например, высказываний: „Пора понять отгадчикам России, что одно лишь тысячелетнее рабство создало мистику русской души“. Можно понять возмущение деятелей русской культуры. К тому же приведенная в их письме цитата не единственная подобного рода в повести.

Чтобы уяснить глубинный философский и современный политический смысл реанимации старой легенды о „рабстве“ русского народа, конспективно изложенной В. Гроссманом, надо хотя бы так же кратко показать вехи её развития и попытаться добраться до истоков. Для такой широкомасштабной „операции“ придётся отрешиться от дидактически-школьного взгляда на отечественную

историю, которая на наших буквально глазах из „краткого курса“ превращается во вместилище живой памяти. Мы много чего узнаем: бывшие гиганты оказываются карликами, революционер Герцен заканчивает свой земной путь страстным поборником эволюции, а „неистовый Виссарион“, выясняется, был предтечей богоискателя Достоевского с его знаменитой максимой – „Красота спасёт мир“... Но самое интересное: ситуацию, когда отечественную историю перепишут, поставят с ног на голову, предвидел ещё Бунин в своих „Окаянных днях“. Вот почему надо взять в союзники непредубеждённость и терпимость к иному, отличному от расхожих стереотипов взгляду, когда задаёшься целью что-либо понять в запутанном порядке хозяйства, выдаваемом долгие годы за русское прошлое.

II

С революционным террором, сталинскими репрессиями, неумением русских воплотить на своей земле „гениальный“ план построения социализма, эта легенда стала связываться в XX веке. Её „современным отцом“ называют философа Н. Бердяева, в работах которого мировой феномен революции трактуется как продукт русского национального характера. Именно неизменными пороками, якобы извечно присущими русской душе, объясняет философ причину кровавой вакханалии первого года русской революции. Его книга „Истоки и смысл русского коммунизма“ (1937) на русском языке впервые появилась в 1955 году, то есть тогда, когда В. Гроссман начинает работу над повестью „Всё течёт“.

Идея Н. Бердяева обрела популярность на Западе, стала развиваться профессиональными советологами и эмигрантскими публицистами – от Дж. Кеннана до А. Янова, Б. Хазанова и подавляющего большинства комментаторов на радиостанции „Свобода“, а в последнее время и многими советскими историками. Так что – ничего оригинального подход В. Гроссмана к новейшей советской

истории не содержит.

Но пойдём дальше. Говоря о „тысячелетней крепостной несвободе“ русского человека, В. Гроссман предъявляет счёт нашим национальным гениям: „И потому-то так трагически ошиблись пророки России“, – имея ввиду Достоевского, а через него опосредованно – и Пушкина. Не поверим автору на слово, а откроем вторую главу „Дневника писателя“ Ф. М. Достоевского за декабрь 1877 года, чтобы убедиться – упрёк явно не по адресу: „В сущности эти любители всегда презирали народ. Они верили, главное, что он раб. Рабством же извиняли падение его, но раба не могли ведь любить, раб всё-таки был отвратителен. Пушкин первый объявил, что русский человек **не раб** (курсив Достоевского – А. Х.) и никогда не был им, несмотря на многовековое рабство. Было рабство, но не было рабов (в целом, конечно, в общем, не в частных исключениях) – вот тезис Пушкина“.

Сопоставив оба подхода, видим здесь не просто отказ советского писателя от традиций классической русской литературы XIX века, а принципиальную **психологическую** разницу во взглядах на русский народ: у Пушкина и Достоевского это взгляд „изнутри“, они не отделяют себя от единого народного тела; у Гроссмана – точка зрения „извне“, позиция судьи, который якобы беспристрастен и выносит приговор целому народу, лишь руководствуясь законами истории. В данном случае, если воспользоваться метафорическим образом из „Сахарны“ философа и писателя В. Розанова, советский прозаик нарушил „канон брата Коли“. Такие поступки Розанов оценивал достаточно безапелляционно: „Хоть бы ты подумал, что произносишь свои подлые слова о России на том языке, которому тебя выучили отец и мать“. Но будучи искренними до конца, спросим каждый себя: „А сами мы не нарушаем постоянно этот „канон“? Не есть ли то спокойствие, с каким мы воспринимаем очередное обвинение в рабстве, и **нынешняя** готовность не только снести оскорбления, но и добавить новых уже от себя – ярчайшим свидетельством как раз подобного рабства?“ То-то и оно: на этом

строится весь расчёт.

Нет, всё-таки не ошибались наши гении относительно высокого предназначения русского народа. А байка о нашей „дикости“ и „жестокости“ родилась не у нас, хотя сегодня долгими стараниями отечественных нигилистов воспринимается, как доморощенное явление.

Начавшая новый мощный виток в своём поступательном движении после „грозы двенадцатого года“ и пережившая декабрьские волнения на Сенатской площади, Россия обращается к своим народным, национальным началам. „История государства Российского“ Карамзина и гений Пушкина прокладывают ей дорогу. На годы 1833 - 1847 падает расцвет изучения русских древностей и русской народной словесности. Этот подъём национального самосознания совпадает с фактическим отказом царского правительства от выполнения космополитической программы „Священного союза“, в создании которого принимал участие ещё Александр I. Поступить так Николай I смог в значительной мере и потому, что, в отличие от своего отца, окружённого со всех сторон возведшими его на престол заговорщиками, лично противостоял им.

Об этой красноречивой детали есть упоминание в дневнике Пушкина. 17 марта 1834 года он записывает: „Но покойный государь (Александр I – А. X.) окружён был убийцами своего отца. Вот причина, почему при жизни его никогда не было бы суда над молодыми заговорщиками, погибшими 14 декабря. Он услышал бы слишком жестокие истины“. И как особо важное, под знаком „нотабене“ Пушкин отмечает: „Государь, ныне царствующий, первый у нас имел право и возможность казнить цареубийц или помышления о цареубийстве; его предшественники вынуждены были терпеть и прощать“. Что и говорить: сложнейшая эпоха, запутанные отношения монарха и двора, напряжённые поиски всего общества путей в будущее.

Как же воспринимается Николаевская эпоха в современном общественном сознании? Совершенно в духе концеп-

ции либерального историка А. Н. Пыпина, перекочевавшей и в советские учебники. Именно ему принадлежит „честь“ трактовки формулы тогдашнего министра просвещения С. С. Уварова – „православие, самодержавие, народность“ – как доктрины „официальной народности“, то есть как идеологического обоснования крепостничества, а следовательно – рабства, так искомого писателем В. Гроссманом в русской истории.

Но, как показал в работе „Об одной идеологической формуле Николаевской эпохи“ Н. И. Казаков («Контекст» - 89, М., 1989), ничего общего ни с официальной идеологией, ни тем более с защитой крепостничества, данная формула не имела. (Кстати, необходимость реформы в этой области прекрасно понимал Николай I, под руководством которого началась проработка различных вариантов, имевших целью **постепенность** выхода из общегосударственного кризиса, избегая при этом угрозы гражданской войны). Большинство современников восприняло в уваровской триаде „народность“, как призыв к развитию и утверждению русской национальной культуры.

Однако, провозгласив в 1833 году идею „народности“, официальные круги сделали вскоре поворот на сто восемьдесят градусов, всячески мешая её претворению в жизнь. (Против чего, кстати, выступили славянофилы, попав сразу же в немилость правительства). Такова была логика и практика бюрократии на протяжении всей истории. Поэтому её грехи безнравственно переносить не только на весь русский народ, но и на его гениев, духовников и защитников, отстаивавших как раз в отличие от космополитической элиты, „толпившейся у трона“, свободный путь развития России, мыслимый ими в неразрывном единстве с ростом национальной самобытной культуры в её духовном и материальном проявлениях.

Схожий „перевертыш“, как с формулой „официальной народности“, произошёл и в сталинское время с так называемой „кампанией борьбы с космополитизмом“. Инспирированная сверху акция не столько способствовала подъему русского национального самосознания, сколько

опошшила и дискредитировала те ростки народного свободомыслия, что появились после Великой Отечественной войны. В результате – вина за вакханалию, придуманную и развязанную воистину интернациональной бюрократией, сейчас в трудах некоторых историков и литераторов (есть и в повести В. Гроссмана страницы, посвящённые этой теме) возлагается на всех русских людей поголовно, которые, мол, сами рабы и недотёпы, а причины своих бед и неудач ищут на стороне, обвиняя во всём инородцев.

Как правительство Николая I отказалось от идеи „народности“, которую ошибочно считают главной в его идеологии, так и сталинское правительство быстро свернуло кампанию „по борьбе с космополитами“ после таинственно внезапной смерти „вождя“. А лыко в строку русскому народу продолжают вставлять. И вряд ли можно надеяться, что публикация повести В. Гроссмана в «Октябре» – последняя точка.

Отступим вглубь истории ещё на век – в восемнадцатый. Ибо в нем буйным цветом расцвела теория, многие положения которой позаимствовал через сто лет либерал А. Н. Пыпин. Обеспокоенная тогдашним усилением России в результате импульса петровских реформ, Западная Европа стала „кричать“ о возрождении монгольского улуса. Европейская либеральная историография начала „обливать грязью“ татар, монголов и русских, противопоставляя этим „диким азиатам“ благочестивый цивилизованный Запад.

Не обошёл вниманием „монгольское влияние“ на русский народ и В. Гроссман. Писатель подчёркивает „азиатство“ Сталина, считая, что тиран создал государственность, которая „тысячелетними корнями своими ушла в крепостное прошлое, обратившее мужиков в рабов, в **татарское иго** (подчёркнуто мной – А. Х.), обратившее в холопов тех, кто княжит над мужиками, ту, что одновременно граничит с вероломной, мстительной, лицемерной и жестокой Азией и с просвещенной, демократичной, торговательской и продажной Европой“. Но откуда такая тенден-

циозность по отношению к азиатскому Востоку как у советского писателя, так и у западноевропейских „учёных мужей“? Как показал в своих исследованиях крупнейший современный этнограф и историк Л. Н. Гумилев, она отнюдь не случайна. Её корни отыскивались аж... в XIII веке. Вкратце суть вопроса такова.

В 1260 году монголы-христиане пошли в Палестину освобождать от мусульман гроб Господень. Защищавшие христианские святыни крестоносцы-тамплиеры пропустили мамлюков в тыл уставшим монголам. И те вырезали сирийских и армянских христиан. Тамплиеры не подумали выступить на защиту „братьев во Христе“. Они „эвакуировались“ сначала на Кипр, а затем благополучно перебрались в Европу. Там возмутились предательством крестоносцев. Но тамплиеры вышли „сухими из воды“, свалив грехи на монголов. Так были посеяны семена лжи, взошедшие в XVIII веке „черной легендой“ о вероломстве монголов, татар и... русских.

Миф перекочевал из Западной Европы в Россию. „Офранцузенные“, „окультуренные“ на европейский фасон после петровского раскола, когда единый народный организм был насильственно разделён на две неравномерные части, российские сливки общества, всеми фибрами души тянулись к отталкивавшей их Европе, не желая поверить даже в очевидные факты.

Монголо-татарское иго – явление противоречивое во времени. При всей своей тяжести, оно не уничтожило под корень нашей государственности, культуры, веры. Всего один красноречивый факт: в 1312 году взбунтовались поволжские монголы – они отказались повиноваться хану Узбеку, навязывавшему им ислам. Разгорелась междоусобная война. Часть оставшихся в живых поволжских монголов бежала на Русь, где стала частью московского воинства, победившего Мамаю на Куликовском поле и остановившего набеги „цивилизованных“ литовцев-католиков. В отличие от Орды, Литва, захватывая русские земли, старалась насадить там свои порядки: запрещалось говорить на родном языке, разрушались православные

храмы, сжигались книги. А вспомним крестоносцев, поляков, шведов, французов... Вот уж воистину „носители высокой культуры“, всякий раз огнем и мечом желавшие „просветить“ наш „рабский“ народ! Так что, вопрос о природной жестокости того или иного народа давно бы пора перестать обсуждать.

Однако взгляды В. Гроссмана на русскую историю можно только в общем назвать „евроцентристскими“. В конце-концов, западная богословская, философская мысль, а также русское общественное течение, получившее название „западничество“, слишком многомерные явления. Поэтому надо вычленить наиболее близкое советскому писателю направление, в рамках которого станет ясен подлинный художественно-философский смысл исторической концепции, развернутой в повести „Всё течёт“, а само произведение займёт причитающееся ему место в длинной череде родственных по духу трудов.

В повести, написанной в середине пятидесятых – начале шестидесятых годов XX века, автор её отнюдь не случайно оперирует понятием тысячелетней истории России. Для него, как впрочем и для всякого культурного россиянина, новый период в истории нашей родины начинается с 988 года – времени крещения Руси. С этой поры В. Гроссман и ведёт летоисчисление русского „рабства“.

В I веке н. э. в пределах Римской империи, на стыке эллинского, древнееврейского и сирийского этносов, возникла христианская община, ставшая ядром огромного нового этноса и культуры – византийской. Православие мы приняли от Восточной Римской империи. Русь усвоила от Византии те ценнейшие принципы, которых не знала античность и не перенял христианский Запад. Смысл их состоял во включении в государственную систему элементов духовных, в частности, совести, без которой, как верно полагали наши предки, строить внутренние взаимоотношения невозможно. И Византия, и древняя Русь не знали язвы, разъедавшей Западную Европу – борьбы светской и духовной власти. Силы эти, уравновешивая друг друга, создавали крепкий единый

народный организм. „Тяжесть“ мономаховой шапки заключалась не только в ответственности верховного правителя перед людским судом, но – и перед Богом как высшим нравственным законом.

После того, как в 1054 году католический Запад отделился от православия и стал требовать земного главенства папы над всеми православными Церквями, существовавшее между двумя ветвями христианства противоречие стало быстро углубляться. Именно в Западной Европе зародилось то течение мысли, которое выходец из России философ С. Франк определил как „ересь утопизма“ (он так и назвал одну из последних своих работ). Под утопизмом учёный понимал замысел спасения мира устрояющей волей человека, замахнувшегося насильно „перестроить“ не только земную жизнь, но и „переписать“ космические законы. Так как идея спасения мира принудительной силой теократического закона есть руководящая идея ветхозаветной религии, ересь утопизма оказывается искажением христианского сознания в сторону ветхозаветных представлений.

Русь же устами первого митрополита Илариона так определила свой выбор. В его „Слове о Законе и Благодати“, где под законом подразумевается Ветхий Завет, а под благодатью – Новый, сказано: „...вера благодатная по всей земле распространилась и до нашего народа русского дошла, и озеро закона пересохло, а евангельский источник наводнился. Вот уже и мы со всеми христианами славим святую Троицу, а Иудея молчит...“

Здесь сердцевина давнего „раскола“, точка опоры, налегая на которую поколения „еретиков“ старались перевернуть мир. Следы их усилий видны повсюду: в кальвинизме, в различных типах утопизма эпохи Реформации, в так называемой „новгородской ереси“, в нашем отечественном нигилизме... Но не России, конечно, принадлежит здесь первенство. По С. Франку: „Самый яркий и в нашей связи поучительный образ этого умонастроения есть попытка анабаптистов в Мюнстере принудительно осуществить христианский идеал имущественной общности: за-

кон предписывал, чтобы двери домов оставались открытыми днём и ночью; всякий мог брать повсюду, что он хотел; нарушители закона беспощадно карались смертной казнью. Это образец примитивного, мотивированного христианским идеалом совершенства, принудительного социализма, неизбежно поддерживаемого террором, кажется, исторически первый опыт большевизма“. Трудно здесь не согласиться с философом, вспоминая хотя бы платоновские фантазмагии „Котлован“ и „Чевенгур“, рожденные однако уже нашей революционной явью.

Писатель В. Гроссман с высоты жизненного опыта не приемлет жестокостей красного террора (как впрочем, и саму социалистическую революцию), он „критикует“ Ленина, Сталина, а заодно и всех этих „диких русских азиатов“, не сумевших как следует воспользоваться „свободой“, так долго пестуемой для них на Западе. Вообще „торгашеская и продажная“ Европа хороша для него постольку, поскольку выносила в себе дитя утопизма и передала его на кормление и воспитание русским революционерам, которыми, по В. Гроссману, являются лишь те, „кто покушается на основу основ старой России – её рабскую душу“. Последними в их ряду стоят: „блестящий, бурный, великолепный“ Троцкий; „наделённый проникновенным даром обобщателя и теоретика обаятельный“ Бухарин; „наиболее близкий народному, крестьянскому и рабочему интересу практик государственного дела волоокий“ Рыков; „изошрённый в государственном руководстве, образованный и уверенный“ Каменев; „полемист-дуэлянт международного класса“ Зиновьев.

И легион таких способных „цивилизованных“ революционеров не уберёт Россию от варвара Сталина?! Как их предшественники, не называемые в повести поимённо, не смогли уберечь её от Ленина, который „убил ради захвата власти самое святое, что было в России – её свободу“. Имеется в виду, конечно, буржуазная, на западный манер свобода, что вытекает из следующего пассажа: Эта свобода была детски беспомощна, неопытна. Откуда ей, восьмимесячному младенцу, рождённому в стране тысяче-

летнего рабства, иметь опыт?“ То есть, по В. Гросману: не могла, не могла Россия-рабыня произвести на свет младенца-свободу и вот, наконец, понесла от „духа“ западных революционеров. Всё это совершенно в русле мечтаний незабвенного Петра Верховенского из пророческого романа Ф. М. Достоевского „Бесы“. Там Петр Степанович подробно объясняет Ставрогину, как, посеяв на Руси великую смуту, выпустят они подготовленного загодя мессию-революционера.

У нашего автора, таким образом, выходит нечто совершенно противоположное взглядам, отражённым в русской православной традиции: ведь изгнана, как известно, была рабыня Агарь с сыном Измаилом, державшиеся рабского закона, то есть Ветхого Завета, „а сыны благодати христиане сделались наследниками Богу и Отцу“ (Иларион).

Поскольку православная Россия почти тысячелетие держалась пути спасения мира через нравственное совершенствование человека, то она для впавшего в ветхозаветную „ересь утопизма“ В. Гроссмана и не могла восприниматься иначе как „тысячелетняя раба“. Революционеры-„покусителей“ же он осудил скопом за „междусобойчик“, поделив их затем, вполне логично с его точки зрения на „козлиц“ и „агнцев“. Где первые – „азиаты“ – действовали методами жесточайшего террора, а вторые – „европейцы“ – сочетали его с „мягкостью“, с умением ловко манипулировать общественным сознанием в своих целях.

От В. Гроссмана надо сразу же отвести возможные обвинения в примитивном расизме. На политическом, социальном, бытовом уровне он выглядит подлинным интернационалистом. Людей и народы писатель оценивает по их отношению к идее, к вере, им исповедуемой. Русский народ для него „рабский“, „дикий“, „коварный“ не сам по себе, не из-за какого-то особенного состава крови, да и не весь. „Плохи“ для писателя лишь те, кто держится „заветов отцов“, отступники же – прекрасный материал для „просвещения“. Перед нами, таким образом,

литературная модификация теории „осевого времени“ К. Ясперса, изложенная в труде, изданном с 1949 году в Цюрихе.

В свою очередь взгляды К. Ясперса – это новейший вариант господствовавшей только в Западной Европе ещё с блаженного Августина концепции исторического „прогресса“. Учёный выделил из всей истории „осевое время“, когда между 800-200 годами до н. э. возникли параллельно в Китае, Индии, Персии, Палестине и Элладе духовные движения, оформившие тот тип человека, который якобы существует поныне. Тогда же, мол, родились все мировые религии и философские системы, были поставлены и решены основные вопросы бытия. Понятно, что при таком подходе все иные народы, кроме пяти избранных – „осевых“ (китайцы, индусы, иранцы, иудеи, греки) рассматриваются как „неполноценные“, нуждающиеся в благодеянии. Охарактеризовав теорию К. Ясперса как „оформление взглядов не только Августина, первоисточника всех ересей Средневековья, но даже древних иудейских мыслителей, создавших учение о своей богоизбранности“, – Л. Н. Гумилев в своём (до сих пор не известном массовому читателю) фундаментальном, базирующемся на учении русских „космистов“ – К. Циолковского, Н. Федорова, Л. Чижевского, В. Вернадского, – исследовании „Этногенез и биосфера земли“ убедительно опроверг атеистическую „религию прогресса“, которую многие и в наше время продолжают исповедовать.

В XIV веке православная традиция в связи с возникновением великорусского народа получает новый импульс. Но Московская Русь – это не культурная провинция Византии, а самостоятельная целостность, развивающаяся по своим законам. Вера на протяжении веков тесно переплетается с также постепенно складывающимся этническим стереотипом поведения. В России к началу глобальных катаклизмов XX века из всех мирских сословий лишь крестьян, сохранивших исконный характер труда, быта и мирозерцания, можно считать носителями истинного православия. Не случайно: не индустриализацию, не даже

битву с фашизмом, как можно судить по воспоминаниям Черчиля, а именно коллективизацию – „великий перелом“ – считал Сталин главным своим „делом“. И, заметим, тут его злодеяния против огромных масс людей не вызывали широкого осуждения либеральной западной демократии... вплоть до 50-60 годов.

Вот и в повести „Всё течёт“ немало страниц посвящено описанию голода в деревнях во время коллективизации. Проникнуты они одним единственным чувством – жалости. По-существу, в них даётся образная прелюдия последующего „очерка истории“: как безропотно и закономерно вымирают „рабы“, сначала не сумевшие оборонить „восьмимесячного младенца“ – февральскую революцию, а затем выбравшие себе в вожди не „блестящего“ Троцкого и К°, а „дикого азиата“ Сталина. Опять всё наоборот, словно в русской сказке: битый небитого везёт.

Оставаясь до конца приверженцем утопической идеи государственного принуждения в либеральном западном варианте, В. Гроссман тоскует оттого, что „хрустальная мечта“, рождённая и взлелеянная в веках западноевропейской мыслью, разбилась, соприкоснувшись с „грубой“ русской действительностью. И он винит в неудаче многострадальный народ, не в силах отказаться от мечты, поверить в ущербность самой идеи. Тогда, в годы работы над повестью, В. Гроссман не видел необходимости в иных путях развития России и человечества.

Пройдёт совсем немного времени, и в 1974 году человек, можно сказать, одного с В. Гроссманом поколения, крупнейший, пожалуй, из ныне живущих русских писателей – А. Солженицын, при вручении ему премии „Золотое клише“ Союза итальянских журналистов выскажет мысль, имеющую фундаментальное значение. Суть её: опыт развития человечества, в том числе и России, показывает, что насильственными переворотами открывается путь не в светлое будущее, а в худшую гибель, в худшее насилие. Если и суждены в грядущем революции, то, по Солженицыну, они должны быть революциями нравственными. В каких формах это будет происходить,

пока никому неведомо. Ответ, возможно, даст XXI век.

Оптимистический же финал повести „Всё течёт“ – Россия соединится с западной свободой – порождает у единомышленников В. Гроссмана новые, уже современные иллюзии, имеющие не просто философско-исторический смысл, но и чётко выраженную общественно-политическую направленность.

III

Противоречивость взглядов „извне“ и „изнутри“ на русскую историю объективно заложена в самом существовании на земле разных народов, в их контактах и борьбе между собой. Поэтому требуются осторожность и такт, чтобы сегодня не раздуть подёрнутые пеплом угли былых межнациональных костров.

Если мысленно прочертить линию зарождения и становления нашей государственности, выделив узловые моменты, – принятие христианства, формирование великорусского этноса и укрепление Московского царства в XIV - XV веках, реформаторство Петра I и XVIII век, николаевская эпоха, революционные катаклизмы на сломе прошлого и нынешнего веков, прибавить сюда время хрущевской „оттепели“ 1955-1963 годов, когда писалась повесть „Всё течёт“, где эти исторические события так или иначе нашли отражение, а также 1989 год, когда она появилась в массовом „литературно-художественном и общественно-политическом“ журнале, – то нетрудно сделать вывод о том, что легенда об „азиатском варварстве“ русских, о „рабской“ душе народа всегда имела и ярко выраженную политическую окраску. Миф этот родился и всякий раз возникал именно в судьбоносные моменты начинающегося подъема русского национального самосознания и преследовал цель не допустить укрепления морального, духовного и политического авторитета России на международной арене.

Не буду долго распространяться о том вреде, какой мы наносим собственным пренебрежением к Отечеству наше-

му. Давно стало аксиомой: не уважающий себя народ никогда не удостоится почтительного отношения других. Тем более надо проявлять самоуважение и выдержку перед лицом абсурдных обвинений, ярлыков и вместе с тем – веротерпимость, если живёшь с соседями под одной крышей. Приведу всего лишь один пример. Канадская газета «Ситизен», комментируя в редакционной статье принятый в Эстонии закон об ограничении избирательного права русскоязычного населения, отмечает: „Тревогу вызывает всё более широкое распространение расистской литературы. В одной из недавних статей русских охарактеризовали как агрессивный народ, грубость которого уходит корнями во времена татаро-монгольского ига («Правда», 15. 8. 89 г.). Знакомые мотивы, не так ли?

Бог с ними – недругами России. Всё-таки я верю: русский человек и сегодня, когда страна вновь находится на распутье, не согласится с уготованной ему ролью вековечного раба, не смирится с мыслью о том, что вся история нашего Отечества – цепь поражений и бед. Трезво оглядывая пройденный путь, будем судить о себе не по тем временным безобразиям и унижениям, что довелось перетерпеть, а по вершинам духовного подвига, которые покорились предкам, по тому нравственному заряду, что кроется в сердцах наших, живых для чести и горящих свободой, как сказал наш первый Поэт.

Оттолкнувшись от обратного, от спора и памятуя наказ Ломоносова: „немало имеем свидетельств, что в России столь великой тьмы невежества не было, какую представляют многие внешние писатели“, – вновь перечитал я массу источников, полных высоких слов о России, о нашем народе. Тексты старинных летописей, образцы древнерусского красноречия, мемуары о героических походах защитников Отечества, не говорю уже о русской классике XIX века – всё дышит любовью и заботой о родной земле, надеждой на её процветание. И легче стало на сердце, очистилось оно от скверны, вольнее вздохнула грудь.

А что касаясь „рабства“ нашего, так ещё проживший

без малого сто лет иннок Псковского Елизарьева монастыря Филофей, завещал потомкам в своём послании к царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси таковы слова: „...верные рабы – это те, кто волю Божию беспрестанно исполняет; недостойные те, кто хотя и является христианином, но от дел добрых отстраняется; а враги те, кто не только сам не хочет праведно жить, но жестоко борется против тех, кто по Божиим законам живёт“. Выходит, предки наши ведали, что „царство свободы и справедливости“ в сердце каждого, и никакими бичами не загонишь в это „царство“ человека, если глухо сердце его к голосу истины.

Свобода и соборность неразрывны в русском духовном начале. Это как раз и недоступно пониманию двойственной западной мысли. В окружённом со всех сторон тёмными силами мирового хаоса нашем Отечестве, нет духовно свободнее человека, чем русский человек, пробивающийся сквозь грязь и тину к чистой родниковой воде народного источника.

Владивосток, 1990 г.

Семейство Норинских

I

Для развития сюжета напомним читателям о двух фактах недавней литературной жизни.

После выхода повести В. Астафьева „Печальный детектив“ литературовед-пушкинист Н. Эйдельман отправил Астафьеву письмо, в котором обвинял автора в антисемитизме, в неприязни к грузинскому и бурятскому народу и т. д. Возмущённый Астафьев ответил пушкинисту резким письмом, не предназначенным для печати.

Тогда Эйдельман написал Астафьеву ещё одно оскорбительное письмо и... пустил частную переписку по рукам, видимо желая скомпрометировать выдающегося русского прозаика в глазах читателей. В обществе живущем по законам чести так не поступают, однако у пушкиниста, видимо, свои представления о чести, и его ничуть не смутило то, что известный критик А. Михайлов назвал в своей статье, опубликованной в газете «Правда», всю эту историю „гапоновщиной“. Всё было ясно, кто в ней играет провокаторскую роль Гапона. Переписка, естественно без согласия Астафьева, была опубликована за рубежом.

Второй сюжет. В конце 1988 года Г. Бакланов опубликовал в журнале «Знамя» факсимиле подмётного письма, написанного якобы из общества „Память“, в котором была угроза жизни главного редактора «Знамени»: „О чём прикажете спорить с боевиками общества „Память“, которые грозят мне физической расправой“, - жаловался Бакланов читателям...

Однако вскоре выяснилось, что подмётное письмо, с

такой охотой опубликованное Баклановым в «Знамени» написал ленинградский провокатор еврейского происхождения Норинский, чтобы навлечь гнев общественности на деятелей „Памяти“, что таких писем он послал в разные адреса немало. В итоге провокатор, по заслугам, получил, кажется, год тюрьмы, условно... Хороший урок получили и те, кто с удовольствием печатал анонимки. Ведь провокатор Норинский был не первым, кто в мутной воде перестроечного потока придумал, как пользоваться ими.

Тележурналист В. Познер, проводя „круглый стол“ по межнациональным отношениям, даёт микрофон еврейской женщине и та с возмущением рассказывает, как она шла по улице и вдруг к ней подошёл русский человек из „Памяти“, склонился к уху и крикнул: „Бей жидов, спасай Россию“. Но почему перепуганная женщина решила, что он из „Памяти“? Вот какой вопрос должен был задать ей ведущий, понимая, что такие огнеопасные заявления идут в эфир на десятки миллионов человек. Но Познер, всегда находчивый, промолчал и не усомнился в провокационной информации.

Одним из первых, кто ввёл эту азефовскую практику в жизнь, был уважаемый критик Ст. Рассадин. Года три тому назад он в своей статье испепеляющей кинофильм Н. Бурляева о Лермонтове, привёл письма якобы из Вологды, антисемитские по содержанию, и выразил своё благородное негодование: „вот, мол, существуют такие нелюди в Вологде!..“

Позабывая за последние два года журналистка Лосото в «Комсомольской правде» быстренько освоила метод Рассадина и в борьбе с „Памятью“ так же щедро цитировала анонимные письма, в которых речь шла о погромах, о ненависти к „жидомасонам“ и подобных страшных вещах...

Тележурналист В. Цветов, в вильнюсских «Вечерних новостях» (14.07.1989 г.) рассказывает о том, как он выступал в различных городах Эстонии, и что же в итоге: „Получаю записку, в которой написано: „Вонючий еврей, если ещё раз появишься на экране, мы тебя застрелим!“ Ночью мне в гостиницу раз пять или шесть звонили и

повторяли подобные угрозы. Судя по произношению, не эстонцы... Признаться откровенно, я, насколько до поездки мне было известно о событиях в Эстонии, был, пожалуй на стороне живущих там, русских...”

А вот послушал Цветов ночные звонки и перепуганный, решил, что это „идут русские“...

По тембру голоса сделал такое заключение, как опытный криминалист. Но вот что меня интересует: если Цветов сам позвонит кому-нибудь ночью по телефону, то интересно, за человека какой национальности примет его разбуженный абонент? Наверное, за русского. Но не ошибётся ли? Не Норинский ли это звонит? Не Норинский ли стоял за плечом разгневанного Рассадина? Не Норинский ли напугал до полусмерти дамочку из телепередачи своим хулиганским антисемитским призывом? Не Норинский ли шептал воспалённые речи, склоняясь над девичьим ухом Лосото, сочиняющей свое страстное письмо мужчинам из „Памяти“? Конечно же, это все норинские, пишущие одной рукой анонимку, а другой сочиняющие на неё разгневанный ответ. Норинский-рассадин, норинский-лосото, норинский-цветов, норинский-эйдельман...

Да-да, тот самый Эйдельман, который спровоцировал писателя Виктора Астафьева на переписку, чтобы потом пустить её по жаждущим сенсации рукам.

В начале первого своего письма Астафьеву Эйдельман писал о себе и своём отце: „Эйдельман Натан Яковлевич, историк, литератор, 1930 г. рождения, еврей, москвич; отец в 1910 году исключён из гимназии за пощёчину учителю-черносотенцу, затем – журналист (писал о театре)...“

Остановимся пока на этом. Изучая кровавую эпоху тридцатых годов, историю Беломорканала, читая речи больших и малых идеологов эпохи, я вдруг стал наталкиваться в прессе того времени на фамилию журналиста Эйдельмана, который иногда подписывался прозрачным псевдонимом Э. Дельман. О чём же он писал? О театре? Нет, не только...

Вот передо мной «Литературная газета» от 1-го мая 1937 г. Циничное восхваление громадного концентрацион-

ного лагеря, руководимого Л. Коганом, С. Фириним, Я. Раппопортом и Н. Френкелем, где, оказывается, можно не только хорошо жить и перевоспитываться, но как утверждал борец с антисемитизмом Я. Эйдельман, где заключённым (а их там полегло костями более 70 тысяч) можно ещё было вдохновенно и свободно заниматься искусствами и литературой, поскольку они воспевали „вдохновенный, всепобеждающий труд, чары которого они впервые постигли на строительстве канала...“ Листаю подшивку «Литературной газеты» дальше, вот ещё одна статья „Певец пролетарской ненависти“ («ЛГ», № 33, 1937 г.). Цитирую:

„Высшая мораль революции в том, чтобы враги народа, подло предающие его интересы, были начисто уничтожены...“

„Только на-днях вся страна с яростью и гневом узнала о преступлениях подлеишей банды долго маскировавшихся шпионов, фашистских наёмников – Тухачевского, Уборевича, Корка и других мерзавцев“.

Да-а, хорош был искусствовед-папа, писавший по словам сына „о театре“. Оказывается, он любил не только сцену МХАТа, но куда больше кровавые зрелища 1937 года!..

Это далеко не всё. Театровед Я. Эйдельман под псевдонимом „Дельман“ освещал в «ЛГ» того времени сфабрикованный судебный процесс против выдающегося русского поэта Павла Васильева, который начался после клеветнического письма в газету «Правда» от 24 мая 1935 года, где Васильев обвинялся в „фашизме“, „антисемитизме“, „хулиганстве“, „шовинизме“ и т. д.

Поддерживая все эти клеветнические формулировки, Эйдельман закончил свой донос следующей страстной филиппикой:

„Лжёте Павел Васильев! Нагло клеветаете на советскую литературную общественность, которая мужественно борется за новый социалистический тип писателя, которая вышвырнула вас из своих рядов, именно из-за ваших волчьих повадок, несовместимых с высоким званием советс-

кого писателя. Вам не удастся прикрыть свою уголовную сущность громкими фразами. Вам не удастся скамью подсудимых превратить в пьедестал для монумента самому себе. Вы разоблачены до конца“.*

* Эйдельман-старший травил так же в 30-е годы замечательного русского поэта и прозаика Сергея Клычкова (см. статью Э. Дельмана „Куда идёт Сергей Клычков?“. «Лит. газета», 22 января 1934 года).

Вот такую эволюцию прошёл театровед в штатском. От гимназиста, давшего пощёчину антисемиту, до крупного идеологического погромщика и провокатора, раздувавшего репрессивное пламя тридцатых годов. Кастати, если за пощёчину антисемиту-учителю Эйдельман-старший был всего лишь исключён из гимназии, то Павел Васильев за такую же пощёчину (о, ирония судьбы!) Джеку Моисеевичу Алтаузену, которую он отвесил, защищая честь женщины, получил полтора года тюрьмы, куда ушёл под улюлюкание Эйдельмана-старшего.

Времена проходят, а приёмы, методы и, главное, цели провокаций остаются прежними. Яблочко от яблони не далеко падает. Театровед Эйдельман-старший травил выдающегося русского поэта Павла Васильева, пушкинист Эйдельман-младший, продолжая семейные традиции тоже постарался найти себе крупную мишень – выдающегося русского писателя Виктора Астафьева... Если не посадить, так хоть облить грязью.

II

В журнале «Огонёк» (№ 28, 1989 г.) напечатаны размышления журналиста А. Никишина о так называемых „международных отношениях“. Очень любопытные размышления, которые начинаются с изложения прямотаки детективного сюжета:

„Кубанская девушка Светлана Филимонова вознамерилась было ехать на учёбу в Ригу, да, убоявшись, как сама пишет „агрессивности латышей“ поспешила о своих страхах поведать всей стране, приспособив в качестве рупора

комсомольскую газету с тиражом в несколько миллионов экземпляров.

Десятка полтора строк, растиражированных от Москвы до самых до окраин, вызвали немалую почту. Среди писем было такое. „Какой черт тебя несёт туда? – восклицал безымянный смельчак из Тулы, проставляя на конверте **Казахстан** под отметкой „обратный адрес“, не подозревая, что штампель города отправителя укажет адрес истинный. – С ними в лучшем случае нужно поступать так, как в своё время поступали с крымскими татарами!“ Письмо не опубликовали, опасаясь, что оно оскорбит национальные чувства латышей, литовцев и эстонцев, а в прибалтийских республиках и без того неспокойно...

На мой взгляд, если письмо кого-то и оскорбляет, так это в первую очередь русских. Откуда неприкрытая, животная, пещерная ненависть и злоба?

Легче всего поступить с письмом так, как поступила газета: списала его в архив за ненадобностью и закрыла тем самым проблему“.

Кавычки из огоньковской цитаты закрыты, но проблема, действительно, остаётся. Однако не межнациональная, а несколько другая: проблема откровенного и беззастенчивого провокаторства в национальной сфере. В самом деле, дорогой читатель, обратите внимание, что комсомольская газета не решилась печатать анонимки, сдала её в архив и поступила совершенно правильно, ибо печатать анонимные письма и опираться на них, строя политику, дело не только неприличное, но и рискованное. Первое, что приходит на ум: каким образом из многочисленной почты, приходящей в многомиллионную комсомольскую газету, именно это письмо попадает в редакцию «Огонька»? И попадает не из архива газеты. Надо, видимо, очень постараться, чтобы разузнать о существовании такого письма и завладеть им... Вот вам первый элемент прямо-таки детективной истории! Однако для чего это было нужно „огоньковцам“?

А для того, чтобы в очередном номере ещё раз про-

тащить одну из самых главных идей этого издания последних лет – идею о том, что всё зло в русских с их „неприкрытой, животной, пещерной ненавистью и злобой“. Однако, в своей русофобской истории „огоньковцы“ (даже странно – такие опытные журналисты!) сели в лужу, закрыв глаза на то, что письмо-то анонимное и единственный факт, на который опирается автор статьи, самоуверенно предполагая, что его написал русский человек лишь потому, что отправлено оно из Тулы. Но почему если из Тулы – то обязательно написано русским? Разве в Туле не живут люди самых разных национальностей? А разве в Тулу не может поехать какой-нибудь новоявленный Норинский и отправить оттуда свою провокационную анонимку? Конечно, может... А такие анонимки воспитанные интеллигентные люди и честные журналисты выбрасывают в корзину или в крайнем случае сдают в архив, что и сделали газетчики из «Комсомолки»... И надо же было выцарапать неведомыми путями провокационную листовочку и тиснуть её трёх с половиной миллионным экземпляром! Не хватает, видимо, в «Огоньке» других, более убедительных материалов о „пещерной злобности“ русских. Плохи дела. А когда нет убедительных материалов – опять идут в ход анонимки. Лишь бы костёр русофобии не затухал. Лавры Бакланова не дают покоя Коротичу. Подбрасывая своё русофобское полешко в межнациональное пламя автор «Огонька», рисует картину того, как в 1949 году сосланных эстонцев встречали в Сибири русские крестьяне, большинство которых, как пишет автор, восклицало „тыча пальцами в приехавших не по своей воле: „Вас всех потопить!“ Для них, отравленных дурманом сталинщины, все эстонцы – да что там эстонцы, – лихо восклицает автор «Огонька», – все жители Прибалтики! – от велика и до мала были „фашистами всамделишными“.

Картина написана с неизвестно чьих-то слов, сам автор этого не видел и не слышал, но выдаёт всё за правду, даже и такой абсурд, что в те времена сибирские крестьяне не только сосланных, но и всех жителей При-

балтийских республик считали фашистами...

Я не видел этих нарисованных воображением журналиста А. Никишина картин, но через восемь лет после изображаемых им событий в 1957 году приехал работать в г. Тайшет Иркутской области зав. сельхозотделом районной газеты «Сталинский путь» и постоянно встречался в деревнях с высланными жителями Прибалтики – пастухами, доярками, трактористами, словом, с колхозниками. Я ночевал в избах у русских, немцев, прибалтов, просиживал с ними до полуночи в разговорах, косил с ними сено, бражничал, рыбачил, трясся в кузовах попутных машин и свидетельствую, что никаких следов ненависти к прибалтам со стороны русских крестьян я не видел, так же как не видел и ненависти с прибалтийской стороны. Была общая тяжесть жизни.

Но провокаторской краской в статье Никишина мажется не только ближняя, но и дальняя история. «Огоньку» мало душераздирающих картин того, как русские ненавидят прибалтов. Отработав прибалтийскую тему, журнал берётся за русско-грузинские отношения.

Никишин вспоминает, как Маяковский в 1930 году, отвечая на записку во время литературного вечера, упрекнул Пушкина за „строчки, которые восхваляли русского генерала поработителя Грузии“. Речь идёт о Ермолове. Запальчивый неумный ответ Маяковского «Огоньком» трактуется как истина в последней инстанции. Нет бы автору «Огонька» или сотрудникам редакции заглянуть в любой энциклопедический словарь и уяснить для себя, что когда в 1783 году по просьбе грузинского царя Ираклия Второго Грузия добровольно воссоединилась с Россией („Георгиевский трактат“), спасаясь от губительных и кровавых набегов персидских шахов, то её „поработителю“ генералу Ермолову было отроду всего лишь шесть годочков. Думаю, что пассаж насчёт „поработителя Грузии“ – сознательная капля „огоньковского“ бензина в костёр антирусских и антиармейских настроений, раздуваемых в Грузии после 9 апреля 1989 года.

В двадцать седьмом номере «Огонька» В. Коротич в

колонке редактора иронизирует над журналом «Наш современник» за всякого рода „стонь“ упомянутого журнала о „русофобии“ и поиски её. А зачем её, эту самую русофобию, долго искать? Пусть В. Коротич откроет следующий, двадцать восьмой номер своего журнала и прочитает русофобскую статью А. Никишина, которая называется „Не навреди!“ и заканчивается следующими словами: „Недалеко от беды если вот так, сплеча да сгоряча садить, (так у автора – Ст. К.) не думая, не понимая, что представляя одну нацию злодеем, а другую праведником... рискуешь одинаково навредить и тем и другим“. Ну, во-первых, по-русски всё-таки говорят грамотнее „недолго до беды“. Видимо, русофобия в «Огоньке» превращается в некоторую безграмотность.

А во-вторых, тут я согласен с автором огоньковской статьи: провокации в духе Норинского действительно живут „недалеко от беды“.

В один из пасмурных дней прошлой осени, когда сотрудники «Нашего современника» пришли на работу, они ахнули, увидев на дверях и окнах редакции шестиконечные звёзды, грубо намалёванные масляной краской, и хулиганские надписи „Россия – родина свиней“, „Белов – мертвец“, „Скоро все вы подохнете с голоду“.

Как и подобает русским интеллигентам и людям с чувством ответственности, мы не побежали ни в «Комсомолку», ни в программу „Взгляд“, ни в «Известия», ни в «Московские новости», ни даже в «Литературную Россию» или «Московский литератор», то-есть не стали бензином заливать маленький смрадный огонёк, чем недавно так рьяно занимались деятели „Апреля“ во время цедээловского инцидента, мы не стали кликушествовать о суде, следствии, о близких погромах, не стали детонировать и тиражировать в массовое сознание гнусную выходку, не стали кричать о происках масонов и сионистов, а просто взяли ведро с водой, тряпки, стёрли со стекол и дверей мерзкие надписи и начали рабочий день.

Но сегодня, когда с телеэкранов, страниц прессы и площадных трибун несутся оскорбления в адрес нашего

журнала, когда провокационные выпады Оскоцкого, Щекочихина и бойких ребят из „Взгляда“ нагнетают истерию до предела, необходимо вспомнить этот эпизод идеологической борьбы. Если подобное или худшее повторится сегодня, то главными виновниками должно будет считать не исполнителей, а идеологов-подстрекателей, манипулирующих сознанием возбуждённых масс.

III

Александр Сергеевич Пушкин, как настоящий дворянин, весьма ревниво оберегал свою честь и не спускал ни малейших оскорблений ни одному из своих обидчиков или клеветников. И на дуэли вызывал, и пощёчины отвечивал и убийственные эпиграммы выпускал словно стрелы со своего гусяного пера.

Так что у меня нет никаких сомнений, как бы ответил разгневанный поэт Абраму Синявскому, если бы прочитал о том, что „Пушкин вбежал в поэзию на эротических ножках“ или о том, что он „паркетный шаркун“. Видимо, до дуэли не дошло бы – сословная гордость помешала бы поэту вызвать на дуэль Хама, но в том, что на хамской щеке появился бы отпечаток гениальной длани – в этом я не сомневаюсь. Думаю, что на щеке главного редактора журнала «Октябрь» так же загорелось бы пятно, повторяющее очертания ладони Александра Сергеевича. Словом, всё пошло бы по плану, начертанному в своё время поэтом:

О сколько лиц, бесстыдно-бледных,
О сколько лбов широко-медных
Готовы от меня принять
Неизгладимую печать.

Однако, в наше время с подачи Синявского и Ананьева число лиц „бесстыдно-бледных“ множится. Когда одно хамство остаётся безнаказанным – тут же на белый свет выползает другое, ещё хлеще. То, что у Синявского было дурнопахнущими цветочками, в газете «Московский ком-

сомалец» под пером некоего Влодова созрело смрадными ягодками: вот какое стихотворение о встрече Пушкина с нищим опубликовала газетка 24 декабря 1989 года, сделав читателям, так сказать, подарок к Рождеству Христову:

„Бродяга – кто ты?!
„Я – Христос“.
Чумазым бесом взвился:
„Что-с?!
Холоп!.. Рванюга!..
Я те дам!“
И – хлеть! – наотмашь! –
По мордам!
Поэт в карету – прыг –
Бочком..
А нищий кровь утер молчком
С губы,
Рассеченной хлыстом..
Так Пушкин свиделся с Христом.

И это о Пушкине, который „чувства добрые лирой пробуждал“, писал стихи „Отцы пустынники и жены непорочны“, умер, как христианин. Стыдно...

Я взял газетёнку и пришел в «Литературную газету» к одному из её руководителей: „На Вашей газете отпечатан профиль Пушкина. Кому, как не Вам, защитить поэта!“

Руководитель прочитал зловонный стишок. Лицо его перекошилось от отвращения. Он перевёл взор на стол, где лежала «Литературка» с новогодним интервью Ананьева. „Нет, мы с этой мерзостью связываться не будем. Пишите лучше в «Московский комсомолец». Они напечатали пасквиль – пусть они и отвечают...“

– Но ведь Ваше издание освящено профилем Пушкина! И не Вам ли защитить честь основателя «Литературной газеты» и её духовного покровителя?

Зам. главного нервно закурил и бессильно опустил взгляд на улыбающееся с фотографии лицо главного редактора «Октября», с тугим седым ёжиком, с крепенькими сытыми щеками, не испорченными никакой пощё-

чиной и тяжело вздохнул: „Я ничего не решаю...“

Бедный Александр Сергеевич! Газета, когда-то основанная Вами, не может защитить Вашу честь от той многоликкой и циничной шушеры, на лбах которой на все будущие времена, пока жива русская культура, Вы поставили „неизгладимую печать“: „Клеветники России“...

„Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые“ сказал Тютчев. Не знаю, как насчёт блаженства, а насчёт того, что сегодня мы переживаем роковые минуты в нашей истории, в том сомнения нет.

Время насыщено духом провокаторства. XX-тый век знает немало таких эпох. Вспомним 18-й год, когда Дора Каплан стреляла в Ленина, а Канегиссер в Урицкого – когда эти выстрелы означали начало Кровавого террора для России и русских, а в Германии такое же время ознаменовалось величайшей провокацией – поджогом Рейхстага. И сейчас, когда с экранов телевизоров, со страниц разнузданной прессы звучат постоянные оскорбления русским в России, оскорбления Пушкину, Есенину, лучшим русским писателям сегодняшнего времени, когда мы обклеены ярлыками „мигрантов“, „окупантов“, „детей Шарикова“, я думаю вот о чём: для чего сочиняются все эти провокационные бессмыслицы, лживые, обречённые на осмеяние, бесцельные? Какова цель у целой армии телекомментаторов, журналистов, социологов? Разве Абалкин не знает, что по итогам года – провал важнейших планов – хозяйственных, строительных, продовольственных – произошёл где угодно: в Молдавии, в Закавказье, в Прибалтике – но только не в России, которая выполняет все планы и тем самым материально вынуждена через механизм несправедливого распределения – поддерживать силы, кричащие об оккупантах и мигрантах?.. И прекрасно зная это, одно из первых лиц правительства заявляет, что „русские плохо работают“. Да в любой, так называемой, цивилизованной стране мира ему пришлось бы на другой день подать в отставку...

Но что нужно всем этим большим и малым норинским, большим и малым провокаторам?

Для чего им надо публиковать на русском языке в газетах, напечатанных на бумаге, изготовленной из русского леса такие оскорбления моему народу: „Русские дебилы в национальном отношении (народный депутат Озолас), „Россия должна быть уничтожена“, „все русские, в скобках, советские люди – шизофреники“ (журнал «Даугава» 1990 г., № 1). „Русский характер исторически выродился, реанимировать его – значит вновь обрекать страну на отставание“ («Молодой ленинец», Калуга). „Это народ с искажённым национальным самосознанием“ (народный депутат Г. Старовойтова)... Какова логика этих русофобов, когда они публикуют подобные расистские мерзости?

Ответ, видимо, напрашивается сам собой: им надо оскорбить русскую душу, русское чувство, русскую славу так сильно и больно, чтобы мы в ярости что-нибудь наговорили, натворили, выкрикнули. А тут в ответ следующий шахматный ход: обвинить русских в очередной агрессии, в имперских замашках, в шовинизме, в антисемитизме и в очередной кампании сварить очередную русофобскую похлёбку, накормить ею досыта обывателей, чтобы бросились они выдавать документы на выезд в Америку, а лучше в Израиль, для укрепления этого государства. Так что, отвечая на эти провокации с яростным возмущением, мы льём воду на их мельницу.

Но и молчать нельзя: слишком хорошо и дьявольски продуманы оскорбления, наносимые нам. А потому будем отвечать на них, но так, как подобает великому народу, как подобает потомкам Пушкина: твёрдо, уверенно, спокойно. Отвечая на провокации не агрессивной, импульсивной яростью, а брезгливым и холодным презрением. Большого – ни крупные, ни мелкие бесы, провоцирующие нас – не заслуживают...

Москва, 1990 г.

К ПОДПИСЧИКАМ «ВЕЧЕ» В РОССИИ

Практика посылки подписчикам в России альманаха «Вече» из Германии показала, что примерно 50% посылаемых бандеролей не доходят до адресатов. Как утверждают официальные советские инстанции, в настоящее время советским гражданам запрещается получение по почте из-за границы только печатных изданий порнографического содержания, или же призывающих к насильственному свержению, существующего в СССР строя. Поскольку в альманахе «Вече» нет ни порнографических материалов, ни призывов к насильственному свержению существующего в СССР строя, мы полагаем, что причину пропажи бандеролей, даже заказных, с альманахом «Вече», следует искать в нечестности некоторых работников советской почты. Такое предположение подкрепляется фактом, что, как в Москве и Ленинграде, так и в провинции, в последнее время отмечается увеличение количества, продаваемых на чёрном рынке, экземпляров «Вече».

В настоящее время выясняются практические возможности посылки «Вече» подписчикам в России, гарантирующие его получение адресатами. Пока не будут созданы такие возможности, временно посылка «Вече» подписчикам в России прекращается.

Просим всех подписчиков, не получивших выписанные ими номера «Вече» сообщить об этом в московское представительство альманаха (В. Н. Тростников, 119504 Москва, Веерная ул., д. 40, корп. 1, кв. 174, тел. 4420716) или по адресу: V. Drewing, Gumbinnenstr. 8, 8000 München 81, Germany.

Как только наладится гарантированная доставка «Вече» подписчикам в Россию, не дошедшие до них экземпляры альманаха будут им досланы, а также возобновлён прерванный приём подписки.

Редакция

Национальное возрождение

Думаю, наша главная цель сегодня – способствовать национально-религиозному возрождению России. Поэтому и самые страшные удары наносятся по лидерам этого движения. Прорабов перестройки устраивает лишь всеобщая размытость, всеобщее отсутствие морали, любых народных устоев. Нуворишенское люмпенство – вот привычная среда для таких „разных, натруженных и праздных“ перевёртышей на все случаи жизни. Люмпенство – любимая среда для торжества диктаторов, где можно легко „зажать глотку“, говоря языком С. Станкевича, всем противникам. Потому и уничтожались у нас в стране прежде всего дворянство и крестьянство – с их чёткими понятиями о чести, народной или аристократической этике.

Нас долгие десятилетия превращали в люмпен-народы: люмпен-русские, люмпен-украинцы, люмпен-белорусы, люмпен-грузины, люмпен-евреи. Еврейские семейные обычаи рушились так же неумолимо, как русские или украинские. Всегда во главе люмпен-культуры оказывались юркие перестройщики, безнациональные интернационалисты. Вот один из них – пугающий на митинге 4 февраля весь мир „русскими фашистами“, активист всё того же „Апреля“ – Валентин Оскоцкий.

Кажется, совсем недавно он был самым ярким борцом за партийную линию в литературе, проповедывал соцреализм в самой ортодоксальной упаковке, призывал к классовой ненависти и... писал доносы в инстанции, обвиняя своих коллег в антисоветизме. Сегодня этот люмпен-критик, на котором, как в народе говорят, пробы негде ста-

вить, поменял все плюсы на минусы и возглавляет писательскую перестройку, лишь бы не потерять контроль над люмпен-литераторами. Такие, как он, и манипулируют сегодня всё возрастающей критической энергией масс. Сегодня они призывают к разгрому государственных структур. Истеричная „антифашистская толпа“ уже готова громить всё вокруг. Точно такими же методами в двадцатые годы расправлялись с поэтами есенинского круга, затем были шумные обвинения в фашизме Павла Васильева. Именно на обвинениях П. Васильева в фашизме выдвинулся журналист Э. Дельман, отец известного историка Н. Эйдельмана.

Как только поднимались голоса в защиту русской культуры (или украинской – в случае с С. Ефремовым, белорусской, других культур), русского национального сознания, национальной народной этики, сразу начинали сыпаться обвинения в фашизме. Я горжусь тем, что меня осыпают такими же чудовищными оскорблениями, как С. Есенина и П. Васильева, художника П. Корина, поэта Н. Клюева; обзывают так же, как обзывали в лагерях В. Шаламова и А. Солженицына. Обзывают, потому что боятся нашей правды, боятся, что народ поверит в своё национальное возрождение и пойдёт за нами. Если мы, не в ущерб никакому другому, самому малому народу, сумеем помочь национально-религиозному возрождению России, поднять российских тружеников под знамёна свободного народовластия, против преступной системы обезчеловечивания, нам не страшны будут никакие провокации.

А пока, на сегодняшний день, российские писатели, российские патриотические силы проиграли везде, где могли. На российских писателях лежит позорное пятно журнала «Октябрь», как в насмешку печатающее под знаком „орган Союза писателей РСФСР“ самые антирусские произведения. Проиграны выборы в российские Советы, в Моссовет и Ленсовет. Не считаясь с мнением большинства писателей, кучкой функционеров и аппаратчиков в келейной, кабинетной обстановке был назначен новый

главный редактор единственного всеписательского органа – «Литературной газеты». Старая площадь (ЦК КПСС) поспешно утвердила это незаконное, антидемократическое решение. О какой демократии идёт речь? Неужели мы все, и левые и правые, не понимаем, что только съезд писателей СССР имеет право на альтернативные выборы главного редактора «Литературной газеты», ныне ставшей многотиражкой „Апреля“.

Мы постоянно проигрываем, мы теряем нашу российскую молодёжь, теряем российскую народную интеллигенцию... потому что мы всегда играем чёрными... Как я прочитал в одной хорошей статье, даже гениальный шахматист, играя только чёрными, не выиграет ни один турнир.

Это мы, российские патриотические силы, должны были начать кампанию десталинизации, дереволюционизации страны. Кто, как не русский народ, наиболее пострадал от этой чудовищной диктатуры, которая сама за семьдесят лет нанесла тотальный удар по русскому национальному самосознанию, по русской культуре? Осторожные попытки обеления сталинизма, новые неомарксистские доктрины, попытки защитить диктатуру антинациональных сил, приводят к последовательной потере уважения ко многим патриотическим организациям у русского и других народов России. Вместо объединения патриотических сил России вокруг программы национального возрождения – часто предлагается новая политизация на уровне „Социализм или смерть“, „Долой русофобию и социализмофобию“. Впечатление такое, что лозунг Федорчука о главной опасности – русском национализме – действует и сегодня. Патриотизм допускается только в марксистской упаковке. Патриотическое движение сознательно лишается здоровой экономической программы.

Это мы, российские патриотические силы, должны были написать на собственном знамени лозунг „Свободной России“. Разве мы – против свободы и воли народной? Против естественных демократических прав каждого человека? Разве возможно сегодня национальное и религиозное возрождение без свободы каждого гражда-

нина России? Разве сможет в условиях несвободы возродиться вольный русский землепашец? Это наш национальный лозунг, и отдавать его разного рода экстремистам и радикалам, вчерашним следователям и прокурорам, сбежавшим генералам КГБ и потомственным деятелям со Старой Площади, начисто лишённым демократического сознания – одна из наших глобальных ошибок... Из-за этого мы потеряли и теряем миллионы голосов избирателей и читателей... Свобода – это не наша политическая программа – это наша национальная суть!

Давно уже, на рязанском выездном заседании секретариата правления СП РСФСР, вернувшись из Эстонии, я предложил создать свой национальный, Российский народный фронт. Мне возразили, мол, не время, не место и вообще некуда спешить... Этот Российский народный фронт организован, но не нами, и, как говорится, русским духом, пушкинским русским духом – там и не пахнет!

В этом наше коренное отличие от республиканских народных фронтов. Из всех союзных республик только в России национальное возрождение придерживается на всех уровнях, только у нас к власти приходят антинациональные силы. Попробуй лидер эстонцев или грузин заявить о лениности и дурости своего народа, в тот же день его бы на тачке сбросили куда-нибудь в мусорную яму. Мы позволяем и молчим. Наша интеллигенция защищает все народы, кроме своего собственного, о котором она и думать не хочет, ибо – стыдится его. На пленуме российских писателей встаёт поэт, Герой Социалистического Труда М. Дудин и говорит о чём угодно, только не о тяжелейших проблемах русского народа. Он отрицает саму возможность национальной обиды русских. Он готов переживать, как и все мы, трагедию армян, готов признавать справедливость иных претензий к русским. Всё правильно, есть нам и в чём каяться, но сегодня-то, когда твоя нация на краю гибели, не надо ли русским интеллигентам обратить главный взор на свой народ? Как пишет А. Солженицын: „Кто ещё из народов расплачивался такую ценой?.. Нам надо излечить свои раны, спасти своё

национальное тело и свой национальный дух. Достало бы нам наших сил, ума и сердца на устройство нашего собственного дома, где уж нам заниматься всею планетой“. Так нет же, всем, чем угодно, норовит заняться интеллигент, только не излечением ран своего народа. Широкий в общественной деятельности поэт Михаил Дудин. То он изобличает сионизм, то переживает за народы Кавказа, только на свой народ давно уже рукой махнул:

России нет. Россия вышла
И не звонит в колокола...
И мы уходим с ней навеки
Не уяснив свою вину.
А в Новгородчине узбеки
Уже корчуют целину.

Если поэт признаётся, что **свою вину** перед народом так и **не уяснил**, понятно, почему он недоволен протестами российских писателей против оскорблений в адрес русского народа. И – сразу же становится другом всех наших „интернационалистов“. Давно замечено, стоит любому партаппаратчику, литературному генералу, даже одному из бывших руководителей тайной полиции – возмутиться русским народом, выразить симпатии „нашим плюралистам“, мгновенно прощается всё. Тому примеры – А. Афанасьев, О. Калугин, Э. Шеварднадзе и так далее... Пишет А. Борщаговский о Михаиле Дудине: „Я десятки раз наблюдал в разные годы его спокойный шаг к ораторской трибуне, его артистизм, лёгкость и ничего подобного сегодняшней его тоске и тревоге не упомяну“. Конечно, сегодня видит Михаил Дудин искреннюю боль российских писателей, и не знает, как поступать с этой искренностью. Ранее-то уважаемый поэт с артистизмом и лёгкостью говорил всё, что от него требовало начальство. И тоски с тревогой тогда за поэтом не числилось. Ясно было, что надо, а что не надо.

На российском писательском пленуме прозвучала та самая „национальная обида“, которую так чутко замечают у армян, грузин, литовцев, якутов, но которую и поныне отвергает наша командная и образованческая элита, когда

речь идёт о русских. Уже семь десятилетий распятый на пятиконечной звезде русский народ пинают, оплёвывают и раздевают. А когда он сам, увы, в отсутствии своей собственной интеллигенции (трусливо, а то и презрительно ушедшей в сторону), пусть неуклюже, без тонкостей и изяществ – говорит о своей национальной обиде и предъявляет какие-то минимальные права – поднимается всемирный лай – „православный фашизм“ (А. Сивявский), „национал-монархизм“ (академик Гольданский), говорится об угрозе всему цивилизованному миру.

*

Думая о национальном возрождении России – любому русскому необходимо не просто учитывать, а понять про себя интересы всех российских народов. Можно, конечно, пойти по пути, предлагаемому леворадикальными журналами, мечтающими о разрушении государства российского.

Уже все автономные республики хотят стать союзными. Уже говорят всерьёз о восстановлении Дальневосточной республики, о создании Независимой Сибирской республики, вспоминают про мифическую Казакию. Наверно, пора и Новгороду с Русским Севером подумать о возвращении вечевого колокола. И соседи вокруг вспомнят свои былые геополитические мечты – Великая Финляндия, Великая Польша. Вот уже и в Лондоне проходит мусульманская конференция, где, учитывая наш развал, всерьёз обсуждали вопрос о границах России в пределах Московии 1552 года.

На память приходит меткое определение меньшевика Мартова – „первый раздел России“, которое относится к итогам первых лет советской власти, к Брестскому, к Тартускому миру и т. д. По нынешним временам – этот Мартов выглядит формальным империалистом и великодержавным шовинистом. Мы успешно идём ко „второму разделу России“, и не о союзных республиках уже заботы, уцелела бы сама Россия.

Пока мы не скажем вслух о губительности ленинской национальной политики, не отречёмся от нее хотя бы на обломках великой империи, национальные кризисы будут продолжаться „до последнего инородца“. Может быть, и США необходимо вернуть свои территории Мексике, Пуэрто-Рико, России, наконец? Испании отказаться от басков, Англии от шотландцев и ирландцев, Франции... Бельгии... Любое государство знает в своей истории и захваты чужих земель, и потери. И никто не думает, кроме саморазваливающихся государств - о пределах территории. На мой взгляд - любое большое государство должно быть монолитным государством. Как США. Самый маленький народ - на территории США - имеет свои школы, свои газеты, свои театры, свою национальную этику. Испанцы, русские, евреи, китайцы, ирландцы - все имеют права на свой культурный мир, но смешно говорить о еврейской автономной республике в США, о китайской автономной области. Штат имеет достаточную самостоятельность, чтобы большинство его населения само решало свои национальные и хозяйственные проблемы. Так и хочется сказать: давайте возьмём за основу США. Потом вспоминаешь, в России-то было примерно так же, генерал-губернаторства имели не меньшие самостоятельные права. Коренное население каждой области России должно иметь право строить свои школы, университеты, развивать свою культуру, обычаи, промыслы, но - в рамках одной государственности.

Мои заметки уже не о Советском Союзе. Мартов прав: ленинский первый раздел России закончился. У нас пятнадцать республик. Будем ли мы в конфедерации, или совсем отдельными государствами - будущее покажет, но то, что Россией уже никогда не будем - это точно...

Мои заметки о России. Позволить сегодня уже на территории России создать новый ряд союзных республик - Якутия, Башкирия, Татария и т. д. - это значит где-то в будущем с неизбежностью придти к новому разделу России. Кому-то мешает не столько советская власть, сколько Россия как таковая, кто-то делает ставку на самоликвидацию

цию России... Пишет Федор Бурлацкий в «Литературной газете»: „Выдвинули такое понятие, которое выглядит очень привлекательным в глазах русского человека: россияне. Но захотят ли другие нации, живущие в РСФСР, называть себя не башкирами, не мордвой, не якутами, а россиянами?“

Этакий каверзный вопросик, но его можно продолжить. Захотят ли люди разных национальностей назвать себя американцами? А как насчёт израильтян? Есть ещё бразильцы, китайцы, есть Индия, Австралия.

Федор Бурлацкий, государственный деятель, долгое время особа, приближённая к „царствующему дому“ наших руководителей, отрицает само понятие „россияне“, следовательно, отрицает и российскую государственность. Он что – сторонник махновских вольных республик? Десятки мелких государств на территории России – не совместно ли с Бурлацким сочинялись эти проекты разными зарубежными мечтателями?

Считаю, что права каждого, самого маленького народа Севера и Сибири, Кавказа и Урала, Дальнего Востока и Поволжья должны быть соблюдены, культура и религия, национальные обычаи и обряды должны развиваться в соответствии с волей каждого народа, но в рамках единой российской государственности.

В одной из самых серьёзных работ о российской государственности, вышедшей в Париже – „Возрождение и белая идея“ Георгия Мейера, которую давно бы следовало опубликовать у нас в стране, можно прочитать: „Наша старая Империя времени Екатерины II-й, Александра I-го и вся тогдашняя петербургская политика России не были националистическими (в некоторых отношениях они были прямо таки антинационалистическими), они были **национальными** в истинном значении этого слова, то есть... возвеличивали Россию... „Немец... финляндец... грузин... татарин... Это и есть Россия“... Что означают эти слова Николая I-го? Они означают, во-первых, что все подданные российского Императора без различия племени и вероисповедания, составляют **единую**

имперскую семью; что в Империи не может быть, в племенном отношении, подданных первого и второго сорта; что она не может делать различия между родными своими сыновьями и пасынками, между туземцами и пришельцами; что **всякая политика обрусения противоречит идее Империи по самому существу**“. Конечно, непривычные обороты – Империя, вероисповедание, но вдумайтесь в их смысл. Строя сегодня новую российскую программу возрождения, неизбежно придётся обращаться к трудам учёных и мыслителей, занимавшихся основами российской государственности.

Вспомним и Константина Леонтьева: „Я не понимаю французов, которые умеют любить всякую Францию и всякой Франции служить. Я желаю, чтобы отчизна моя достойна была моего уважения и Россию всякую я могу разве, по принуждению, выносить. Избави Боже большинству русских дойти до того, до чего шаг за шагом дошли уже многие французы, то есть до привычки служить всякой Франции и всякую Францию любить...“

В этом утверждении русского мыслителя мне интересны не суждения о французах, сегодня скорее можно обратить это резкое утверждение Леонтьева к России и русским. Важно другое – любить ли нам всякую Россию, или терпеть оную, пока мы не сделаем из неё великую и свободную? Важно отрицание пассивности и утверждение идеи государственного строительства... Остановить разрушительный пафос перестройки...

Главное, что мы сегодня усердно – все без исключения – разрушаем у себя то, что является незыблемым законом во всех западных странах. Вместо того, чтобы избавляться от одряхлевшей идеологии, мы избавляемся от институтов государственности... Мы избавляемся от пионерского движения, но освободи его от немногих политизированных символов – и мы получим готовое скаутское движение со своими отрядами юных разведчиков, формой, походами, военно-спортивными играми. Наша милиция по строгости своей не сравнима с европейской полицией. В Швеции, к примеру, тюремное

заклучение ждёт тех, кто сел выпивши за руль машины... Удивительное спокойствие, с которым жители Западной Европы воспринимают даже излишнее соблюдение правил государственными служащими. Они понимают: спокойствие и порядок в стране нужны именно для осуществления демократии. Что полная демократия возможна только при строгом соблюдении законов, а значит – при сильной государственной власти, также основанной на законе. Выше закона – нет ничего.

Старая российская проблема – разумное сочетание интересов народа и интересов государства. В данном случае – сочетание интересов каждого из народов, живущих на территории России, и интересов единого российского государства. Одним из первых изложил свою концепцию будущего развития России Александр Солженицын в сборнике „Из под глыб“:

„Может быть, как никакая страна в мире, наша родина отказавшись наводить порядки за океанами, и перестав пригребать державной рукой соседей, желающих жить вольно и сами по себе, – обратит своё национальное и государственное усердие на неосвоенные пространства Северо-Востока.

... Северо-Восток – ключ к решению многих якобы запутанных русских проблем. Не жадничать на земли, не свойственные нам, русским, или где не мы составляем большинство, но обратить наши силы, но воодушевить нашу молодость – к Северо-Востоку, вот дальновидное решение. Его пространства дают нам выход из мирового технологического кризиса.

... Только свободные люди со свободным пониманием национальной задачи могут воскресить, разбудить, излечить и инженерно укрепить эти пространства.

Северо-Восток – более звучания своего и глубже географии будет означать, что Россия предпримет решительный выбор **самоограничения**, выбор вглубь, а не вширь, внутрь, а не вовне; всё развитие своё – национальное, общественное, воспитательное, семейное и личное развитие граждан, направит к расцвету внутреннему, а не

внешнему“.

Не скрываю, я сторонник этой программы самоограничения и внутреннего расцвета России. Она не приведёт к изоляции, да в конце XX-го века изоляция и невозможна, но когда же нам всем надоест радоваться успехам в космосе, внешнеполитическим успехам в Африке и Антарктиде? Наш Президент – любимец всей западной публики, но лучше ли от этого стало жить доярке на Вологодчине, шахтёру в Кузбассе, лесорубу в Карелии, якутскому оленеводу? Да, он полезен – этот внешнеполитический успех, если он реализуется во внутреннее развитие России, если помогает нашему возрождению. Иначе зачем он? Теперь мы понимаем, почему американцы традиционно невнимательны к внешней политике, и определяют успех своего президента – по качеству жизни в США. Единственный критерий на все времена.

А любителям геополитического размаха, даже среди своих друзей, я скажу – посмотрите внимательно на карту – разве мала Россия? Но как она ещё пуста! Чем вкладывать миллиарды во внешнее, объясняя это стратегическими интересами, не лучше ли на миллиарды построить на Тихом океане наши российские Лос-Анжелос и Сан Франциско, столь необходимые нам мощные океанские порты для всей Сибири? Разве это не стратегичнее? Если бы Южно-Сахалинск стал одним из крупнейших центров на Тихом океане, то и спорных вопросов с Японией могло не быть! Всех манит пустота наших северо-восточных пространств. Представьте на минуту, что всё европейское побережье или всё американское побережье было столь же запрещено для проезда и проживания своих граждан, как и поныне запрещено, засекречено, запограничено – всё наше Тихоокеанское побережье. Но ведь это всё – секреты не для натовских и американских спутников, радарных систем наблюдения и компьютерных банков информации. На Гавайях взлетают рядом пассажирские авиалайнеры и новейшие военные самолёты не потому, что американцам нечего скрывать. А потому, что зачем скрывать то, что невозможно скрыть.

Это всё – от неумения и нежелания разумно хозяйствовать. Так предоставьте другим.

Но захочет ли учитывать столь разумную программу нынешнее российское правительство? Говоря о проблемах Грузии, Чабуа Амираджиби заметил: „Идя к демократии, прийти к тоталитаризму – эта опасность возникает тогда, когда народ, потеряв ориентиры, может повернуть за теми, кто его интересам готов предпочесть собственные интересы и амбиции“. Не знаю, как в Грузии, но, мне кажется, это предположение более определяет нынешнюю ситуацию у нас в России. В единственной из республик, где патриотические силы по ряду причин наиболее разрознены и не представляют ещё серьёзного фактора в расстановке политических сил. Не будем скрывать: есть недоверие к нам, чему способствует денационализированная пресса, есть доверие к новым глашатаям тотального разрушения. Виноваты и мы сами.

До сих пор, к примеру, руководство Союза писателей России вместо опоры на народ предпочитало заигрывать с властью, с аппаратом. При всём уважении к одним руководителям, при неуважении к другим, я вижу общее – утрату чувства реальности, абсолютную оторванность от общего движения. Наши лидеры искренне считают, что нам поможет контакт с партаппаратом. Уже рядовые коммунисты не надеются на свой аппарат, а мы до сих пор втянуты в партийный шлейф. Хорошо сказал Юван Шесталов, мол, мы в Ленинграде поддержали партийное руководство, а оно не поддержало нас... То же и на уровне СП России. Теряя поддержку у народа, мы опираемся на партийные коридоры власти, а они громогласно предадут нас оптом и в розницу... Это же нас в партийных газетах называют „русскими фашистами“, нам затыкают рты!

Союзу писателей России не надо заниматься политикой. Наша высшая цель – духовное, культурное и христианское возрождение России. Для мусульманских народов России – мусульманское возрождение, для буддистов – буддистское...

При блоке с партаппаратом мы обречены на поражение. Разве не звучит фарсом переименование великой столыпинской фразы в „Платформе патриотических сил России“: „Нам нужна великая советская Россия“?

Чтобы не выглядеть сначала смешно, а потом и трагично, в новой литературной политике нам необходимо отказаться от любого идеологизирования, от любой политизации. Политика меняется, а Россия остаётся! В наше смутное время возможно всё, возможны любые перемены. Объединяет всех нас одна, воистину великая задача – духовное и религиозное возрождение России!

*

Какими бы печальными ни казались нам итоги сегодняшнего дня, какой бы глубочайший кризис не переживала русская нация, Россия в целом, славянский мир в целом, какой бы скромной ни казалась роль русской национальной интеллигенции в сегодняшнем общественном процессе, впереди с неизбежностью нас ждёт – **оздоровление**. И даже победа на выборах многих антинациональных лидеров – окажется полезной, последним горьким лекарством. Народ, отвернувшись от партаппарата, пусть хорошенько разглядит и их родных братьев, одинаково предпочитающих собственные интересы интересам народа. Когда-то эмигрантский публицист А. Салтыков писал: „Большевики, несомненно, сделали очень много зла, но неизмеримо сильнее зло сидящего в каждом из нас застарелого первобытного большевизма, который и послужил главной причиной успеха большевиков. Большевики опираются на проклятый максимализм русской души, на её анархический хаос. Этот хаос, эта религия нигилизма призвала их к власти, и она же удерживает их у нее“.

Несомненно, сколько бы ни было у России внешних врагов, внутренний враг – мы сами. Наша родная пугачёвщина, стихийность (а отнюдь не приписываемое рабство) помогли и разрушить тысячи церквей, помогли

сжечь тысячи помещичьих усадеб. Наши грехи отдали нас на время во власть дьявола и его приспешников, но – не поработили, не заразили **осознанным, продуманным нигилизмом**. Мы так и не выработали в себе мёртвое атеистическое сознание, не превратились в послушных автоматов. Может быть, мы победили в себе самое гибельное, что посещало русский народ за всю его историю.

Из восемнадцатого года нам сообщает Петр Струве в сборнике „Из глубины“: „В том, что русская революция в своём разрушительном действии дошла до конца (а она дошла-таки до конца, хоть и через семьдесят лет после написания этой статьи русским философом. – В. Б.), есть одна хорошая сторона. Она покончила с властью социализма и политики над умами русских образованных людей. На развалинах России... мы скажем каждому русскому юноше: России безразлично, веришь ли ты в социализм, в республику или в общину, но ей важно, чтобы ты чтит величие её прошлого и чаял, и требовал величия для её будущего, чтобы благочестие Сергия Радонежского, дерзновение митрополита Филиппа, патриотизм Петра Великого, геройство Суворова, поэзия Пушкина, Гоголя и Толстого, самоотвержение Нахимова, Корнилова и всех миллионов русских людей, помещиков и крестьян, богачей и бедняков, бестрепетно, безропотно и бескорыстно умиравших за Россию, были для тебя святынями. Ибо ими, этими святынями, творилась и поддерживалась Россия, как живая соборная личность и как духовная сила! Ими, их духом и их мощью мы только и можем возродить Россию... На том пепелище, в которое изверством социалистических вожаков и разгулом соблазненных ими масс превращена великая страна, возрождение жизненных сил даст только национальная идея в сочетании с национальной страстью. Это та идея-страсть, которая должна стать **обетом всякого русского человека**. Ею, её исповеданием должна быть отныне проникнута вся русская жизнь. Она должна овладеть чувствами и волей русских образованных людей и, прочно спаявшись

со всем духовным содержанием их бытия, воплотиться в жизни в упорный ежедневный труд... Это – целая программа духовного, культурного и политического возрождения России.

... Мы зовём всех тех, чьи души потрясены пережитым **национальным банкротством** и мировым позором, к обдумыванию и осуществлению этой программы“.

Остаётся только повторить последний абзац удивительно прозорливой статьи выдающегося русского историка и мыслителя – **мы зовём всех, чьи души потрясены пережитым национальным банкротством, к осуществлению программы возрождения России.**

Мы зовём к конструктивной, созидательной патриотической оппозиции. Долгое время мы шли на всевозможные компромиссы с властью и потеряли очень многое.

Национальная идея не укладывается в космополитическую доктрину Маркса, религиозная идея – также не укладывается. Тем более, если речь идёт о славянской национальной и православной религиозной идеях...

Как бы нам ни улыбались, взваливать наши беды на собственные плечи – никто не будет. И даже помогать без выгоды для себя – никто не будет. А выгоду и сегодня многие видят – по-марксовски: уничтожить русского колосса, обезопасить себя от будущего мощного (в случае оздоровления) экономического конкурента. Я уже не касаюсь военного и национального соперничества. Дай Бог, чтобы на этот раз поверили нам, а не последователям Маркса, и перестали нас бояться; не во внешней экспансии – наши национальные цели. А за нынешнюю небоязнь, может быть, и экономические льготы предоставят, но не более. Остальное – в наших руках. Это только Восточной Германии „повезло“, в силу её особого положения. Все остальные страны Восточной Европы – будут учиться жить сами. Мы – вместе с ними. Нам необходимы чрезвычайные усилия, чтобы сохранить за собой место в мировом сообществе, достойное России, достойное каждого из её жителей. Все мы должны думать и о том, как будут жить наши дети.

России хватит бунтов и революций, пора выходить на другую, созидательную дорогу развития. Подвести фундамент под дырявую, но крышу, а не начинать с разбора крыши, как рвутся новые нетерпеливые правдоискатели. Давать народу с каждым новым законом, с каждым новым съездом депутатов уверенность в своём труде.

Когда говорят, что сегодня землю никто не возьмёт, не думают о том, что крестьянину и условия создать надо, и уверенность... Хотя бы продублировать столыпинскую реформу, создать крестьянский банк, освободить на первые годы от налогов. Это и есть государственное регулирование рынка. Поддержать те отрасли хозяйства, которые прежде всего нужны государству. Сегодня люди самых разных политических, социальных взглядов, самых различных национальностей, любящие Россию и верящие в неё, чувствующие себя **россиянами**, люди свободные и в свободе – талантливые, должны объединиться в патриотическую силу, несущую в себе народную правду. Ту, вечно искомую – **третью правду** не белых и не красных, не аппаратчиков и не нигилистов – правду народного построения. Нам нужна великая свободная Россия без всяких политических прилагательных.

Россия должна играть белыми!

Москва, 1990 г.

О будущем

„Отречёмся от старого мира“ – так начинается одна из бунтарских песен на мотив „Марсельезы“, возникшая ещё во времена разгульной и кровавой деятельности первого поколения фанатиков-бомбистов.

С самого своего появления она стала весьма популярной в экстремистской среде, однако „звёздный час“ этой песни пришёл вместе с большевизмом. Именно большевики полюбили её так необыкновенно, что стали распевать при каждом удобном случае наравне с „Интернационалом“.

Но отчего бы взяться у большевиков столь преданной любви именно к этой песне? Ведь выбор по части гимнов у революционной братии был, кажется, достаточно разнообразен. К примеру, как красивы те же „Вихри враждебные“, – в маршевом, чеканном ритме этих стихов и мотива ничуть не меньше огня, страстной решимости и воли... Да „вихри“ довольно долго „бушевали“ над Россией – по вечерам, в уютных гостиных, когда после обильного чревоугодия собравшимся за столом „борцам за свободу“ требовалось оживить в перегруженных желудках угасший мятежный зуд... Но – к семнадцатому году что-то в них уже неуловимо, но явно устарело. Новые „ниспровергатели“, бывшие, в отличие от слабоумных своих предшественников, людьми серьёзного дела, подхватили и бросили в „массы“ иную песню. „Отречёмся от старого мира“ – заклинали они. И не было для них ничего полезнее и необходимее этих предельно простых и ясных слов, – потому что именно в **отречении** – в отречении великого народа от его великого прошлого, в

надругательстве над прошлым, над бесценным наследием, и в уничтожении его, – большевики изначально видели единственный способ достижения заветной своей цели – порабощения России.

*

В исключительном духовном здоровье, в могучем духовном потенциале Великой Российской Державы врагам её испокон веков виделась роковая опасность; в фантастическом размахе и богатстве Российских земель – возможность небывалой грабительской наживы.

И вот настали в истории времена великих переломных событий: вступая в век двадцатый, Россия – носительница, проповедница и защитница **идеи общечеловеческой справедливости**, кладёшь несметных духовных и материальных сокровищ – вступала в эпоху своего расцвета и могущественного, определяющего влияния на судьбу человеческой цивилизации.

Страх, ненависть и алчность заставили сойтись воедино в завоевательном нашествии на неё самые различные по природе и часто враждебные друг другу **внешние** силы.

Однако, с учётом тяжкого и болезненного опыта прошедших веков, основная роль в тотальной войне против России была отведена иным – **внутренним** её врагам.

В решающий момент ударною их силою отнюдь не по воле случая оказались большевики. Вооруженные исключительной в своём роде человеконенавистнической теорией „перестройки“ мира, сплочённые в действующую с автоматической точностью централизованную боевую организацию, сущности которой, как никакой другой, соответствовал испытанный девиз – „цель оправдывает средства“, большевики к тому же были чрезвычайно умны, осмотрительны и осторожны в своей разрушительной работе. Предпочитая все наиболее рискованные, наиболее гнусные и ужасные преступления совершать не собственноручно, но руками своих менее хитроумных и дальновидных „попутчиков“, они даже и в крайне тяжкий

для России и благоприятный для нового мятежа после февральский период долгое время оставались как-то в тени, в стороне от центра политических страстей и бурь, подспудно накапливая силы и выжидая ещё и ещё: действовать наверняка – было их „стилем“.

Они не прогадали.

Наступил такой момент в политической ситуации, когда на достижение цели понадобился минимум риска, минимум сил и „мастерства“: власть, действительно, сама упала им в руки.

Однако, формальный захват государственной власти в столицах и губернских центрах немногочисленной экстремистской группировкой, имеющей опорой лишь составленные из дезертиров, городского сброда и уголовных элементов отряды „красной гвардии“, ещё не означал, не мог означать того, что повержена, поработана – Россия. Народ – сила его духа, его самосознания, его воли, – остался главным к тому препятствием.

Перед большевиками стояла роковая задача: великий, могущественный, самолюбивый народ необходимо было превратить в безвольного и бессознательного раба.

Что требовалось для этого?

Требовалось обрубить корни, связующие народ с его древней землей, питающие его соками этой земли.

И корни начали не просто рубить – их начали **выкорчевывать...**

Великая Россия всё ещё жила, и поэтому стали **истреблять её народ...**

*

Более трёх лет в небывалой по кровопролитности и жестокости, мучительной борьбе Россияне сражались за своё существование. Помощи не было ниоткуда: искушённый дьяволом мир отвернулся от России и, радуясь столам её, открыто или тайно желал её гибели...

Вооруженное сопротивление было подавлено.

Но и теперь нельзя было говорить о поражении и

победе: Россия, положив в борьбе лучших из лучших своих воинов, истекла кровью, но не сдалась.

Взбешенные этой, непонятной им стойкостью, большевистские варвары с удесятерённой яростью и садизмом, мстя и глумясь, продолжали расправу над непокорным народом.

Поистине чудовищны, невероятны – увы, только лишь крайне приблизительные (мыслим ли здесь точный счёт!) сведения о числе жертв более чем семидесятилетнего (!) большевистского геноцида. Различными исследователями называются различные цифры. Но возможно ли здравому человеческому рассудку воспринять эту разницу, тем более, возможно ли постичь сами открывшиеся цифры, если везде, везде счёт идёт на десятки и десятки миллионов! И эти бесконечные миллионы – есть миллионы изничтоженных, втопанных в грязь жизней наших соотечественников, лучших и достойнейших, тех, кто составлял величие России, её опору, её будущее!..

*

К великому ужасу и горю, многие из самых жутких замыслов большевиков оказались исполнены.

Идея не национального только, но глобального порабощения, руководившая большевиками, в конце концов вынудила Запад, с целью самосохранения, прибегнуть к самозащите: сотворённый и выкормленный им монстр вышел из повиновения. Его нужно было либо укротить, либо уничтожить.

Так появился на свет, окреп и вырвался на свободу ещё один бешеный зверь – гитлеровский нацизм.

Столкновение двух, взалкавших безраздельной власти чудовищ было неминуемо.

И оно произошло.

Пятьдесят (не больше ли!) миллионов человеческих жизней было брошено в жертву для того лишь, чтобы в смертельной схватке издох слабейший и стал ещё более могущественным сильнейший зверь. Следствием этого

могущества являлось то, что под игом большевизма оказалась уже не одна Россия, но половина человечества.

Этой половине в полной мере суждено было познать весь ужас многолетнего большевистского господства.

*

Десятилетиями невыносимых нравственных и физических страданий силы подневольных народов тяжко подорваны.

Но, несмотря на понесенные ими ужасающие потери, сегодня эти народы вновь поднимаются на борьбу. Трудно, неуверенно, – ибо они ослаблены и измучены, ибо во многом забыта ими драгоценная мудрость прошлого, ибо истреблены в их рядах лучшие и сильнейшие, которые могли бы просветить, сплотить, возглавить, – но поднимаются! Конец большевизма, какие бы обличья он ни принимал, конец окончательный и бесповоротный – близится неумолимо. Будущее встает перед нашими взорами иным – пусть полным лишений, но свободным и верным: в нём видится нам восстановление разорванной связи времён и упорное продолжение единственного данного нам **человеческого** пути.

*

Но чему свидетелями становимся мы сегодня?

На своё существование в уже видимом нам будущем смеет открыто претендовать та ужасная, **нечеловеческая** организация, которая целиком возникла когда-то на основе безумной идеи отрицания и уничтожения всякой исторической связи и преемственности, на основе безумной идеи расчеловечивания и порабощения народов, та организация, на счету которой – тягчайшие от начала времени преступления против человеческого рода!

С изощрённой изворотливостью стремятся если не удержать прежние позиции, то во что бы то ни стало сохраниться, выжить – недавно ещё тиранствовавшие больше-

вистские „партии“ в странах Восточной Европы.

Что же происходит в России?

А в России большевики и сегодня чувствуют себя хозяевами.

Они спохватились во-время и, не изменяя себе ни в чём, принялись усердно имитировать демократические преобразования в своей вотчине. Позволив со стороны общества, в числе прочих проявлений „вольности“, невинную в своём тупом бессилии **критику** коммунистического „учения“ и „чьих-то досадных ошибок“ (иначе – чудовищных преступлений большевистского режима, на протяжении всего своего существования меняющего маски, но не дьявольскую сущность), – „ошибок“, за которые будто бы некому да и незачем отвечать, они и теперь не то что живы, но реально сохраняют в неприкосновенности все прежние свои права владычества над страной и народом.

Между тем, организованная кампания „критики“ и, в целом, некоторое поверхностное, **внешнее** „раскрепощение“ общественной жизни дали большевикам возможность уже в нынешних условиях издевательски юродствовать по поводу того, что их „партия“-де находится „в загоне“, что быть большевиком в России становится не только невыгодно, но и опасно(!) и т. д.

Духовные и физические, деятельные силы Российского народа подорваны много тяжелее, нежели силы народов, попавших в большевистскую оккупацию в результате последней мировой войны. Россия, принявшая на себя главный истребительный удар, понесшая чудовищные и во многом невозполнимые потери, измождена и обессилена.

Эти обстоятельства позволяют большевикам и сегодня питать надежду на то, что будущее в России останется за ними, что они войдут в новое тысячелетие и войдут владыками Российской земли...

Груз страшного наследия уходящего века несём на своих плечах, на своих душах – мы, ныне живущие поколения России.

Да, у нас мало сил, и силы эти разрознены, среди нас недостаёт тех, кто способен бороться решительно и стойко.

Но у нас нет выбора, потому что наш срок – последний.

Мы отвергаем кровопролитие, мы отвергаем мстительную ненависть.

Но мы призваны, презрев боль и слабость, презрев бесплодные и унижительные распри, сплотиться, наконец, и единым фронтом выступить на защиту истерзанной Родины, а значит – на защиту Света Божьего на Земле.

Только решимость и самоотверженность в борьбе, способны днём сегодняшним прервать кровавую агонию большевизма.

Новосибирск, 1990 г.

**Письма для редакции «Вече»
направлять по адресу:**

Frau V. Drewing
(für RNV e. V. und «Veche»)
Gumbinnenstr. 8, 8000 München 81
W. - Germany

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Альманаха «Вече»

на США и Канаду

**«V E C H E»
P. O. Box 68
Flushing Sta. Midd. Vill.
N. Y. 11379, USA
Tel. 718 - 651 5662**

Просьба оформлять, а также продлевать подписку на „Вече” для США и Канады через Генеральное Представительство, по указанному выше адресу.

В Генеральном Представительстве можно заказывать отдельные номера „Вече”

На складе Генерального Представительства имеется книга

„Художник и Россия”

По вопросам розничной продажи „Вече” в США и Канаде просим обращаться в Генеральное Представительство

Аграрно-крестьянский вопрос и переход к рынку

Определяющее влияние на общественное развитие России всегда оказывал аграрно-крестьянский вопрос, сутью которого является складывание свободного и равноправного крестьянского сословия. Любопытно отметить, что общество обращалось к решению названного вопроса всякий раз накануне очередной кризисной ситуации, вызванной военными неудачами. Так было после крымской, русско-японской, первой мировой и афганской войн. Наоборот, после войн победных – например, русско-турецкой 1877-1878 гг. и войны с Гитлером 1941-1945 гг. – реформы или откладывались, или следовали контрреформы. Это объясняется противодействием правящей привилегированной верхушки развитию самостоятельных крестьянских хозяйств. Психологически современный чиновничий слой, властвующий в городе и деревне, оказался нынче в том же положении, что и дворянство накануне реформы Александра II: призванное освободить крестьян сверху оно, в силу сословных привилегий и желания во что бы то ни стало их сохранить, было менее всего способно к решающему государственному акту. Даже продление своих полномочий правящим сословием связывается им сегодня, как и сто с лишним лет назад, с пресловутым выкупом земли. Антикрестьянский характер нынешних преобразований в деревне, скрытый до времени за словесными баталиями, чреват новой социальной войной. Пока интересы крестьян защищают все, кроме них самих. Корни нынешних земельных отношений уходят вглубь

нашей истории и, чтобы разобраться в них, необходимо переосмыслить некоторые известные факты.

Отмена крепостного права, вопреки ожиданиям крестьян, не привела к освобождению их с землей. Последовал затяжной и мучительный процесс выплаты выкупных платежей, которые превышали цену полученной крестьянами земли. Согласно статье 165 положения о выкупе от 19 февраля 1961 года, крестьянин получал землю в личную собственность в случае внесения им в казну всей причитающейся на его участок выкупной ссуды. Тем самым стал возможен переход крестьян от общинного к подворному частному владению и за крестьянами признавались гражданские имущественные права личности. Но плохо то, что выкупной платёж был зачастую непосильным.

Половинчатость реформы наложила отпечаток на все последующие события. Можно выделить два главных момента. Во-первых, приниженное в целом положение деревни стало той основой, на которой быстро развивалась индустриализация. Правительственные круги своей откровенно протекционистской политикой в области промышленности, особенно усердно проводимой С. Ю. Витте, закрепляли господство города над деревней, сдерживали импорт в Россию сельскохозяйственных машин и удобрений. Во-вторых, несмотря на это, 1861-й год способствовал перераспределению земли в пользу крестьянских хозяйств, ориентированных на рынок и дающих к концу XIX столетия половину товарного хлеба в стране.

Известный писатель XIX столетия Дмитрий Аркадьевич Столыпин (1818-1893), прославившийся яркой апологетикой хуторского крестьянского хозяйства в противоположность общинному, видел главный недостаток последнего в том, что: „При общинных порядках крестьянин не может улучшить свое земледелие, так как он не свободен в изменениях на своём участке“. Выгода устройства хуторов на отдельных участках, по его мнению, заключалась в близости полей от хозяйства, что вело к резкому снижению материальных и трудовых издержек. В условиях

быстрых температурных колебаний и более ранних, в сравнении с Западной Европой, сроков созревания зерновых культур, это являлось для большинства российских хозяйств главным залогом успеха.

По наблюдениям русских экономистов, трудовое крестьянское хозяйство в XVIII, и в XIX, и в начале XX веков представляло, говоря словами А. В. Чаянова, „пёструю смесь“ мелких, средних и крупных сельскохозяйственных предприятий. Указанная неоднородность хозяйств в бóльшей степени зависела от состава крестьянской семьи, то есть фактора демографического, и в меньшей степени от экономических причин. Таким образом, крестьянство в ходе исторического развития выработало в себе устойчивый тип жизнедеятельности, активно противостоящий и феодальному бесправию, и капиталистическому чистогану.

Столыпинская аграрная реформа ускорила переход земли в частную собственность крестьян и отменила выкупные платежи. К 1916 году из общины выделилось около 2,5 млн. домохозяйств, или четверть всех общинников. Реформа сопровождалась дальнейшей пролетаризацией деревни, способствовала отливу сельского населения в города, который поощрялся и ростом промышленности. Влияние реформы на усиление социального расслоения деревни преувеличивалось социалистами, пытавшимися измерить своеобразие аграрного строя России мерками других стран. В качестве крайних вех указывались американский или прусский путь развития. Однако русское крестьянство и в новых условиях проявило чрезвычайную устойчивость, связанную с сохранением трудовой самостоятельности в рамках бурно развивающейся кооперации. Рост товарных крестьянских хозяйств происходил не только за счёт общинных, но и в результате покупки части государственных, удельных, помещичьих земель на кредиты Крестьянского банка.

Исторической заслугой Петра Аркадьевича Столыпина (1862-1911) было то, что он **попытался разрешить аграрно-крестьянский вопрос как важнейшее звено всей цепи рос-**

сийских проблем. По свидетельству профессора А. В. Зеньковского, премьер-министром был подготовлен объемный труд о предполагаемом преобразовании государственного управления России и намеченных к проведению в жизнь реформ. После смерти П. А. Столыпина весь этот ценный труд таинственно исчез и его содержание дошло до нас лишь в краткой записи А. В. Зеньковского, который в мае 1911 г. под диктовку премьера записал основные положения проекта для доклада царю. Отметим лишь наиболее важные идеи, реализация которых привела бы к упрочению и развитию российского общества: создание министерства труда для улучшения положения рабочего класса и министерства самоуправлений для разработки нового закона о земствах и более полного контакта между центральной властью, земством и городами; введение реального равноправия всех граждан России, независимо от национальности; защита социальных прав трудящихся и организация соответствующих государственных институтов; улучшение медицинского обслуживания народа; планомерное изучение и рациональное использование богатств недр России. В области внешней политики предлагалась линия на недопущение мировой войны, создание Международного Парламента для проведения единой миролюбивой политики всех стран. Но слишком много было противодействующих сил внутри и вне страны, которые помешали грандиозному плану воплотиться в действительность.

Всё же земельная реформа дала мощный толчок росту сельскохозяйственного производства. Об этом свидетельствует такой факт: накануне первой мировой войны Россия занимала ведущее место на мировом хлебном рынке, и почти половина всего экспорта России (658,8 млн. рублей или 44,4 % от общей суммы всех вывозимых ежегодно из страны товаров) в 1909-1913 гг. базировалась на экспорте хлебных продуктов. Всё шло к тому, что крестьянство в скором времени должно было стать одной из главных общественных сил, но помешала Первая мировая война.

Военная неудача сдетонировала назревшие процессы. Это стало возможным из-за слабости государственной власти, абсолютной утраты боеспособности армии и, главное, активной деятельности революционеров по разжиганию у крестьян жажды захвата помещичьей земли. Помещичье землевладение всегда было серьёзным раздражителем для русского крестьянства.

Временное правительство не имело ни времени, ни сил, ни желания, чтобы удовлетворить крестьянские требования за счёт помещиков и не ухудшить при этом катастрофического положения российской экономики. Мало того, стремясь выиграть войну, правительство, путём введения твёрдых цен на хлеб, переложило военные тяготы на плечи крестьян, и без того обессиленных колоссальными потерями мужского населения на фронте. Значительная часть деревни лишь потому поддержала большевиков, что за различиями аграрных программ социалистических партий (от эсеровской социализации до большевистской национализации земли) ей виделся один простой и ясный смысл: помещичья земля должна принадлежать крестьянам, а государственная власть нужна лишь такая, которая узаконила бы перераспределение земли. Ещё для земельного передела требовалось возвращение солдат с фронта, немедленный мир. В этих двух лозунгах – ключ к объяснению победы большевиков над своими политическими противниками в 1917 г.

Декрет о земле, вводя законодательно уравнильное крестьянское землепользование в стране с колоссальными прородными и социальными различиями и без надлежащего государственного контроля, способного предотвратить земельные конфликты, как спичка зажёт пожар междоусобной войны и в Сибири, не знавшей помещичьего землевладения, и в районах, населённых казачеством.

На освободившееся после помещика место деревенского „эксплуататора“ стараниями новой власти пришёл владелец крупного и среднего зажиточного крестьянского хозяйства. В годы комбедовщины и „военного комму-

низма“ внутренний рынок был свергнут, отменена свобода торговли, а продразвёрстка своей жестокостью являла крестьянину нечто, никогда им невиданное. Во весь голос заявила о себе пролетарская часть деревни, в массе своей почувствовавшая вкус к насильственному социальному уравниванию. Во многих районах страны начались мужицкие восстания, которые беспощадно подавлялись властью вплоть до введения оккупационного режима частями Красной Армии на территориях, охваченных мятежами. Так в первый раз проявилось коренное противоречие между экономическими интересами деревни и беспощадной сутью нового большевистского государства. Даже те завоевания, которых добилась деревня – помещичья земля и уравнительное землепользование – скоро обернулись против неё. Теоретические рассуждения новых политических лидеров, скорее способствовали обоснованию их права на очередной эксперимент с деревней, чем соответствовали экономическим интересам государства.

Нэп дал некоторую свободу крестьянским хозяйствам, но лишь внутри страны. От мирового рынка крестьянин был огорожен монополией внешней торговли. По сути, она защищала политические интересы нового государственного строя, в ущерб справедливим притязаниям сельского товаропроизводителя, позволяла накапливать колоссальные денежные запасы в виде валюты и золота, полученные от продажи сельскохозяйственных продуктов и сырья за рубежом. Государство крепло и выигрывало от монополии в той же степени, в которой крестьяне экономически слабели и проигрывали от неё.

Экспорт зерна, как важный источник валюты, питал теперь не собственное развитие сельского хозяйства, а оплачивал промышленность и вооружение. Иногда вывоз зерна за границу преследовал политические цели. В качестве примера укажем на поставки хлеба фашистской Германии в 1939-1941 гг., а после войны его стали получать просталинские режимы Восточной Европы.

Насколько бесчеловечный характер по отношению к со-

бственному крестьянству носила подобная практика свидетельствует следующий факт. После Второй мировой войны в нашей стране отмечались многочисленные случаи голодной смерти, усилившиеся в связи с засухой 1946 г. Вместо помощи населению голодающих районов за счёт государственных запасов, правительство резко увеличило экспорт зерна: с 363,2 тыс. тонн в 1946 г. до 2406,9 тыс. тонн в 1947 г. Между тем, именно в 1947 г. особенно сильно стали сказываться последствия недорода.

Не выдерживают критики аргументы тех, кто связывает ускоренное промышленное развитие страны в 20-е годы с военной угрозой извне. Трудно представить, чтобы в условиях мирового экономического кризиса среди мировых держав нашлась бы в те годы способная к новой военной интервенции против России. А вот собственное нетерпение, желание большевиков одним рывком за счёт деревни пробежать расстояние „от кувалды и крестьянской сохи к развитой индустрии“ обернулось трагедией. Как иначе можно объяснить такое разное по результатам воздействие индустрии на сельское хозяйство у нас и, например, в США. Там рост промышленных товаров и технически более совершенных машин повысил производительность сельскохозяйственного труда, ослабил аграрное перенаселение, увеличил ёмкость внутреннего рынка и тем создал устойчивый спрос и цены на сельскохозяйственную продукцию. В СССР процесс индустриализации не привёл ни к росту сельскохозяйственного производства, ни к повышению производительности труда, ни к формированию внутреннего рынка, разворошенного гражданской войной.

Монополия внешней торговли, наряду с ужесточением экономических и политических санкций против товарных крестьянских хозяйств, привела к резкому снижению сельскохозяйственного производства в стране и хлебным кризисам. В ходе хлебозаготовок 1928-29 гг. вновь, как в гражданскую войну, прибегли к насильственной конфискации хлебных запасов, затем взвентили налоги и ввели так называемые твёрдые задания по хлебозаготовкам,

стали изымать сельскохозяйственную технику и земельные излишки, превышающие у зажиточных хозяйств нормы уравнительного землепользования.

Новая гражданская война развернулась под политическим лозунгом уничтожения последнего эксплуататорского класса – „кулаков“ – на самом же деле были полностью уничтожены производительные силы деревни. Стальная эпоха повторным опытом „военного коммунизма“ вступала в свои права. Чтобы избавиться от непосильных налогов и ярлыка „кулацких“, зажиточные хозяйства стали интенсивно делиться, сокращать запашку, уничтожать скот. То был не злой умысел, а стихийный акт отчаяния, вызванный разрушением абсолютных крестьянских ценностей. Отныне эти способы защиты от государственного произвола вошли в арсенал крестьянского сопротивления. Созданный по вине самого государства продовольственный кризис являлся серьёзной угрозой режиму, оставлял мало времени на раздумья и разумные действия.

Вся коллективизация – поспешная, насильственная, неподготовленная в плане снабжения техникой деревни – проводилась с единственной целью: создать такие отношения между крестьянством и государством, при которых последнее являлось бы абсолютным распорядителем земли, рабочей силы, сельскохозяйственной техники и, главное, произведенного продукта.

Так были созданы колхозы, истинные устои которых обозначились сразу: экономическое бесправие, личное бесправие крестьян, лишенных паспортов; принудительный труд и его неполная оплата. С этого времени личное крестьянское хозяйство ограничивалось размерами приусадебной земли, положенной каждому колхозному двору. Его максимальные размеры не могли превышать одного гектара. Создание колхозов завершило „коренной перелом“ деревни.

Первоначально бедные и богатые в колхозе уравнились. Но уравнительный труд плохо кормил крестьянскую семью – начались поиски заработков на стороне, стремление развить хозяйство на приусадебной земле, в ущерб

труду в колхозе. Социальное расслоение в деревне сохранилось, но теперь оно было связано не с экономическими факторами, а с занимаемым местом на лестнице колхозных чинов: председатель, член правления, кладовщик, бригадир, рядовой работник. Низовой чиновничий аппарат полновластно распоряжался в деревне от лица государства, которое оценивало его по степени выполнения главной задачи – полному и своевременному взиманию налогов и недоимок. Активно, вопреки принятому самим же правительством постановлению, расцвела практика дополнительных заданий колхозам, справившимся с выполнением государственных планов.

С оформлением новых крепостнических отношений, крестьянин не только деградировал как земледелец и товаропроизводитель. Коренным образом изменилось его отношение к земле: отныне колхозная земля потеряла для него всякий интерес. „Его“ земель, в его крестьянском понимании оставался лишь малый клочок приусадебной земли. Прочно укоренилась мысль, что от властей нельзя ждать ничего хорошего; пребывали в ожидании постоянной опасности от новых экспериментов с деревней. Колхозная система выявила худшую черту общины – круговую поруку членов коллективного хозяйства в несении государственных повинностей. На этой почве у колхозников выработалась специфическая форма социальной защиты против своих же товарищей, уклоняющихся от колхозных работ, – стремление „по справедливости“ разложить государственное тягло на всех членов колхоза. Здесь корень многочисленных жалоб и узаконенных доносов, поощряемых государством.

Исказились и рыночные отношения. По своей принудительной природе колхозы были крайне неэффективными сельскохозяйственными предприятиями, поэтому отныне рынок продуктов порождался не избытком их, а недостатком, в первую очередь самого необходимого – хлеба. Если раньше существовал единый внутренний рынок сельскохозяйственных продуктов и сырья, то теперь он

распался на ряд изолированных друг от друга центров потребления, сосредоточенных вокруг крупных промышленных зон. Рынок и рыночные отношения свелись к базару и колхозной торговле. Всё возрастающие потребности государственного аппарата и непомерные аппетиты промышленности по-прежнему удовлетворялись из единственного источника – деревенского. Хотя изымаемая из деревни продукция постоянно росла, она не покрывала всех государственных потребностей и вынуждала в особо суровые годы вводить карточное снабжение населения.

Что же касается способов изъятия продуктов, то главным продолжал оставаться натуральный налог в форме обязательных поставок государству. Бдительное око властей заметило, что в условиях казарменной экономики личные хозяйства продолжали действовать эффективнее колхозов. Поэтому обязательные поставки были распространены на крестьянские дворы; помимо этого все источники дохода крестьян облагались налогом. Двойной гнёт не раз заставлял деревенских жителей с тоской вспоминать порядки „проклятого царизма“.

Новое содержание получила политика цен, также носящая откровенно антидеревенский характер. Во времена, когда Россия была частью мирового рынка, цены на сельскохозяйственную продукцию определялись спросом на неё и колебались внутри страны в зависимости от близости к водным, железнодорожным путям и морским портам, через которые велась заграничная торговля. После окончания гражданской войны в начале 20-х годов известный русский экономист Н. Д. Кондратьев активно пропагандировал в своих работах путь подъема народного хозяйства, связанный с таким поддержанием государственного уровня цен на сельскохозяйственные товары, который способствовал бы беспрепятственному процессу расширенного воспроизводства в крестьянском хозяйстве. Восстановление мощи России и экономической самостоятельности крестьян понималось им как единый процесс. Но в том и заключалась трагедия „нового времени“, что трудовое крестьянское хозяйство по недоверчи-

висти к его якобы мелкобуржуазной природе **не рассматривалось государством основой развития народного хозяйства**. Таковой, по мнению большинства политиков и поддерживающих этот курс экономистов (С. Г. Струмилин и др.), являлся лишь государственный сектор. В таком подходе уже была заложена неизбежность насильственной коллективизации, тем более скорой, что пресловутые „ножницы цен“ между промышленными и сельскими товарами не способствовали росту аграрного производства.

Отметим ещё одно любопытное обстоятельство: в 1926-27 гг. были установлены непропорционально высокие цены на новые товары, поставляемые развивающейся промышленностью. „Твёрдые цены“ были сохранены и после того, как производство новых товаров удешевлялось, а себестоимость их снижалась за счёт совершенствования технологии. С одной стороны, это давало государству дополнительный источник прибыли в результате усиления неэквивалентного обмена между городом и деревней, а с другой, позволяло рассчитывать объём промышленной продукции в искусственно неизменных ценах 1926-27 гг. и тем самым скрывать истинные темпы роста. По меткому выражению одного западного экономиста, все достижения пятилеток носили статистический характер.

Статистика надёжно скрывала и абсолютное обнищание народных масс. Поскольку крестьянское хозяйство существовало в условиях непрерывного роста сельскохозяйственного налога, обгонявшего реальные доходы крестьян от приусадебного хозяйства, постольку чтобы уплатить налог необходимо было продавать всё больше и больше продуктов, в том числе необходимых для личного потребления. Тем самым за счёт крестьян осуществлялся принудительный рост рынка. Основная тягловая часть деревенского населения была лишена возможности развивать личное хозяйство, так как слишком много сил отнимала работа в колхозе. Главными поставщиками рыночных продуктов становились хозяйства, состоящие из представителей колхозной верхушки или

лиц, сумевших под различными предложениями уклониться от колхозных работ. Этим ещё более усиливалось социальное расслоение деревенского населения и обесценивался колхозный труд. Но даже те, кто сумел придать товарный характер своему приусадебному хозяйству, делали это в скрытых, полуправильных формах. Другим видом ограничения товарности личных хозяйств выступала практика местных властей, часто прибегающих к насильственному изъятию скота и продуктов крестьян, для выполнения государственных планов.

Нельзя сказать, чтобы правительство ничего не делало для повышения эффективности сельскохозяйственного производства. После смерти творца колхозной системы Сталина, оно стало неуклонно расшатываться действиями преемников. Почти двенадцатилетняя „реформаторская“ деятельность Н. С. Хрущева была похожа на блуждания бильярдного шара, пущенного мощной, но неумелой рукой. В 1953 г. наиболее жёсткие проявления колхозного режима были смягчены, но лишь для того, чтобы послать крестьян на штурм новой цитадели – целины. Затем последовали гонения на личные хозяйства и принудительная специализация колхозов и совхозов, реорганизация управленческого аппарата, состязание с Америкой и бесславный конец всей затеи, ознаменованный провалом семилетки и хлебными очередями в провинции.

Ко времени Н. С. Хрущева относится и начало резкого изменения характера наших рыночных связей с заграницей. Если его предшественник за счёт сверхэксплуатации деревни и полицейских мер умел создавать „излишки“ зерна и экспортировал их, то отказавшиеся от мощных рычагов наследники, вынуждены были поддерживать связи с мировым аграрным рынком не как страна-производитель сельскохозяйственной продукции, а уже как потребитель. Так средство политического давления обернулось на новом витке власти в зависимость от западных держав.

Каждый новый эксперимент усиливал обезлюдивание деревни, истощал давно уже немногочисленный крестьян-

ский слой. В период правления Л. И. Брежнева были сделаны попытки упорядочить налоговую политику государства в деревне. Для подъема сельского хозяйства использовали последнее средство – деньги. Мощные капиталовложения, при сохранении основных пороков системы, означали, что деревня при активной поддержке города стала выращивать „золотой хлеб“. Колоссальные затраты не окупались! Вновь, как в войну, замаячили лозунги: „Хлеб любой ценой!“ Но уже отменено было сталинское прикрепление к земле, и некому стало воплощать призывы в жизнь. Те, кто ещё остался в деревне, хорошо усвоили уроки истории, и давно безучастны ко всяким реформам сверху.

Созданная вопреки историческому пути России, современная государственная власть строила и строит все хозяйственные, правовые, идеологические, нравственные институты с единственной целью: поддержание интересов своей главной опоры – партийно-государственных чиновников. Но любые изменения сверху, не способствующие кропотливому созданию самостоятельных народных структур во всех отраслях общественной жизни, обречены на провал. Поэтому представители верхнего эшелона власти, предпринявшие очередные реформы, скоро волей – неволей будут вынуждены вернуться к применению худших методов из арсенала, осуждённых ими вождей. **Для них** иного выхода просто не будет.

Для России же выход из положения может быть найден лишь при условии, что вся внутренняя и внешняя государственная политика будет подчинена одной цели – **созданию свободного во всех отношениях сельского товаро-производителя**. Тогда рыночные отношения сложатся сами. В качестве первоочередной меры необходимо провести выкуп земли для крестьян в форме государственного безвозвратного целевого кредита, выдаваемого селянам на покупку земли, сельскохозяйственной техники, породного скота, семян, стройматериалов. При установлении размеров продаваемой в частную собственность земли следует исходить из трудовой нормы, установ-

ленной в соответствии со своеобразием природных, национальных, экономических, демографических и иных особенностей каждого района страны. Функция центральной государственной власти в лице своих специальных органов и законодательно должна состоять только в одном: неукоснительно гарантировать всем коренным народностям России первоочередное право на землю. Тем самым будет восстановлена историческая справедливость в отношении народа. Государство также должно оградить село от внутренних конфликтов, могущих разразиться при проведении реформы, от вмешательства паразитических слоёв города и деревни.

Москва, 1990 г.

НАШИ ВЕСТИ

**Издание Союза Чинов Русского Корпуса
Журнал основан полковником А. И. Рогожиным**

Редактор Н. Н. Протополов

**Журнал выходит ежеквартально
Подписка на 1 год 12 ам. долларов**

Подписку направлять по адресу:

**NASHI VESTI,
P. O. Box 485,
West Milfort, N.J. 07480, USA**

Речь на юбилейном вечере *

Дорогие друзья!

Мне кажется, что в нынешние времена огромное большинство наших сограждан задумывается над вопросом: что нас ожидает впереди? Сбудутся ли надежды, возлагаемые на объявленные перемены и реформы, призванные предотвратить надвинувшуюся на страну катастрофу и покончить с командно-административным режимом? И оправдано ли притязание КПСС на ведущую роль, поскольку становится всё очевиднее её банкротство, провал едва ли не во всех областях жизни страны? Мне лично кажется, что накопленного опыта достаточно, чтобы решительно заявить, что партия большевиков за семьдесят два года своего правления преуспела более всего на попроще репрессий, подавления, внушения страха, утверждения лютого единовластия, разжигания розни и ненависти, возведения „товарища маузера“ в ранг судьи и высшего распорядителя жизни, своими хозяйственными опытами не раз доводила страну до кризисов, а ныне погрузила её в беспрецедентный хаос и разорение. Власть, правда заботилась об арсеналах – вплоть до остро

* В честь 90-летия писателя О. В. Волкова 26 января 1990 г. в Москве Обществом „Энциклопедия российских деревень“ был организован юбилейный вечер. Предлагаем вниманию читателей «Вече» текст выступления О. В. Волкова на этом вечере.

отточенных сапёрных лопат: содержание отрядов вооружённых до зубов янычар – первейшая, неотъемлемая забота любой диктатуры!

„Перестроек“, „переделок“, новых курсов и обещаний „перегнуть Америку“ было испробовано бессчётно. Предостаточно вводилось дилетантских проектов, объявляемых спасительными для народа и хозяйства, так что в этом контексте нынешняя перестройка выглядит всего-навсего очередным экспериментом – как всегда дорого обходящимся стране. Словом, давно настала пора во всеуслышание признать, что на **марксистско-ленинском фундаменте ничего реально прогрессивного, сулящего людям достойную обеспеченную жизнь построить нельзя!** Вооружившись заветами основоположников способно только множить острова архипелага ГУЛАГ, отлаживать карательные механизмы, запугивать до столбняка, растить поколения опустошённых, утративших веру в справедливость и доброе начало жизни людей. Именно поэтому звучат так фальшиво и лицемерно вводимые ныне в обиход, с семнадцатого года осмеиваемые, калёным железом вытравившиеся понятия „Милосердие“, „Сострадание“, „Благотворительность“ и т. д. Большевики спокон века внушали классовую ненависть, подозрительность, отвращение к христианским добродетелям... Да и творилось ли когда добро окровавленными руками?

Досадно глядеть на нынешнюю возню с полумерами и робкими реформишками, какими занялись ратоборцы перестройки, особенно в области сельского хозяйства: стали лечить примочками раковую опухоль! Примериваются: не сдать ли землю в аренду единоличникам, оставляя при этом её распорядителями колхоз или совхоз? Или возродить нечто вроде нэпа – крохотного нэпёнка! – однако с тем, чтобы не смахивало чересчур на частную собственность... Не то рекламировать семейный подряд... в общем, что-нибудь „и нашим и вашим“, с непременным душком социализма... И подобными методами тщатся спасти земледелие страны!

На эти выдумки и эксперименты тратится бесценное

время, они сбивают с толку, дело топчется на месте, кризис углубляется, поток зерна из-за рубежа не иссякает. Страна скатилась в бездонную долговую яму, да и испаряется вера смельчаков, взявшихся было растить бычков, строить теплицы и т. д. Словно руководству неведомо, что раскулачивание и расправа с нэпманами крепко сидят в народной памяти и вера в приманки и посулы власти куда как непрочно! Пришлось туго – заманивают, чуть полегчает – ограбят и уничтожат...

Пора, думается, осознать, что спасение страны в **полной капитуляции, в сдаче всех позиций, с каких большевики штурмовали частную собственность.** Противопоставить ей что-либо пригодное для устройства жизни не удалось... да и не могло удаться!

Вот уже три четверти века большевики требуют, чтобы народ признал какую-то их „правду“, твердят, что построят „социализм“, хотя и сами достаточно смутно себе представляют – что это за штука! Не пора ли сделать вывод, что **при достаточно жёстком прогрессивном налоге, парламентских порядках /исключающих бессудные расправы, институт заложников, зависимость судей и т. п./ частная собственность обеспечивает достойную жизнь для всех граждан, контроль за выборными должностями, мир и добрососедство,** и перестать делать из неё жупел?

И – что немаловажно! – покончить со словесным разливом: от него поташнивает... Им подменили конкретную деятельность!

В стране уже тлеют очаги пожаров великой смуты, аналогичной той, что едва не погубила Русь в начале XVII века. Мы допустили столько промахов и преступлений, столько нагрешили, так дотла разорили крестьянство, истребили столько выдающихся людей во всех слоях общества, что нельзя, чтобы Провидение сжалилось и послало нам новых Святого Сергия, Минина и Пожарского... И всё же... и всё же: нельзя ли надеяться, что не истекли последние часы и минуты, когда ещё не поздно остановиться на краю бездны и предпринять **пожарные меры,** способные спасти страну?

Думаю, что в первую очередь следует без проволочек и благонамеренной болтовни провести выборы в УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ – З Е М С К И Й С О Б О Р путём, исключаящим преимущества для обанкротившейся партии большевиков. Нынешние выборы нельзя признать действительными, поскольку на них коммунисты обеспечили себе большинство.

Надежды вселяет как раз то, что несмотря на несправедливость порядка выборов, в Верховный Совет удалось всё же просочиться депутатам дельным и честным, не заражённым подхалимством и алчностью, мыслящим патриотично и компетентным. Они знают – что делать будущему парламенту и назначенному им правительству СПАСЕНИЯ РОДИНЫ!.. Войдя в него, они не станут оглядываться на архонтов из ЦК и Политбюро! Им можно будет верить, положиться на то, что они понемногу наладят жизнь **на надёжном теоретическом фундаменте**, уверенно и смело направят страну, её экономику и уклад по верному пути, возвратят народу давно утраченное благополучие и достоинство, помогут забыть о десятилетиях произвола, ставшего синонимом диктатуры пролетариата.

Стране пора занять своё былое почётное место в семье народов, побороть всестороннюю отсталость и навсегда избавиться от диктаторов всех мастей и их вдохновителей, учеников и последователей – всевозможных Марксов и Лениных, Сталиных и Гитлеров. Человечество должно навсегда, на веки вечные запомнить пролитую ими кровь в двадцатом веке: **красный флаг несёт народам смерть, неволю и разорение – его поднимали на своих кораблях работорговцы!**

В. В у л и ч

Шагреновая кожа *

„Мы – в нижней точке. Ниже – разложение, распад, и гибель. Не только наша, но и всего мира.“

И. Дьяков, „В поисках кощеевой иглы“.

1.

Любить Россию – это значит Россией болеть, Россию жалеть и страстно желать её выздоровления. Каждое утро встаёшь с мыслью, что этого не может быть, что это – ночной кошмар. Но – это есть.

* Название философского романа Бальзака, в котором развивается тема человеческой воли, её свершений, но – и *платы* за них...

Огромная страна, неоглядная, объединившая многие земли и народы, и их судьбы, на долгий ряд столетий, распадается, рвёт себя на части, в ослеплении безумия.

Всякая болезнь противоестественна. И происходящее сегодня – финальный кризис этой болезни. Горечь и боль, когда представляешь себе, сопутствующие этому страдания людей, хаос и утерю общего человеческого языка! Это великое отчуждение между людьми – страшная печать нашего века, то, что исковеркало жизни сотен миллионов людей.

*

Война – никогда не кончалась, хотя мир жил в этой иллюзии (и кому-то эта иллюзия была нужна!). Война – шла дальше (и идёт!) – психологическая, главным образом. А ещё – весь мир живёт в состоянии войны гражданской. Не говоря уже о России, где она, развязанная руками Ленина, никогда не прекращалась, а была социальным скрепом „социалистического общества“, и кандидатов в это „состояние“ во всём мире.

В мире, в котором бесконечно повторяется лозунг об объединении всего и вся, происходит на деле совершенно обратное. Разъединение. Не только в межнациональных отношениях, но и **внутри** отдельных стран, внутри отдельных обществ и людей. Исчезает сама основа – общество, как таковое. (Объединение потребителей – это уже не общество). Но не индивидуализм вырывает человека из общества, а совершенно новый процесс, вид коллективизма, духовной энтропии, центробежного отрыва. Происходящее сегодня в мире – цепная реакция **распада**. Сейчас мы живём в дни величайшего кризиса, изо всех бывших, кризиса самого бытия: и земли, и человечества.

Технический век бежит слегка впереди катастрофы. Но – до поры, до времени. Из-за спины „прогресса“ – встаёт безумие. Всё может рассыпаться, как картонный домик.

В Западной Германии вышла книга еврейского фило-

софа Ханса Ионаса, „Принцип ответственности“. Является ли она продуктом одиночного ума, или национальным заданием, – в обоих случаях она заслуживает пристального внимания; знаменательна она тем, что отрицает избранность отдельных народов, критикует Маркса и Блоха, пропагандирует ряд положений национал-социализма (!) и, как спасительное средство в сегодняшнем разгуле нравственной беспризорности – призывает к спасительной **тирании!** В числе другого, Ханс Ионас пишет: „Мы живём в ситуациях Апокалипсиса, это означает – в преддверии мировой катастрофы /.../ Опасность владычества над природой посредством научной техники лежит в размерах его успеха /.../ Сегодня начинает становиться пугающе-ясным, что короткий праздник богатства угрожает привести не только к хроническим будням бедности, но и к чудовищным размерам катастрофе. /.../ Какие массовые вымирания и массовые убийства будут сопутствовать стадии „спасайся, кто может!“, превосходит всякое воображение, также и то, как будет жить остаток людей на превращённой в пустыню земле“.

В сегодняшнем мире нет частных проблем. Вряд ли, кто-нибудь может всерьёз думать, что современное положение мира статично, или что оно может надолго задержаться. Но все привыкли жить „на запаздывающей педали“, и обсуждать, что надобно было бы сделать позавчера, чтобы избежать того, что случилось вчера. Но сегодня – надо делать то, чего требует завтра! Иллюзия равновесия – всяческого! – может лопнуть, как мыльный пузырь.

На замене одних личностей другими строятся сложные надежды. Но это – иллюзии. Не Сталины делают эпохи, но эпохи делают Сталиных. Каждая революция имеет своих Маратов и Робеспьеров, Дантонов и Фуше. Но, повидимому, не каждая – умных Наполеонов.

Мы подошли к „краю событий“, когда никакая риторика неуместна. Сегодняшняя история мира – коллективная одержимость. Лавина человеческого одичания.

2.

„Для целого человечества, стиснутого в единый ком, такое взаимное непонимание грозит близкой и бурной гибелью /.../ Нас разорвёт эта разница ритма, разница колебаний /.../ как не жилец на земле человек с двумя сердцами.“

А. И. Солженицын, Нобелевская речь.

В России всегда существовало тяготение к тому „естественному праву“, которое обосновывало и отстаивало иммунитет высшей сферы человеческого бытия. Это тяготение до конца ощущалось и в русской Монархии, хотя и было оно, по тем временам, уже „анахроническим“, имея в виду развитие Запада в совершенно ином плане – в плане тяготения к социальной мясорубке. В истории XX века было блестяще доказано, что целые народы могут влачить существование, совершенно обходя так называемые „экономические законы“, как основы государственной жизни, а также и законы человеческие. Было продемонстрировано – теперь уже и многократно, повторно! – истинное бессилие человека против убийственной и продуманной Программы, издевающейся над реальностью, и основанной на категориях иррациональных. Что демонстрирует и сейчас **весь мир!** А также – что историей можно управлять, во всяком случае длительные периоды.

В разных веках, философы были заняты возможностями „естественного права“, как положительной, гармонической сути бытия. Это право долго служило источником оптимизма. Под ним понималось: внутренние побуждения, требующие согласования наших поступков с правдой, совестью. Некий импульс, включенный в мироздание, которым можно пренебречь, но который нельзя изменить. Естественное право было в учениях Сократа, Платона, Аристотеля, философов-стоиков на пороге хрис-

тианской эры. У Цицерона, Юстиниана, у Фомы Аквинского в Средние века.

В Новой истории иррациональные силы прорвались как-раз в эту тонкую и высокую сферу. Так началась эпоха самоистребления человека.

Удивительно: идея России – всегда была идеей **будущего**, как бы цепко ни держалось в её почве прошлое. Ещё во время „духовной дуэли“ Александра Первого с Европой, в посленаполеоновскую эпоху, „варварская“ Россия стояла на целое небо выше всех её европейских союзников... Это говорит о том, что как войны, так и союзы ведутся и заключаются не между территориями и правителями, но между идеями. **Сама идея России** всегда была воспринимается Западом как враждебная. И по сей день, когда так упорно стараются поддерживать существование России коммунистической и так не желают возрождения России русской!

Но ещё Пушкин сказал: „Европа, в отношении к России, всегда была столь же невежественна, сколь и неблагодарна.“

И вот, – сегодня знаменательное возмездие! – судьба Европы уже **неотделима** от судьбы России.

После Второй мировой войны на Западе начали весело строить дальше, жить „как обычно“, не замечая, что живут и строят в мире особом. Не в мире **реальности**, какой они её видят, но в мире, который скользит по наклонной в пропасть, в пустоту; в мире, в котором нет твёрдой почвы под ногами. Не замечали, что и все привычные „ангелы-хранители“ давно ходят с обрезанными крыльями. И что сама духовная почва тысячелетий, христианская почва всей западной культуры, незаметно, без апокалипсического грома, превращается в зыбкий фундамент пустоты. Человек просто изъясил дух из своего обихода, как и таблицу умножения (два умножают на два теперь при помощи электронной машины). Человек дал себя уговорить, что Бог – умер, не подозревая при этом, что эта смерть Бога – его собственная смерть.

Предположив два „сорта“ зла – космическое и теневые

стороны самой человеческой природы, – очень скоро можно заметить непосредственную, органическую связь их. Так свершается, тихо и незаметно, продажа души дьяволу! Те, кто **рационально** творили историю и составляли планы для неё, всегда обращались к силам иррациональным, зная их власть над человеком и его природой. Последние десятилетия окрашены разного вида массовыми одержимостями, – как никогда, они охватывают целые поколения. И там, где пишутся сценарии, положение это безусловно учитывается особо.

Знаем ли мы всё о возможностях **воли**? Константной, пронизывающей века, фанатической воли? Больше чем в чём-либо другом, можно предположить в ней одну из „движущих сил истории...“ Потому что за границами того немногого, что человек сам о себе знает, лежит кафкианский мир иррационального, подобный неевклидовой геометрии, в которой между двумя точками можно провести бесчисленное количество линий, и сумма углов треугольника не равна 180° . Все современные коллективные одержимости нашего времени – не по этим ли адским рецептам „изготовлены“? Как демонстрацию этой „психологической“ войны, достаточно только некоторое время понаблюдать телевизионные передачи на Западе, разлагающие и отупляющие.

Что же касается событий в мире, то в сценарий событий ввели постоянно действующее „лицо“ – активную смерть. И эту генеральную пробу мир с успехом выдержал! Свободных наблюдателей Запада не испугала совершенно откровенная уже общность общих могил! Российских, в Катывни, в Корее и т. д. Сегодня раскапывают в Восточной Европе, в Германии; последнее „издание“ – в Румынии, совсем свежие! Смерть сделали привычной, обыденной, банальной. И это – **вырывает у судьбы**, – психологический фактор, над которым тоже надо задуматься. Потому что уничтожается понятие и ощущение трагического.

Так сотворялся мир **аполитичный**. А что касается корифеев европейской мысли... Правда, Б. Расселл рассматри-

вал большевизм как „трагическую одержимость, которая, вероятно, повергнет мир на века во тьму и оргии насилия“, но это не мешало ему стать и быть самому разрушителем... На почётном месте, рядышком с Сартром и К°.

Неразрешимость современного политического положения заключается в том, что оно вышло за границы локального, частного и является одним **общим** положением! Нет больше отдельности в мире. Мир имеет одну общую „кровеносную систему“. Разобщённость же усилена новыми факторами. Это – техника (через край!) и изменения, происшедшие в социальном мироощущении через марксизм. Он, так или иначе, коснулся каждого. Отсюда же и все современные разобщающие национальные движения. Они выражают психологическое, инстинктивное сопротивление, стремление людей освободиться от угрожающей, убивающей „общности“. И здесь люди идут безраздумно, напролом. В зараженной марксизмом больше всех в мире России, это особенно назрело, и выказывает себя истинным взрывом! Хотя это действие неразрешающее и непросветляющее, не несущее **излечения**. Может быть, что разрешить это болезненное состояние может только общая беда, общая катастрофа. К тому идёт...

Во всём мире делается упор на „культивирование“ массы. А это, психологически, страшная вещь. „Масса“ может не только „восставать“, как у Ортеги, но быть и орудием, и оружием, в зависимости от обстоятельств. Масса заполняла площади при гильотинированиях, редела марсельезу, сияла на нацистских парадах, скандировала имя Сталина и устроила новую Ходынку на его похоронах. А сегодня она разряжает энергию в рок-музыке. Всё это было учтено. В **плане** стояло – довести народы до состояния вырождения и духовного разложения, что сделало бы из них послушное стадо, глину. А так как „...демократия основана не на истине, а на формальном праве избирать какую-угодно истину или ложь“ (Бердяев), то это сильно упрощает „работу“ по формированию общества. Самое изощрённое при этом – порабощение производится руками самих жертв. Государства раздробляются при

помощи партий, пропаганды, демагогии и разжигаемых национальных конфликтов. Тактика эта с успехом была применена во всём мире. И так, все десятилетия подготавливалась и удобрялась почва для всеобщей гражданской войны.

Ни один правитель государств современного мира не поднялся до уровня андерсеновского мальчика, чтобы сказать: „Король – голый“. Все они показали поразительное единство. Или оказались под одним командованием? Впрочем, редкие исключения были. Умнейший Салазар. Он безошибочно понял суть происходящего, и запретил в Португалии и коммунистическую партию, и масонские ложи. Зато – какой же град камней на него обрушился, дружно, изо всего мира!

Сегодня ведётся игра ва-банк, и ослеплённые остатки свободного мира в сотый раз глотают самые примитивные приманки. Европа подталкивается на „первые роли“ в состоянии транс, когда всё предстоит ей в тумане. А кажется, что шифр, открывающий секретный сейф тайной политики – выключение Америки из мировых дел, и финляндизации Европы. Это – пока. А дальше – если мир не взорвётся – будет больше...

В свете извлечения на свет Божий всех этих корней (чисто западных), и фатальной зависимости от них всего, случающегося в России, можно только удивляться точности и справедливости Возмездия, постигающего сегодня Запад! А вместе с ним и все те интернациональные силы, которые способствовали гибели России. Обе мировые войны были запланированы и спровоцированы. Вспомним момент **когда** вступили в последнюю войну США: как-раз тогда, когда это было акцией **спасения коммунистического режима**. И американскими же штыками загоняли в вагоны русских, для выдачи Сталину... Сегодня президент Буш выжидает: то ли с днём рождения нужно поздравлять, то ли погребальный венок посылат... И оттого пока никакой помощи, кроме бодрящих улыбок. Люди, голод – не в счёт. Насколько иной пример показывал Ф. Нансен...

Венгерская революция. Её разгром был совершён тайным решением демократий, и тех, кто стоит за их спиной. А советские танки только завершили операцию „тайного акционерного общества“. Сегодня, это общество само проваливается в вырытую им для других (по согласованности с преисподней!) яму. И им, несмотря на личное и доброе знакомство, чорт, по своему верному обычаю, в конце-концов заплатит черепками! Близится час когда, вместо козырного туза, они увидят у себя на руках пиковую даму... Кусочек шагреновой кожи, в их кармане, съёживаясь, делается всё меньше...

3

Читаешь, без выбора, разное: отрывки летописей, о Смутном времени, переписку Грозного с Курбским, о боярыне Морозовой, Державина, историю Крымской войны, о европейских походах Александра I, о Русско-Японской войне, о Серебряном веке... Не как обогащение фактами, но как открывающее двери „внутри“, туда, где тайная лаборатория национального духа...

Россия была старейшим национальным государством Европы, великим многонациональным содружеством народов. Российская Империя строилась на основе Православия. У англичан был, в качестве мотора, деловой расчёт, у немцев – расовая дисциплина, у римлян – право.

Российское государство с самого начала имело черты сознательного национального единства, отсутствия племенной розни, чувство социальной справедливости, общности и общежития. Российское государство строил **народ**. И естественно, что всякая большая культура ассимилирует соприкасающихся с нею. А объединение многих народов **смягчает и сглаживает** национальный радикализм отдельных.

Сегодня само слово „империя“ сделали одиозным и старомодным. А между тем **только свободное объединение наций** может противостоять нездоровым и губительным свойствам национализмов! Только многообразие может

воспитать истинную свободу. Современная политическая мысль узка и блуждает в дебрях среди трёх сосен.

За видимой границей национальных свобод – стоит рабство. Оно обусловлено уже заговором и общемировым лицемерием. Всюду всё вершится по единому рецепту! „Разделяй и властвуй!“ К чему привело распыление Африки?

Сегодняшние национальные отделения имеют особые причины и бесфундаментное будущее. Это – часть общего разрушения, разрушения того, что почти невозстановимо.

Константы русской истории большевистская революция стёрла с лица земли. Но, в какой-то мере, они продолжают жить в душе народа или на нашем „астральном небе“, с которым эта душа связана...

Русская история всегда испытывала давление иностранного пресса. Пожар Москвы был прямым следствием Французской революции; как и восстание декабристов; как и задержка освобождения крестьян; как и всё „шестидесятничество“. И всё это дало свои всходы. В столетие между двумя атаками Запада на Россию – войнами 1812 и 1914 – Россия была всяческими способами сублимирована. Все возможные болезни были привиты ей. Без Маркса не было бы большевизма, а без большевизма – не было бы фашизма... Отрицать все эти связи сегодня абсурдно.

*

Когда думаешь о России, делается очень ясным принцип первичности нации по отношению к государству. Потому что единство политическое строится на единстве духовном. Политика – только одно из измерений национального бытия. Политика может быть и эпизодом (если даже и длительным!). Нация – вечна. Она живёт от рождения до смерти.

Движение истории никогда не совершалось интернационально, но всегда в пределах одной какой-либо нации. Это процесс личностный, отдельного существования!

История отдельного народа – квинтэссенция его поведения. Жизнь нации вершится на психологических основах. И уже в соответствии со своим национальным характером, строит нация своё государство.

То же самое относится и к культуре: культура никогда не была интернациональной. Всё культурное развитие человеческого общества основывается на гениальности и свершениях **отдельных**, великие достижения всегда связаны с отдельными именами. Через них свершается творческое строительство культуры и нации. Само вычёркивание таких имён из памяти, представляет собою потерю великой моральной силы, связанной с этими именами. Это хорошо знали и учитывали организаторы „массового общества“ и массовой психологии. Народ, подвергнутый такой обработке, платит страшную цену за отказ от памяти: утерю собственной силы и единения.

Но глубже, чем это можно себе представить, заложена в нас связь с прошлым! Часто, нам даже неизвестное, живёт в нас. И во времена великих национальных кризисов, когда сжимаются сердца и отчаиваются души, из тьмы веков протянуты к нам поддерживающие руки великих людей нашего народа, созидателей и победителей в битвах, утолителей горя народного и молитвенников за народные души. Историческая преемственность – великая и реальная сила, она живёт в нас чувством, подобным чувству причастности к семье. И в непереводаемых на человеческий язык минутах душевных постижений, мы естественно равняемся на тех, кому ведомы были „...тайны человеческого сердца и совести, столкновения жизни и смерти, преодоление душевного горя...“ (А. Солженицын). Эти люди – наши „современники в прошлом“, наряду с современниками в настоящем.

У русских необычайно развито чувство самокритики. Можно совершенно отчётливо проследить его в литературе. И не оттого, что национальное существование было хуже, чем у других, но оттого, что русский чувствует свои и общечеловеческие беды, и стремится к их устранению. Чувство трагического пронизывает нашу общественную

мысль. Чувство несовершенности и вины каждого отдельного. И это так непохоже, так отлично от общеевропейских „масштабов“ мышления.

Есть понятия, над которыми мало задумываешься, а между тем они стоят в центре нашего существования. Таково понятие современник. Это – **действующие, живые мысль и слово**, которые существуют в том же отрезке времени в нашем мире. Особенно это важно в эпохи, как сейчас; эпохи вырождения, распада и гибели. В числе наших современников бывают удивительные, великие люди. Таков А. И. Солженицын. Он взял на себя необычайную, огромную тяжесть – осмысление нашего времени, нашей эпохи, всего страшного, происшедшего с нашей страной и человеком, самых страшных дел и обнажённых болей. Взял в такой необычайно большой доле и глубине, которые обычного человека раздавили бы под своей тяжестью. Он способствовал снятию катаракты у каждого из нас и взял на себя тягость общемировой совести.

Недавно А. И. Солженицын опубликовал соображения о сегодняшнем положении в России. Читать больно, потому что написано о тяжёлой болезни, о недуге смертельном. Но и десятилетия назад, в „Архипелаге“, А. И. Солженицын писал совершенно сходно:

„Великая ли мы нация, мы должны доказать не огромностью территории, не числом подопечных народов, – но величием поступков. И глубиной вспашки того, что нам останется за вычетом земель, которые жить с нами не захотят. С Украиной будет чрезвычайно больно. Но надо знать их общий накал сейчас. /.../ Пусть поживут, попробуют. Они быстро ощутят, что не все проблемы решаются отделением“. („Архипелаг ГУЛАГ“, V, стр. 49).

Но общий суровый тон сегодня ещё суровее. Особенно ранит одно замечание: „Надо перестать попугайски повторять: „Мы гордимся, что мы русские...“ Жестокое замечание.

Ведь мы не „гордимся, тем, что мы русские“, но просто, единственное, что нас ещё держит в вертикальном поло-

женин, единственное, что у нас в этой жизни ещё есть, это, таинственным образом, именно то, что мы русские. Ведь мы **изуродованы** компрачикосами, как „Человек, который смеется“, нам оставили не лица, а уродующие нас окровавленные маски. Нас превратили в рабов, и о том, что мы рабы **исконные**, нам повторяют и по сей день, с глубокой мотивировкой.

Чтобы распрямиться, необходимо обрести чувство собственного достоинства, которого мы были радикально лишены всю жизнь.

Самое страшное в народе – это непрекращённая гражданская война! Организованная в 1917 году Лениным и его подручными, она послужила избиению народа собственными его руками, что длилось десятилетия и продолжается и сегодня! Вот это состояние **чужести** должно быть изжито, без этого – мы не можем делать ни шагу дальше, не можем порвать с прошлым. И помочь в этом может **единственно чувство принадлежности нашей к нашему народу. Надо, чтобы мы узнавали и самих себя, и собственных братьев.**

И, ведь, сам же Александр Исаевич дальше пишет: „И судьба наших детей, и наша воля к жизни, и наше 1000летнее прошлое, и дух наших предков, перелившийся же как-то в нас – помогут найти силы преодолеть всё“.

Не все люди умеют употреблять слова в их бесконечной градации смыслов и оттенков. Может быть, что кто-нибудь употребляет слово „гордость“, как синоним чувств более глубоких и тонких. Которых он не умеет назвать. Ведь язык наш тоже изуродован, обстрижен до примитива.

*

Как **трудно** было в России проводить реформы, доказывало и царствование Александра I, и Александра II. Слишком великие силовые потенциалы были у оппозиции реформам. В начале прошлого века со стороны дворянства, в конце века – со стороны „бесовствующих“ левых, кото-

рым нужно было реформы любой ценой сорвать. Может быть, „отблески“ такого есть и сейчас?

Внутренних причин инертности внутрироссийской жизни было много: одной из самых главных было отсутствие сильного третьего сословия, способного взять в крепкие и энергичные руки эстафету экономического и социального развития. Ещё – крепостное право и дворянские привилегии. **Аналогия с сегодняшним положением** напрашивается сама-собой.

В революции Французской буржуазия должна была взять власть в свои руки. В революции 17-го года вместо буржуазии власть взяла элита партийных чиновников. В большинстве это были евреи, русским интересам существенно чуждые.

Сегодняшняя „перестройка“ терпит фиаско главным образом потому, что участвуют в ней – Лебедь, Рак и Щука. И при совершенной неопределённости положения, Горбачев славил социализм, и совершенно неясен был политический статус, уготавливаемый России. Россия, формально, продолжает „строить социализм“. Пассивность народа совершенно обусловлена. Перестройка обернулась комедией (трагедией!). Весь народ был использован как её действующее лицо, в качестве **статиста**. И как удобно всё сваливать на то, что плохо работают! И вот – потеряно пять горьких, трагических лет, и вся деятельность аганбегянов-заславских дала результатом голодную карточную систему, даже в Москве и Ленинграде. Но такая экономика – это уже не экономика, а специфически бездарная политика, со множеством туманностей. В перечень неустроенных индустрий очевидно не входит индустрия военная. Дефициты в финансах; но не прекращаются выплаты миллиардов „усыновлённым“ социалистическим государствам, чтобы практически поддержать тезу Горбачева, что „...никто и ничто не могут скомпрометировать светлую идею социализма“.

И дальше не будет сделано ничего, если народу не будет **наконец дана власть!** Реальная, а не фиктивная. Плюс – политическая ясность, отказ от коммунистической

системы. Плюс – полный отказ от „социалистических подопечных“ во всём мире.

Вот это нужно счесть началом истинных реформ! А дальше всё начнет становиться на свои места. Переход к свободной экономике основан на частной инициативе главного действующего лица: **человека**. Эта инициатива создаст и новые кадры экономистов, инженеров, директоров предприятий. Труд должен перестать быть „социалистическим“, но стать предметом естественной заинтересованности, с отдачей себя этому труду. Абсолютная необходимость дня – появление настоящего **нового** человека, способного сообщать всему, что он делает ощущение свободы, одушевления, инициативы, предприимчивости. И не только в экономике, но и в культуре, всех видах школ, политике!

Вобретении **естественной иерархической структуры** общество и выделит из себя элиту во всех областях.

Нужны новые люди, обновлённые люди!

Столько говорилось, что человек должен работать **на благо**. Вот, теперь должен он, на деле начать жить и трудиться на благо – своё, народа, страны. Труд должен сделаться действительно творческим, **без этого** – России не подняться.

Чтобы строить – нужен энтузиазм. Но кроме того – доски, кирпичи, гвозди и прочее. Последнего в России нет. Часто вспоминаются скромные улицы, сотни и тысячи их, где маленькие допотопные домишки дышали на ладан уже и перед войной. Наверно, они существуют и сейчас, продолжая заживо и безропотно вростать в землю. Как страшно обнищала Россия! В Одессе – знаменитый оперный театр, о котором с восторгом писали многие европейские гости, получил во время войны травмы: снарядами были выбиты окна подвального этажа. Тогда забили досками. Рассказывал турист, в начале 60-х годов, что так и осталось. Да может, и сегодня?

До тла разрушенные города Германии были восстановлены, и безупречно, по большей части в том же стиле, виде, как они были, – уже к концу 50-х годов. Вот такому

– нужно учиться! И здесь без жаркого труда не обойтись. Но ведь, для себя же!

*

„Вся Россия вспахана и перепахана кровавыми коммунистическими пахарями. Её земля напоена русской кровью, в её недрах неглубоко похоронены миллионы тех, кто активно или пассивно оказывал отпор коммунизму. Россия приготовлена именно как пахоть, для посева мудрого и справедливого“.

Н. Краснов, „Незабываемое“.

„До тех пор, пока мы будем делать кумиров из палачей и поливать грязью жертвы, мы можем считать себя обречёнными. Состояние тяжкого безумия, внутренней дезорганизации, взрывоопасного брожения может превратиться в сплошной Сумгаит или Фергану. Или Чернобыль. Или в Сахару. Только без оазисов“.

И. Дьяков, „В поисках кощеевой иглы“.

Когда-то, Гарольда Вильямса спросили, что покоряло его больше всего в России. Он ответил: „Характер народа. /.../ Для него любовь – это больше, чем чувство, это – сама жизнь“.

Ах, если бы нам вновь стать нами самими! Человеку сегодня надо учиться заново самым простым вещам – стоять на ногах, двигаться, прямо смотреть в глаза, говорить то, что в мыслях. А также участвовать в общей жизни поступками достойными. И учиться вновь состраданию и любви.

У Н. С. Лескова есть прекрасное замечание: „Истинно

не то, что есть и было, а то, что могло быть по свойствам души человеческой“.

Может быть, волевое усилие мысли отделяет нас от постижения правильного пути? Начинается он, ведь, **в нас самих!** Это то, о чём говорит академик И. Р. Шафаревич в статье „Можно ли ещё спасти Россию“: „...Нам надо получить власть над своими мозгами“. Над своим мышлением. Это – было бы уже шагом вперёд, по новому пути. Человеку **необходимо подняться**, для того, чтобы начать жизнь заново. Какие бы преграды ни стояли на этом новом пути, главное зависит, всё же, от самого человека. Серьёзно, осознанно и глубоко, человек должен найти, определить свое **мировоззрение**, как ориентир. И ведь, в принципе, каждый может быть соединением всех христианских и национальных добродетелей. Но мировоззрение это включает в себя и всю вытекающую из него ответственность. Оно должно включать полную реабилитацию морали.

Волею судьбы и всей истории, вера в России была самым стержнем жизни. Оттого, борьба с Россией принимала формы борьбы с её Богом. В сегодняшней России, где выкорчевана естественная жизнь, выкошены или изуродованы целые поколения, а всё „воспитание“ было основано на атеизме, трудно возвращаться к вере. Ни прививать, ни внедрять веру – нельзя. Но можно прививать принципы, этические основы, справедливость, доброту. И – прощение. У Паскаля есть мысль, что дорога к вере может вести через рассудок (разум), традицию и вдохновение. Можно пробовать любую дорогу. Как попытку, на которую будет **ответчено**. Потому что главное **не в осени, но в осенности...**

Сюда примыкает **очень важная тема**: борьбы с тёмным началом в нас. Тема „сведения счётов“, мести. Может быть, что для кого-то „месть – радость богов“. Но – **не наших богов...** Вот, и у А. И. Солженицына об этом: „... Нас унижали. А мстить – не придётся. И – не надо совсем. И всё равно – мы богаче их“.

Избави нас Бог, от мести! Никогда будущее не пос-

троить на мести. Мечь – это сразу дефицит, а истинное богатство – только прощение. Как бы трудно оно ни давалось...

Если только России суждено будущее, и в форме, отвечающей её сущности и лучшему, что в России было, то можно пожелать той формы, о которой писал С. Л. Франк. Он говорит не об определённой государственной **форме**, но о **сущности**, что гораздо больше. В основу существования будущего государства С. Л. Франк ставит идею морали, христианской любви и этики. Он призывал к духовному обновлению общества и к творческому употреблению заложенных в человеке сил. Воспитание человеческой общности и любви (между прочим, всё это было свойственно русской монархии!).

Важность этого делается ясной, когда думаешь, через какие завалы ненависти нас протаскивали всю жизнь.

*

„Никакой общественной силе никогда не построить новой России, если она не будет опираться на старую и исходить из нее. Большинству русских уже никогда не узнать, сколь блистательна, сложна, потрясающа, сколь внутренне богата была прежняя Россия, дореволюционная и царская. Той России, свежей и молодой, ибо ещё не познавшей всю тьму и низость греха революции, царубийства и растленной сталинократии, – этой юной России нам не вернуть никогда. /.../ Но мы можем и обязаны исходить из неё в нашем созидании новой России, обновлении себя самих, своей культуры и своей земли“.

(А. Мирон, Москва).

В сказке Андерсена, у изголовья умирающего китайского императора уже стояла Смерть. Однако, маленькая живая птичка, Соловей, изо всех сил пела ему о Жизни. И император воскрес! Когда придворные утром пришли, думая найти его мёртвым, – он поднял голову и сказал: „Доброе утро!“

В. Зарубин

Загнать Россию в Московскую область...

(Размышления монархиста)

Мы уже давно наблюдаем, как в XX веке меняются традиционные, много веков существовавшие понятия о России.

Для нас, русских патриотов в Зарубежье, Россия означает то, чем она была всегда: многонациональное государство, издавна объединявшее народы разных культур и вер. После большевистского переворота на месте России образовалась „интернациональная“ атеистическая Совдепия – государство, в самом названии которого слово „Россия“ отсутствует и в котором было провозглашено уничтожение традиций всех народов; особенно народа русского – оплота старых ценностей. **Но для нас территория нынешнего СССР и есть Россия!**

Во время большевистского правления возникло обманчивое впечатление, будто по крайней мере территория России сохранилась почти в целости. Эта „государственность,, большевиков стала соблазном для некоторых эми-

грантов. Но уже тогда началось узаконение того территориального расчленения России, о котором веками мечтали наши недруги. Именно по проведенным тогда произвольным границам „республик“ хотят сейчас отделяться от России сепаратисты. И именно с большевистских времён Россией называют РСФСР, границы которой были нарезаны так, что даже южно-уральские и сибирские области оказались „казахскими“, а Крым уже при Хрущеве стал „украинским“.

Мало было обкарнать Россию – её потребовалось ещё и изуродовать: великую русскую реку Волгу превратили в канализационный сток отходов, Сибирь – в территорию „одноразового пользования“ (заметим, что пользовались сибирскими богатствами все республики). Начали осуществлять чудовищный план переброски русских рек на юг – что привело бы к колоссальным климатическим изменениям и сделало бы огромные территории Севера и Сибири пустынной тундрой. Русские территории были бы этим принесены в жертву ради процветания урюка и хлопка на юге – то есть ради того самого Юга, который теперь провозглашает свои „суверенитеты“... Сегодня, в период краха большевизма, опасность ещё грознее: на наших глазах может произойти исчезновение исторической России и как многонационального духовного мира, и как территории.

В офисах западных советологов, и в стане доморощенных демократов («Век XX и мир» и т.п) стало модно упражняться в „научных прогнозах“ – на сколько частей „целесообразно“ разделить нашу отчизну. В США существует даже закон 86-90 – о том, что это „русский коммунизм“ поработил в СССР все нерусские народы, даже такие как некий „Идель-Урал“, – соответственно и освобождение от коммунизма по этому закону мыслится как борьба против русских.

Отношение к таким проектам в русской эмиграции всегда было однозначным. Во-первых, мы всегда протестовали против отождествления интернациональной большевистской власти с властью русской. Во-вторых, мы

всегда отвергали механические сравнения естественно ширившейся Российской империи с западными колониальными приобретениями: мы всегда указывали на равноправие всех народов и их сословий под русским Двуглавым Орлом, подчёркивали духовный смысл великого вселенского объединения, которое постепенно создавалось вокруг Руси (к подобному объединению и сегодня пытаются идти развитые страны – но на основе безбожия и космополитизма). Однако, от врагов России естественно ожидать расчленительных рецептов. Поразило нас, русских патриотов, что схожий механический рецепт нам предложил человек, которого все мы считали русским духовным вождём: А.И. Солженицын в своей недавней работе „Как нам обустроить Россию?“

Не будем останавливаться на общеизвестных и правильных установках писателя, который, как и мы, считает преступлением продолжающийся 70-летний эксперимент, принесший столько бед нашему народу. Много верного Солженицын предлагает и в области социально-экономических реформ. Но трудно согласиться с его предложениями по решению национальных проблем: здесь русский писатель предлагает демонтаж самого традиционного понятия России. Помнится, в „Письме к вождям“ он предлагал направить основные усилия России на Северо-Восток; видимо, в согласии с этой целью теперь Солженицын решил освободить Россию от её Юго-Запада.

В заглавии его статьи стоит вопросительный знак. И, казалось бы, осторожность в национальных вопросах нужна более, чем где-либо: сто раз примерь – один отрежь. Но как раз в этом месте своих „поисковых соображений“ Солженицын режет без вопросительных знаков: „И так я вижу: надо безотложно, громко, чётко объявить: три прибалтийских республики, три закавказские республики, четыре среднеазиатских, да и Молдавия, если её к Румынии больше тянет, эти одиннадцать – да! – непременно и бесповоротно будут отделены“... „А если какие-то из них заколеблются, отделяться ли им“ – то должны „объявить о нашем отделении от них – мы

оставшиеся“. Двенадцатую республику, Казахстан, Солженицын намерен поделить на российский север и казахский юг. „И вот за вычетом этих двенадцати – только и останется то, что можно назвать Русь...“

На как быть с теми десятками миллионов русских, украинцев, белорусов, которые окажутся по его рецепту эмигрантами вопреки собственной воле – это им-то мы должны „объявить о *нашем* отделении от них“? Эвакуировать всех невозможно (да и куда при сегодняшней разрухе и голоде?), а уже сегодня мы видим ограничения для инородцев, в основном славян, в Прибалтике... И далее, если сейчас не могут „народные фронты“ и „демократы“ в республиках прийти к общему мнению о „безответственно-небрежной промётке границ“ – то где уверенность, что это общее мнение о границах вообще достижимо? Высвободившимся эмоциям не помогут плебисциты в пограничных районах, и где гарантия, что даже в регионах, веками не знавших межнациональных трений, вследствие этого не вспыхнут конфликты? Чтобы этой проблемы не возникало – не лучше ли начинать с поиска единых духовных ценностей, а не с разделения?

Таких вопросов много, а ответ о „процессе разделения“ – всего лишь в одну страничку... После прочтения статьи И. Р. Шафаревича „Можно ли ещё спасти Россию?“ («Комсомольская правда», 18. 10. 90) возникает и такой вопрос: Не уподобился ли Солженицын тем демократам, которые, как о них верно пишет Шафаревич – „ездят по стране, обещая любым областям любую независимость, – хотя решать такой вопрос мог бы только Верховный Совет или же плебисцит всей страны“?

*

В последние годы русские патриотические силы с нетерпением ждали услышать мудрый голос Солженицына, удивлялись его молчанию, недоумевали, расстраивались – особенно когда солженицынский московский уполномоченный ругал патриотов за перепечатки (и даже за

цитаты!) солженицынской публицистики. И вот долгожданный голос раздался... в «Комсомольской правде», «Литературной газете» и в «Русской мысли» – то есть только в газетах русскоязычных космополитов. Неудивительно, что некоторые эмигранты подозревают здесь диктат „из кругов жены и тёщи“ – основных советников в добровольной вермонтской изоляции писателя...

Дело, конечно, не в этом. Подобные предсказания о развале Советского Союза сегодня дают многие. Возьмём, например статью М. Сингера в американском консервативном журнале «Нэйшенэл Ревью», в которой утверждается, что в скором будущем Советский Союз распадётся на множество мелких стран, до двадцати, а то и больше. На этом фоне работа Солженицына выглядит даже сдержанно. Но есть и другой фон. Наш главный упрёк Солженицыну именно в том, что **другой формы сохранения и существования традиционной многонациональной России, отличающейся от сегодняшней, он не анализирует и не видит.**

В целом, спектр взглядов на будущее нашей страны сводится к следующим вариантам.

Первый. Устремление к либеральному, социал-демократическому идеалу. Хотя этот вариант и лучше коммунизма, вряд ли народы после семи десятков лет жизни при социализме („реальном“, „истинном“, „развитом“ и т. п.) согласятся продолжать эксперименты с тем же самым „измом“. Этот вариант устраивает прежде всего перестроившуюся номенклатуру, не желающую терять тёплые местечки. Но на этот путь, учитывая численность номенклатуры (около 20 миллионов), пойдут не более 10-15 % населения – включая тех, так ничего и не понявших, кто „не желает поступаться принципами“ по рецепту Нины Андреевой.

Второй. Демократический строй с многопартийной системой, при котором многие народы, может быть, захотят отделиться от метрополии, так как всем ненавистный коммунистический строй отождествляется с „русской тюрьмой народов“, „русской оккупацией“ (что всячески

внушается извне). Многочисленные, даже преобладающие сегодня, сторонники этого пути собираются устраивать всё „как в Америке“. Но они забывают, что Америка возникла на новой земле, где почти всё коренное население было безжалостно уничтожено и где ещё до 1864 года существовало рабство. Именно тогда, донорскими порциями наиболее предприимчивых людей из всех стран, закладывалось её материальное могущество. Из этой рабовладельческой демократии вырос искусственный конгломерат смешанных рас, в котором, при всём сытом образе жизни, тикает ещё немало социальных „бомб“... Германией же или Швейцарией даже при самых благоприятных условиях Россия не станет.

Ожидая немедленного демократического „рая“, наши народы должны будут пройти через всё то, чем была отмечена начальная стадия капитализма: беззаконные, безработицу, уголовщину, засилье международных финансистов. И даже когда жить со временем станет легче – разве для того наши предки тысячу лет создавали Россию, чтобы получить свои „Макдональдсы“, „рок-музыку“ и секты сатанистов? Уже заметны у нас и первые американские цветочки: слово „рэктэ“ появилось в Чикаго времён гангстеризма...

Мы считаем, что у каждого народа свой путь – замысленный о нём Богом. Поэтому мы, монархисты, никогда не рекомендовали американцам стать монархией. Однако, поражает самоуверенность американской советологии, навязывающей нам свой образ жизни как „единственно свободный“, „окончательный“. Мы считаем, что России более естественен её собственный путь.

Третий вариант. Это – путь монархии, которым развивалась вся наша славная тысячелетняя история. И сегодня в мире существует немало монархий: например, Англия, Швеция, Норвегия, Дания, Бельгия, Голландия, Испания – последний пример наглядно показывает возможность восстановления монархии в безболезненном процессе становления современного правового государства. Да и технологически самая развитая страна в мире, Япония – леги-

тимная монархия вот уже в продолжении 2500 лет.

Но чтобы понять масштаб этой темы в применении к России, дадим слово молодому русскому писателю В. Карпецу, который в прекрасной статье „Монархический путь: не влево и не вправо, а наверх“ («Наша страна», Буенос-Айрес, 1. 9. 90) отмечает главное, что следует знать о нашей национальной катастрофе XX века:

„Россия погибла на невидимом уровне, из-за оскудения веры и расцерковления правящих сословий, и только после омертвления внутреннего произошло крушение на уровне видимом – февральская революция, а за ней октябрьский переворот. На всех нас лежат два страшных греха – клятвопреступление и цареубийство. В 1613 году русский народ присягнул дому Романовых на *вечные времена*. Нарушение этой клятвы, этого церковного обета в феврале-марте 1917 года неизбежно обрушило на Россию всё горе и беды...“

Это постоянно подчёркивала Русская зарубежная Церковь. Один из Актов её Всезарубежного Собора (1938 г.) цитирует В. Карпец: „Русский народ в целом совершил великий грех, явившийся причиной настоящих бедствий, а именно – клятвопреступление и цареубийство. Общественные и военные вожди отказали в послушании и верности Царю ещё до его отречения, вынудив последнее от Царя, не желавшего внутреннего кровопролития, а народ явно и шумно приветствовал совершившееся, нигде громко не выразив своего несогласия с ним. В грехе цареубийства повинны не одни лишь физические исполнители, а весь народ, ликовавший по случаю свержения Царя и допустивший его унижение, арест и ссылку, оставив беззащитных в руках преступников, что уже само собою, предопределило конец“.

Поэтому, пишет В. Карпец, „Отречение Царя–Мученика от Престола 2 марта 1917 года было актом не юридическим, а мистическим – Государь отдал власть над страной Самой Царице небеси и земли, что было показано в явлении в этот день Державной иконы Божией Матери, на которой она изображена с царскими регалиями“. Нам нужно

молиться Ей, прося о помощи нашему национальному вразумлению, нашему возвращению на истинный исторический путь.

Мы не имеем права решать судьбу страны исходя из сиюминутных обстоятельств. „Народ – это не численное большинство населений в данный отрезок времени (отсюда ограниченность понятия „воля народа“), но совокупность всех живых и умерших людей данного этноса на протяжении всей его истории“, напоминает В. Карпец. И нам следует вдуматься в мироощущение, в понимание власти нашими предками, трудами и подвигами которых Россия была создана.

Монархия – не произвол диктатора, а воплощённый в главе государства символ служения замыслу Божию о нации. Монархия – не единоличное правление, она как раз даёт возможность привлечь к управлению государством самых лучших и мудрых людей – поэтому в подлинной монархии бессильны профессиональные демагоги и любые мафии. Всё решается по совести: поэтому с монархией совместима и демократия – не как мировоззренческий принцип, а как способ самоуправления на отдельных уровнях. Российская монархия имела много таких демократических структур: сельская община, земство, Дума... Тем более для многонациональной страны самое лучшее правление – монархическое, ибо в любых межнациональных конфликтах Царь будет судьей для всех: судьей беспристрастным, свободным от любых узкопартийных и узкословных интересов.

Вспомним, что при монархии национальные окраины России имели и защиту территории, и полную внутреннюю свободу. Финляндия имела свой парламент, свою валюту и даже свою армию. И в мусульманской Азии русские генерал-губернаторы чрезвычайно редко вмешивались в местные дела, разве что для обеспечения правосудия по европейским гуманным нормам. Смогут ли защитить себя от посягательств соседей отделяющиеся ныне территории? Смогут ли они защитить свои национальные традиции – от космополитической массовой культуры?

Обо всём этом почему-то мало кто пишет. Не пишет об этом и Солженицын – о том, в какую общемировую „демократию“ попадут двенадцать отделившихся республик. С ними сегодня Запад будет обращаться не так, как когда-то обращались русские в своей Империи, принявшие их под своё покровительство (Грузию, Армению и т. д.). Ведь условия нагнетаемой ныне повсеместно демократии обеспечивают полное раздолье для международных банков и монополий, для контролируемой ими мировой прессы, которая правит через манипуляцию „общественным мнением“ (см. на эту тему глубокую и актуальнейшую статью И. Р. Шафаревича „Шестая монархия“ в «Нашем современнике» № 8, 1990). Эту мировую силу по её вездесущей мощи можно, действительно, назвать „монархией“ – но с обратным духовным знаком, ибо эти невидимые „монархи“ служат своим целям, а не Божьим.

Не между этими ли двумя „монархиями“ – Божьей и „князя мира сего“ – лежит сегодня выбор у всех народов СССР? И не логичнее ли всем держаться вместе в этой угрожающей ситуации, сохранять сложившиеся связи, вместе выходить из кризиса?

У тех, кто сделает выбор в пользу „шестой монархии“ – судьба будет незавидна. Чем меньше страна – тем легче ей превратиться в инструмент иностранных влиятельных сил. Не исключено, что „освободившимся“ республикам – в согласии с американским законом 86-90 – кто-то подкажет предъявить России многомиллиардные счета: и за „вековую эксплуатацию“, и за „русский коммунизм“, и за „бакинскую нефть“. К тому же, пример заразителен: поощряемые извне, отделятся уже не только Украина и Белоруссия, но обнаружится где-нибудь и тот самый „Идель-Урал“. Будут предъявлены претензии за „якутские алмазы“, „сибирские богатства“, „казахскую целину“... Подобные нотки (например, о „деколонизации Сибири“) уже начинают звучать не только по Радио Свобода, но и в СССР.

...После Первой мировой войны бывшие союзницы России, страны Антанты, ликовали по поводу её долгожданного распада. Сегодня те же круги тоже ликуют по той же причине. Как и следовало ожидать, Солженицына похвалили за эту статью даже некоторые из тех, кто раньше его критиковал. Правда, было несколько требований от „упертых“ украинских националистов – тем всё ещё кажется, что писатель недостаточно изрезал карту России. И, конечно, Радио Свобода посетовало, что Солженицын ничего не сказал о самом главном: о евреях. У кого что болит...

Но нельзя не отметить, что в русских патриотических кругах, в среде писателей, душа которых болит за происходящее в России, работа Солженицына была встречена молчанием. И это молчание тоже о чём-то говорит. Оно и побудило нас написать эту статью – пусть тоже небесспорную, может быть даже излишне заостренную – но искреннюю.

Мы всегда защищали А. Солженицына от клеветы русофобов. Но, по-видимому, не особенно задумывались о его мировоззрении. Теперь, исправляя ошибку, „защитим“ его от Горбачева, который заявил, что ему чужды взгляды Солженицына, потому что „он весь в прошлом“, а „прошлая Россия, монархия – для меня это неприемлемо“. Согласимся с И. Виноградовым: „тут уж остаётся только руками развести. Ну откуда, в самом деле, из каких строк солженицынской работы следует, что её автор ратует за возвращение России в прошлое, к монархии?“ («Московские новости» № 40, 1990). В этом абзаце Виноградов совершенно прав.

Можно в этой связи вспомнить и то, что Солженицын предлагал город, построенный Петром, переименовать из Ленинграда в Новоград. Впрочем, трудно сказать, чего здесь больше не хватает: мировоззрения или вкуса...

Солженицыну повезло, что в 1960 - 1970-е годы его произведения и его талант оказались нужны Западу для

тогдашней конъюнктурной политики, для обработки общественного мнения против коммунистической угрозы. Потом, когда наступил зарубежный период солженицынской публицистики – его яркие отповеди „нашим плюралистам“ и русофобам, его Гарвардская речь, критика западного русскоязычного радиовещания – соответственно наступил и период нападок и даже клеветы.

После работы „Как нам обустроить Россию?“ – у этой прессы, кажется, есть все основания простить А. Солженицына. А у русских монархистов – основания вспомнить изречение: не сотвори себе кумира.

Поэтому мы считаем, что великая страна должна остаться **великой и неделимой Россией**. Всем народам нужно дать полную свободу и суверенитет, но в рамках единой империи. И русский народ, как самый многочисленный, должен в своём государстве играть ту ведущую и ответственную роль, которую он, увы, в последние 70 лет не играет.

Мюнхен, ноябрь 1990 г.

**Письма в Московскую редакцию «Вече»
направлять по адресу:
119504 Москва, Веерная ул., д. 40, корп. 1, кв. 174
Тростникову Виктору Николаевичу
(Тел. 442 07 16)
Подписку на «Вече» в СССР
следует оформлять по этому адресу.**

От редакции «ВЕЧЕ»

Многие из наших соотечественников из России, совершающих зарубежные поездки, обращаются к нам с просьбами снабдить их альманахом «Вече». Просят как старые, так и новые выпуски для себя, своих родственников, друзей и знакомых на родине. Почти все остатки предыдущих тиражей «Вече» нами уже розданы. Для репринтов старых тиражей средств у нас нет.

Обращаемся к нашим зарубежным подписчикам с просьбой помочь нам. Если Вы не собираете альманахи «Вече», присылайте ненужные Вам экземпляры для передачи соотечественникам из России по адресу:

V. Dreving,
Gumbinnenstr. 8, 8000 München 81, Germany.

Обращаемся также к подписчикам и друзьям «Вече» с настоятельной просьбой о поддержке посильными пожертвованиями, ставшими необходимыми для увеличения тиража альманаха, большое количество экземпляров которого раздаётся бесплатно соотечественникам. Напоминаем, что «Вече» не имеет абсолютно никакой финансовой поддержки со стороны каких-либо официальных инстанций или фондов, в течение 10 лет существует на основе самокупаемости, то есть на средства подписчиков и отдельных частных жертвователей, а так же за счёт вкладываемого в него огромного бесплатного труда русских патриотов.

О чём нам рассказал А. И. Солженицын

О том, как построить справедливое общество нас учат социологи, экономисты, философы, политики, военные, писатели и экологи. И каждый из них в чём-то прав, потому что каждый из них рассматривает общество с позиций своих, я бы сказал, профессиональных ценностей. И именно поэтому нельзя с одинаковыми мерками подходить к тем предложениям, которые сыпятся на нас по поводу обустройства общества. И тем более нельзя оценивать предложения политика с точки зрения философа или эколога. Но именно этим мы занимаемся, когда ругаем политика за то, что он не учёл в своих политических расчётах, скажем, право наций на самоопределение, или ругаем военного, который испытывая атомную бомбу, не заботится о чистоте окружающей среды.

Мне кажется, именно писатель, среди всех общественных обустройщиков заслуживает, наибольшего доверия, ибо он, с его целостным восприятием мира, с методом познания, который А. И. Солженицын назвал „опытом художественного исследования“, видит общество лучше, чем люди с обыкновенным зрением. Мы живём в такое время, когда людей убеждают наука и логика, но не литература и искусство. В наш просвещённый век чувства потеряли доверие к себе, а вместе с этим, искусство, как средство познания, потеряло своё значение. Уже давно философы не изучают писателей, музыкантов и художников. Всё своё внимание они сосредоточили на учёных, за которыми осталось последнее слово. Кажется, что после Достоевского и Толстого закончилась эра той философии, где художественное дарова-

ние, интуиция и чувственное восприятие мира иногда говорили больше, чем Платон и Аристотель.

Но вот, во мраке ГУЛАГа родился ещё один великий русский, и пришёл рассказать нам о том, чего сами мы не увидели.

Нет никакого сомнения в том, что у Солженицына религиозное мировоззрение, но этим ещё не всё сказано. Его мировоззрение является полным, или целостным, и это не только самое главное в его творчестве, не только самое важное для нашего времени, но и ключ ко всем его публичным выступлениям. Дело в том, что религиозное мировоззрение может иметь не только верующий человек, но и тот, кто философски осмыслил ограниченность человеческого разума, или понял общественную полезность религии и связал мораль с верой в Бога. Но это ещё не подлинная вера. Для истинной веры нужен живой контакт с Богом, и именно этот контакт открывает у человека второе зрение, с помощью которого он видит гармонию мира.

Солженицына считают русским националистом. И это не только верно, не только хорошо, но и непосредственно вытекает из его особого восприятия мира. Духовная жизнь есть некая бесконечная целостность, и она относится не только к настоящему, но и к прошлому. Для жизни духовной прошлое есть реальность и эта реальность проявляется не в пространстве, а в духовном времени, в духовной протяжённости, в которой нет строгих границ между прошлым, настоящим и будущим. Для духовного времени Бергсон употребляет термин „протяжённость“. Именно на этой протяжённости, в духовном измерении времени не может Солженицын, с его целостным восприятием, где нет границ между прошлым, настоящим и будущим России, не быть националистом. Эти границы, впрочем, как и все границы, создаёт нам наш ограниченный разум, который в силу своей ограниченности, создаёт зоны своего влияния.

„Кто знает, – говорит Еврипид, – может быть смерть – это жизнь, а жизнь – это смерть“. Эту странную мысль

повторяет Сократ. Что это за непонятная логика? Каждый человек умеет чётко различать жизнь от смерти, а для мудрейших Платона, Еврипида и Сократа разница между смертью и жизнью – загадка. В этом вопросе они путаются и никак не могут обнаружить границу между жизнью и смертью, которую с такой легкостью отыскивает логика. Не значит ли это, что существует второе зрение, второй слух и седьмое чувство, которые странным образом ослепляют мудрецов и они не видят границ, но видят только безграничное целое?

О своём втором зрении Солженицын рассказывает так: „Считалось веками: для того и дан преступнику срок, чтобы весь этот срок он думал над своим преступлением, терзался, раскаивался и постепенно бы исправлялся... Нет, ты не только не раскаиваешься, но чистая совесть как горное озеро светит из твоих глаз. (И глаза твои, очищенные страданием, безошибочно видят всякую муть в других глазах, например безошибочно различают стукачей. Этого видения глазами правды за нами не знают ЧКГБ – это наше „секретное оружие“ – в этом плошаёт перед нами ГБ)“. („Архипелаг ГУЛАГ“, т. 3-4. УМСА Press, 1974, с. 586).

„Так было у многих, не у одного меня. Наше первое тюремное небо – были чёрные клубящиеся тучи и чёрные столбы извержений, это было небо Помпеи, небо Судного дня, потому что арестован был не ктонибудь, а Я – средоточение этого мира. Наше последнее тюремное небо было бездонно-высокое, бездонно-ясное, даже к белому от голубого“ (там же, с. 589).

„Другой – знает над собой силу высшую и радостно работает маленьким подмастерьем под небом Бога, хотя ещё строже его ответственность за всё написанное, нарисованное, за воспринимающие души. Зато: не им этот мир создан, не им управляется, нет сомнения в его основах, художнику дано лишь острее других ощутить гармонию мира, красоту и безобразие человеческого вклада в него – и остро передать это людям. И в неудачах, и даже на дне существования – в нищете, в тюрьме, в болезнях, – ощущение устойчивой гармонии не может покинуть его“.

(„Нобелевская Лекция“).

Таким образом, перед нами художник, которого не покидает ощущение устойчивой гармонии мира, который знает над собой силу высшую, который радостно работает маленьким подмастерьем под Богом и который своими, очищенными страданием, глазами видит мир в целостности своей.

Так что же увидел и о чём нам рассказал Солженицын по поводу обустройства России? Однако, давайте сначала осознаем, что мы сами увидели нашими обыкновенными глазами в российских межнациональных отношениях?

Так уж принято в публицистической литературе, что рассмотрение национального вопроса ограничивается борьбой малых народов за их национальные права. Такое ограничение психологически понятно, потому что только эта борьба способна вызвать острые эмоции, только она кажется справедливой, и поэтому именно она привлекает внимание политиков и всего общества.

Но для понимания национальных конфликтов и сущности национального вопроса это ограничение даёт только отрицательные результаты. Мы не можем требовать признания за каждой нацией права на самостоятельное государство, совершенно не считаясь с ущербом, какой из-за этого понесёт другая нация.

*

Идея признания за каждой нацией права на государственность получила широкое распространение в 1848 году, когда во главе национального движения шла Италия, руководимая Мадзини и Гарибальди. Идеологом движения был Мадзини, который считал, что все государства Европы, после их переустройства на этнической основе, должны быть объединены в федеративный союз. Это движение носило государственный и объединяющий характер! Такой же характер имели национальные движения в Германии и Польше.

В этих странах носителями национального движения

были не этнические меньшинства, а государственные нации с богатым историческим прошлым. На этой почве идеи Мадзини имели крупнейшее положительное значение. Но абсолютная форма, в которой они были выражены, привела к тому, что идея политического самоопределения была распространена и на этнические меньшинства, не имевшие исторического прошлого и государственного воспитания. В этой среде идеи Мадзини должны были иметь не объединяющее, а разлагающее влияние. В самой Италии их последовательное применение привело бы к распаду единства Италии, ибо разница между неаполитанцами и флорентийцами не меньшая нежели между русскими и украинцами. Столь же различны баварцы и пруссаки, австрийцы и тирольцы.

В самой Италии были общественные деятели, в частности известный государствовед Блюнчли, которые не были согласны с концепцией национального государства, считая, что на образование и развитие государства влияют различные факторы, лишь одним из которых является национальность. Основой государственного строительства они считали не нацию, а общество. В России идеи Мадзини разделял А. Градовский, который в 1873 году в своём труде „Национальный вопрос в истории и литературе“ писал: „Народность есть нормальное, естественное основание государства. Назначение государства ближайшим образом определяется всесторонними целями народной культуры, следовательно, государство, в тесном смысле, есть не что иное, как политико-юридическая форма народности. Поэтому каждая народность, то есть совокупность лиц, связанных единством происхождения, языка, цивилизации и исторического прошлого имеет право образовать особую политическую единицу, то есть государство“.

Дальнейшее развитие идея национального самоопределения в русской политической литературе получила у М. Грушевского. Только право каждой нации на обособление в самостоятельное государство он, как практический политик, заменил более мягким требованием

территориально-национальной автономии, которая, как показал опыт Австро-Венгрии, фатально привела, при первом же политическом кризисе, к распаду многонационального государства на составные национальные части. По мнению Грушевского, решительно все народности, населяющие Россию, должны получить территориально-национальную автономию, ибо нет никаких разумных и справедливых оснований делать выбор между народностями, требовать от них какой-либо культурной или исторической метрики. Общественные деятели подобного толка исходили из факта наличия в их стране национального вопроса и национального движения, и строили планы максимального удовлетворения национальных требований, считая каждую национальность в её бытии независимой величиной, принципиально равноправной всем другим национальностям, независимо от достигнутого ею уровня политического, экономического и культурного развития, и имеющей одинаковые с другими право на национальное самоопределение.

Интересно отметить, что принцип самоопределения народов не фигурировал в пакте Лиги Наций. Тогда по этому поводу высказались две комиссии. Одна из них пришла к следующему выводу: „В нормальное время, право распоряжаться национальной территорией есть атрибут суверенитета каждого окончательно образовавшегося государства, поэтому право на отделение от государства известной части его населения не принадлежит ни этой части, ни какому-либо другому государству. От этого общего правила можно отступить только для переходящих эпох. В такие смутные эпохи, создание новых или преобразование старых государств затрагивает интересы всего международного общества, которое может признать право на самоопределение. Но и в таких случаях это право не применяется однообразно. Не следует терять из виду, что даже если предоставить принципу самоопределения преобладающее значение среди всех принципов, влияющих на образование государств, всё же соображения географического, экономического и другого характера

могут помешать его всеобщему признанию“.

Другая комиссия, в полном согласии с первой, заявила:

„Право самоопределения народов есть начало справедливости и свободы, выраженное в неопределённой и общей формуле. Возможно ли провозгласить как абсолютное правило, чтобы меньшинство населения государства имело право отделения от него с целью присоединения к другому государству или же объявления своей независимости? Ответ может быть только отрицательным. Признание за национальными меньшинствами права выхода из общины, которой они принадлежат, потому только, что такова их воля или доброе желание, было бы равносильно уничтожению внутреннего порядка и устоев государства и введению начала анархии в международную жизнь. Это равносильно было бы защите теории, несовместимой с самой идеей государства, как единицы территориальной и политической. Справедливо, чтобы уважались вековые традиции, культура и религия национальных меньшинств. Но по каким причинам следовало бы позволять меньшинству отделяться от государства, с которым оно связано, если это государство представляет те гарантии, которые меньшинство вправе требовать для сохранения своего социального, этнического или религиозного характера? Такое разрешение, помимо всяких политических соображений, явилось бы в высшей степени несправедливым по отношению к государству, расположенному идти на уступки“.

Президент США Вильсон, выставивший принцип самоопределения в его абсолютной форме 27 мая 1916 года, очень скоро от него отказался, признав уже в своей известной речи 22 января 1917 года за всеми народами только право на известный минимум культурной и социальной самостоятельности.

За двадцатилетний период между войнами стало ясно, что Лига Наций не была в состоянии ни принудить народы и государства к миру, ни сохранить его, и что по своей воле национальные государства не собираются отказываться от своего суверенитета. Уже после Второй мировой

войны ООН приняла резолюцию о самоопределении, но ни одно государство-член ООН не подчинилось этой резолюции. Ирландцы в Англии, баски в Испании, палестинцы в Израиле, албанцы в Югославии, турки в Болгарии, курды в Турции, венгры в Румынии, французы в Канаде и многие другие мечтают о самоопределении, но им никто не даёт самоопределяться, ибо демократия, в основном, нравственная, а не политическая категория.

И именно с нравственных позиций подходит Солженицын к национальному вопросу и к проблеме обустройства России, в своей статье. Нравственная позиция ищет нравственные основы обустройства общества, и эта позиция ничего общего не имеет с политической позицией, которая, как правило, безнравственна.

Следовательно, уж если критиковать Солженицына за его статью, то это следует делать исключительно с нравственных позиций. Можно не соглашаться с его интуитивным видением, но нельзя не согласиться с тем, что с помощью интуиции человек воспринимает систему или явление в целом, он получает знание об образе явления или вещи.

Такие понятия, как справедливость, душа, ненависть, любовь, красота, Бог могут быть познаны только через интуитивное знание. Эти истины нельзя раскладывать на составные части, как это делает наука, и изучать их через изучение составных частей. Будучи разложенными, эти категории теряют свою сущность, они просто перестают существовать в своем прежнем виде. В отличие от интуитивного знания, логика пытается познать целое, как функцию составляющих его частей. Для неё динамика складывается из статических картин, подобно движению на киноленте. А интуитивное знание, согласно Бергсону, улавливает душу в процессе творчества. И поэтому логические знания несравненно беднее живого интуитивного знания. Логика искажает действительность, но это искажение полезно, поскольку она даёт нам схему окружающего мира. В этом смысле логика является служанкой наших потребностей и позволяет управлять

природой. Разделяй, чтобы властвовать – это и есть принцип логики. В отличие от неё, интуиция не преследует никаких практических целей, она объективна и проявляется через нашу любовь к знаниям. Логика рассуждает о мире, но понять его никогда не способна, ибо это выше её возможностей. Для интуиции же открыты все двери знаний, но она, к сожалению, никогда не рассуждает об этом. Логика сделала много попыток объяснить целостность через её части, но все эти попытки кончились неудачей в науке и катастрофами в общественной жизни.

Солженицын хочет избежать этих катастроф, поэтому начинает „не со сверлящих язв, но с ответа на вопрос: а как будет с нациями? в каких географических границах мы будем лечиться или умирать“. И отвечая на этот вопрос, он приходит к самому главному выводу о том, что **субъектами права являются не территории, а нации**. И если надо обустроить общество на основе договора, то этот договор нужно заключать не между территориальными образованиями, а между нациями, которые проживают на той или иной территории, и эти территории ровно столько принадлежат нации, сколько на них проживает сама нация. Все мы когда-то, откуда-то пришли на места нашего сегодняшнего проживания, но эти территории всегда были и остаются временными. Они принадлежат нам лишь до тех пор, пока мы на них живём. Между тем нация является коллективной личностью, субъектом права, и до тех пор, пока она существует, её права должны защищаться точно так же, как права личности. И правом этим обладают все нации, независимо от её размера, исторического прошлого или географического положения. Нет никаких других исторических прав на территорию и землю. Земля принадлежит тому, кто её обрабатывает.

Как ни странно, но то, что ищет Солженицын в обустройстве России, то есть методы создания новой формы федерации, фактически уже давно осуществлены, казалось бы в самой космополитичной стране, в США. До образования США все федерации мыслились в форме со-

юзного государства, центральная власть которого управляет главным образом внешними отношениями страны, а поскольку вмешивается в минимальных размерах в её внутренние дела, то делает это через посредство местных властей. Опыт, однако, показал, что подобная организация федерации является совершенно неудовлетворительной и современные федеральные государства, США и Швейцария, например, организованы на совершенно иных основаниях. Токвиль, в своём известном описании „Демократии в Америке“ указал, что принципы американской федерации глубоко отличны от строения всех федераций, известных в истории. Он считает это нововведение „большим открытием в политической науке“. „Во всех федерациях, – говорит он, – предшествовавших американской федерации 1789 г., заключавшие союз народы соглашались подчиняться приказам федерального правительства, но сохраняли за собой право распоряжаться на своих территориях приведением в исполнение законов союза и его контролировать. Американские государства, заключившие союз в 1789 году, согласились не только на то, чтобы федеральное правительство предписывало им законы, но и на то, чтобы оно само распоряжалось приведением в исполнение своих законодательных постановлений. В обоих случаях право одно и то же, различно лишь приведение его в исполнение. Но это различие приводит к колоссальным следствиям. Во всех федерациях, предшествовавших американскому союзу, федеральное правительство, чтобы достигнуть своих целей, должно было обращаться к местным правительствам. Если предписанная мера не нравилась одному из них, это последнее всегда могло уклониться от подчинения. В Америке союз управляет не государствами, а гражданами. Когда он хочет ввести новый налог, он обращается не к правительству Массачусетса, а к каждому жителю Массачусетса. Прежние федеральные правительства имели дело с народами, а американское правительство имеет дело с индивидуумами“.

Дальнейшее развитие эта мысль получила у Дж.

Ст. Милля в его книге „О представительном правлении“. По мнению Милля, существуют два различных способа организации федеративного союза. Федеративная власть может представлять только правительства, и её распоряжения могут быть обязательными только для правительств как таковых. Но может быть и так, что федеральная власть получает право давать распоряжения, обязательные непосредственно для всех граждан страны. Именно по этому, второму пути, пошли США. Федеральный Конгресс Американского Союза является существенной частью правительства каждого отдельного Штата. В пределах своих полномочий он издаёт законы, которым повинуются каждый гражданин индивидуально, и проводит их в жизнь через своих чиновников и свои суды. Таков единственный принцип, до сих пор найденный, на котором можно построить действительно федеральное правительство. Союз между правительствами представляет собой попросту союз между самостоятельными государствами, подпадающий под действие всех тех случайностей, которые делают все подобные союзы мало надёжными. Если бы распоряжения президента и Конгресса были обязательны только для правительства Нью-Йорка, Виргинии или Пенсильвании, и могли бы быть приведены в исполнение только по указаниям, данным этими правительствами, ни одно распоряжение федерального правительства, которое было бы неприятно местному большинству, не было бы приведено в исполнение.

Но чтобы федеральное правительство свои решения осуществляло через граждан, а не через территориальные правительства, эти граждане должны быть в чём-то единомышленниками, у них должно быть нечто общее и совместные интересы выше, чем на уровне экономики и удобной совместной жизни. Их общность должна быть естественной, созданной на основе общности исторической судьбы. Это общность религии, традиций, истории, культуры, характеров и, самое главное, общность жизненных ценностей. Всё это и есть общность национальная. И совсем не важно, чтобы такая общность уже

существовала. Достаточно, чтобы она потенциально была возможной. Известны кровавые войны между различными германскими народами, но именно тот факт, что все они всё-таки были германцами, привело их в одну национальную семью.

Так в чём же мы можем обвинить Солженицына, если он для управляемости общества, в частности будущей России, предлагает создавать её из граждан с естественной общностью, у которых не будет естественных противоречий, какие неизбежны между армянами и азербайджанцами, албанцами и словаками, русскими и узбеками, греками и турками. Из таких народов построить общее государственное образование можно лишь путём принуждения и насилия. Ведь если к предложению „обустройства“ подойти с чисто политических и демократических позиций, то почему бы не радоваться нам: трём прибалтийским республикам, трём закавказским, четырём среднеазиатским, да и Молдове, что нам предписано непереносимое и бесповоротное отделение. Протестовать тут могут лишь украинцы, белорусы да казахи. Но почему-то протестующих больше.

Солженицын категорически обрушивается на имперскую психологию и имперскую структуру России и пытается найти естественных партнёров русского народа, совместная государственная жизнь с которыми будет очень далека от империи, поскольку русский, украинский и белорусский народы имеют одинаковые национальные корни и, во-вторых, сама структура нового славянского государства исключит насилие одной славянской группы над другой. Именно так обстоит дело в Германии, где пруссаки не притесняют баварцев и швабов. Затем, отказавшись от территориального договора и права, Солженицын считает, что та часть территории Казахстана, где практически не живут казахи, также должна быть включена в состав нового славянского государства.

Таким образом, протестовать против „обустройства России“ могут украинцы и белорусы, объявив, что они ничего общего с русскими не имеют и жить с ними сов-

местно не собираются, а также казахи, которые всю территорию огромного Казахстана считают принадлежащей казахам и не собираются её никому отдавать. Вне этих протестов, критика в адрес Солженицына не очень понятна.

Создаётся такое впечатление, что большинство критиков Солженицына хотели бы видеть Россию настолько раздробленной, что можно было бы сказать о прекращении её существования. Предложение Солженицына кажется им формой спасения России, которую они хотели бы видеть полностью поверженной.

Что же касается естественных протестов, то протесты казахов наиболее понятны, но и они не очень обоснованы.

Вот народный депутат Казахстана Камал Смаилов в «Казахстанской правде» 30 сентября пишет: „Действительно, начиная с военных лет Казахстан интенсивно начал заполняться переселенцами из других краёв. С начала войны он принял более полутора миллионов человек из западных районов страны. Сюда стали насильно переселять немцев, чеченцев, ингушей, курдов, греков. Потом на освоение целины прибыло около миллиона. После таких демографических вторжений, казахи действительно в своём родном крае оказались в меньшинстве. Об этом говорил и Айтматов: есть ли в этом вина казахского народа?“.

Вины казахского народа в этом нет. Но не виноваты и те, кого переселяли в Казахстан. Проблему должны решать все вместе на основе этнической, а не исторической. Смаилов от имени народов Казахстана заявляет следующее: „А что касается нас, казахов, русских, всех живущих в Казахстане, мы не будем делить родную землю по „дуге“. Нам вместе жить, вместе делать большую и трудную работу, чтобы сделать достойным бытие человека“.

Весьма сомнительно, что так же думают и русские, проживающие в Казахстане. Но если я ошибаюсь, и русские действительно не собираются делить „родную“ землю, то и проблемы нет никакой. Не станет же Солже-

ницын насильно тянуть в новую Россию русских Казахстана, если сами русские того не пожелают. А если пожелают, то сами и решат судьбу земли, на которой живут.

То же самое относится к украинцам и белорусам. Солженицын лишь призывает их к совместной государственной жизни, но народам этим самим решать свою судьбу. Это они должны услышать или не услышать слово Солженицына о том, что „мы все вместе истекли из драгоценного Киева, „откуда русская земля стала и есть“, по летописи Нестора, откуда и засветило нам христианство“. Это украинцы должны согласиться или не согласиться с идеей, что „сегодня отделить Украину – значит резать через миллионы семей и людей“. Но зачем же нам напоминать об этом, если сам Солженицын в своём „слове“ сказал: „Конечно, если бы украинский народ действительно пожелал отделиться – никто не посмеет удержать его силой“.

Так о чём же шумят критики Солженицына? Признаться, прочитав и перечитав множество статей, направленных против „обустройства“, я так и не понял, чего хотели авторы статей этих. Похоже, они считают, что поскольку А. И. Солженицын – русский националист, его следует ругать по любому поводу.

Размышления по поводу спора Б. Олейника с А. Солженицыным

Слушая выступление депутата Б. И. Олейника в Верховном Совете СССР по поводу последней статьи А. И. Солженицына, я вспомнил библейскую историю о строителях Вавилонской башни, о том как они по воле Бога перестали понимать друг друга. Если Бог „смешал наречия и языки“ один раз за всю историю человечества, то дьявол делает такое несколько раз в каждое столетие и с совершенно иными намерениями. Достаточно зарядить людей „классовым сознанием“, взаимной ненавистью, чувством национального превосходства и презрением к людям другого племени – и они перестают понимать смысл слов своих собеседников, они лишаются умения распознавать в речевых понятиях их объективную суть. Все речевые понятия становятся лишь магическими штампами, усиливающими ненависть к „чужим“, увеличивающими „авторитет“ „своих“. Если собеседник уже заранее исключен из круга „своих“, то можно уже не вникать в смысл его слов, уже смаху всё сказанное им воспринимается как нечто вредное, агрессивное, обижающее, оскорбляющее... Олейник от имени всех украинцев утверждал, что Солженицын обидел их. Но если бы нас, русских, так обижали, мы были бы благодарны обидчикам и считали бы их лучшими друзьями! Ведь Солженицын не только не хотел обидеть украинцев, но и ни одним словом не нанёс им обиды. Если по-настоящему вникнуть в истинный, объективный смысл слов, то выступление Олейника было куда более националистическим, чем

мысли Солженицына! Но сегодня в национальном вопросе, кажется, уже никто не способен к трезвому анализу и беспристрастному восприятию чужих мыслей и слов.

Обратимся к некоторым конкретным фактам. Я бы согласился с Олейником в том, что „Москва построена украинским князем“, если бы он добавил, что сам этот князь и не подозревал о существовании Украины, как географического или этнического понятия, а считал себя русским и был готов умереть за Русь. Не считающему себя русским Олейнику, всё-таки следовало бы признать, что в течение тысячи лет Русь – Россия были общими названиями Родины всех трёх братских народов. Когда-то Гоголь чётко определил своё этническое самосознание: он был русским, не переставая быть украинцем (малороссом). Ни один из честных исследователей прошлого не станет отрицать, что именно такое этническое самоопределение было типично для малороссов в прошлом.

Почти все выдающиеся представители украинского народа осознавали себя и русскими: Хмельницкий, Сковорода, Феофан Прокопович, Костомаров, Глинка, Вернадский и т.д. В некотором роде и Достоевский, один из самых ярких выразителей русского сознания был украинцем и белорусом (предки его из села Достоево, – селения на границе украинских и белорусских земель). Можно было бы вспомнить и многих славных представителей рода Данилевских, так же внесших большой вклад в русскую историю и в организацию русского этнического сознания.

Вся русская культура в своих высших проявлениях мирового порядка в литературе, живописи, музыке не есть собственно культура „москалей“ – это общее свершение великоросов, малороссов и белоруссов, вошедшее в сокровищницу мира под общим именем русской культуры. Оплёвывать эту культуру, отказываться от неё – это всё равно, что плевать в лицо матери.

Если смотреть на этническое самоопределение с точки зрения „расовой чистоты“, придётся признать, что сегодня „чистых“ русских нет. Нет и „чистых украинцев“ (воз-

можно, кроме Олейника, Драча, Рябошапко, Коротича и ещё дюжины „не разбавленных“). Почти каждый из русских, покопавшись, найдёт в себе и украинскую кровь, а каждый белорус и украинец – русскую. На протяжении всей моей, уже сравнительно долгой жизни, русские, украинцы, белорусы, выращивавшие рожь и пшеницу, работавшие на заводах, служившие в армии, никогда не ощущали никакой этнической разницы между собой – только сегодня эта новая „классовая ненависть“, но уже в неклассовой окраске, навязывается нам. Когда-то отравители народа классово-национальной ненавистью хорошо понимали, что такое „сознание“ не может само-по-себе возникнуть в недрах народа, что его надо обязательно внести со стороны. Вот так же нам внедряют **со стороны** силовым давлением и новую этническую рознь. То есть, – это снова заражение, насильственное отравление и внушение ненависти простым людям.

Поговорим вообще о диалектике этнического сознания. Сейчас, в дни нового Смутного времени и общего распада всех форм существования на Восточно-Европейской равнине искажается само этническое сознание, в умы внедряется весьма плоское понимание его. Сегодня зачастую „этническое сознание“ определяется географией, границей, проведенной на карте ещё Сталиным. Фактически этническое сознание подменяется особым „суверенитетом“ местной номенклатуры, часто весьма тесно связанной с экономической мафией. Под „суверенитетом“ понимают лишь право местной номенклатуры быть бесконтрольными, никому не подотчётными хозяевами „национальных территорий“. Этническое сознание сводится к лозунгам типа: „Если ты литовец, ты должен голосовать за Ландсбергиса“ (хотя этот Ландсбергис, так рьяно отстаивающий „чистоту“ литовского этноса, судя по фамилии, вроде бы и не такой уж „чистый“ литовец). Из этнического сознания изымаются насильственно всякие элементы стремления к интеграции, удаляется всякое имманентно присущее этническому сознанию тяготение включиться в суперэтнос. Сама идея „суперэтноса“ или

отрицается, или же замалчивается, хотя именно силой суперэтнуса держались в прошлом все крупные державы; именно этой силой держатся и сегодня такие государства как Англия, Франция, Испания и т. д. Если бы баварцы жили сегодня на территории СССР, то им бы денно и ночью доказывали, внушали через газеты и телевидение, что, будучи баварцами, они не могут считать себя немцами; что если они „цивилизованные“, то они немедленно должны завести свою армию, своё ГБ и свой дипломатический корпус за границей.

Любой вид ассимиляции сегодня в СССР рассматривается как преступление, даже смешанные браки находятся под прессом психологического террора. Хотя каждому здраво мыслящему человеку известно, что процессы ассимиляции, так же, как и процессы распада крупных наций на дочерние, шли в этом мире вечно со времён Адама, что в самом процессе ассимиляции ничего неестественного нет: преступлением бывает лишь та ассимиляция, которая вызывается террором, принуждением, геноцидом, особыми экономическими, кадровыми и культурными мерами, подобными тем, которые ныне практикуются по отношению к русским, украинцам и белорусам в Прибалтике, или же Молдавии. Впрочем, не меньшим преступлением является и неестественное разложение народа, насильственный запрет ассимиляции и смешанных браков, неестественное разложение государства средствами массовой информации. В нормальных условиях развития, человек не вмешивается в процессы своего дыхания или кровообращения. Так же обстоит дело и с человечеством: есть процессы, которые должны идти сами-по-себе, вмешательство в которые есть нарушение прав человека. Здесь силовое вмешательство монопольных средств информации не менее страшно, чем воздействие Сталина на этнопроцессы, чем его террористические приёмы решения „этнических вопросов“. Есть вещи, которым не следует учить человека: как ему дышать, как жить с женой, как крестьянину косить траву, как крестьянке доить корову, на ком жениться молодому парню и т. д.

Вот так же ранимы и тонки процессы этнического сознания, процессы ассимиляции и распада наций.

Сейчас мощно оплёвывается всеми средствами массовой информации так называемое „имперское сознание“: оно приравнивается к полнейшему примитивизму мышления, к черносотенному шовинизму, чуть ли не к людоедству... В действительности же, как всё в этом мире, „имперское сознание“ может быть разным по знаку. Я не буду касаться этого понятия во всех его частностях – это уже тема особой статьи. В тесной связи с начатым мной разговором я упомяну только две частные формулы „имперского сознания“ в двух разных, противоположных друг другу вариантах:

1. Вы такие же, как и мы: между нами нет разницы, вы должны пользоваться такими же правами в государстве и его учреждениях, как и мы;

2. Вы совсем не такие, как мы: мы никогда не позволим вам стать такими же как мы. Даже если отец вашего юноши принадлежит к нашему племени, мы не будем считать этого юношу своим и не позволим ему пользоваться в нашем государстве всеми теми правами, которыми пользуемся мы. Вы никогда не станете равноправными гражданами в этом государстве. Ваш удел – или выехать или быть постепенно уничтоженными.

Вот две формулы „имперского сознания“. Разве это не разные варианты? Только слепой не может увидеть разницу между ними. Так почему же сегодня объявляют преступниками именно тех, кто исповедовал и исповедует первую формулу, кто не трактует расистски понятие „коренное население“? Или же, всё-таки какие-то тайные центры штампуют общественное мнение в мире, вопреки тысячелетнему опыту стремятся и русских сделать зоологическими шовинистами? Если у матери три сына, то имеет ли право сын, живущий в некотором отдалении от матери, ненавидеть мать только за то, что она говорит ему: „Ты тоже наш“, ничего не требуя взамен?

В наше время стало модным хвататься за „арийские корни“ и приписывать „арийскую чистоту происхожде-

ния“ именно своим предкам. Впрочем, такой приём использовался и раньше: так когда-то польские националисты исключали русских даже из состава славян, считая их сарматами. Они ещё не знали тогда, что слова – сарматы, хазары, славяне, русские, царские (сарские), скифы – это в какой-то мере и синонимы, что весь этот ряд слов порождён идеей уподобления-противопоставления, что эти слова начинали своё развитие из почти одинакового смысла? Сегодня некоторые украинские экстремисты заявляют, что русские вообще не славяне, а финны. В свою очередь эстонские шовинисты уже не признают нас и финнами, выдают нас за татар. Вся эта „мудрость“ обусловлена просто кичливым невежеством.

Украинские националисты, избавляясь от своего древнего имени Русь, заменяя его на географический этноним – Украина – в какой-то мере отказываются от древних корней, так воспеваемых ими в других направлениях. В споре о „чистоте“ арийских и славянских истоков можно прийти к любым абсурдным выводам, в том числе и к прямо противоположным тем, которые исповедуют Олейник и его единомышленники.

При трезвом исследовании вопроса непонятно, в чем нашёл Олейник шовинистические грехи у Солженицына в его статье? В том, что Солженицын сам в какой-то мере украинец? В том, что он считает, что русские, украинцы и белорусы – это если и не одна нация, то хотя бы один суперэтнос? Суперэтнос, сотворивший в течение тысячелетия общую культуру и общее государство? Солженицын шовинист, потому что он не считает украинцев и белорусов **инородцами**? Но ведь, если бы он назвал их инородцами, то, во-первых, это была бы неправда, а, во-вторых, ему было бы тогда уже не отмыться с другой стороны. Ведь шовинизм-то был бы как раз в том, если бы Солженицын доказывал не тождество русских и украинцев, а какую-либо теорию „второсортности“ украинцев. Всё смешалось в доме Облонских: шовинисты, доказывающие „второсортность“ русских, щеголяют в белых одеждах патриотов, а ратующий за братство и полное рав-

ноправие трёх братских народов Солженицын – выдаётся за шовиниста!

Снова о суперэтносе. Суперэтнос – создатель империй и крупных государств, создатель культур мирового значения, никогда не бывает узко племенным. Если бы не было единства, под именем „русские“, всех трёх славянских народов России, не было бы ни великого государства, сыгравшего большую прогрессивную роль в развитии человечества, ни великой культуры мирового значения. В суперэтносе мы взаимно усиливали друг друга. В становлении суперэтносов часто участвуют не только такие близко родственные племена как великороссы, малороссы и белорусы, свой вклад в создание суперэтноса вносят и племена более далёкие этнически от центрального ядра суперэтноса. Разумная диалектика этнического сознания не мешает каталонцам в Испании (потомкам готов, а не иберов) осознавать себя испанцами, фризам в Германии чувствовать себя немцами. В близко родственных этносах границы возникающих наций всегда зыбки и подвижны. Вообще, этническое сознание устанавливать декретом и диктатом нельзя. Нельзя устанавливать его и психическим террором со стороны сотни лиц, взявшихся всё решать за народ.

Те, кто сегодня много говорят о преступности „имперского сознания“, видимо, подразумевают под этим именно роевое сознание русских, украинцев, белорусов. В истории человечества „имперское сознание“ было инстинктом развития человечества. Сегодня „имперское сознание“ наиболее резко выражено в США, Израиле, Литве, Эстонии, Молдавии, Грузии. Только сегодня это „имперское сознание“ принимает уже более уродливые формы: речь идёт уже не о равноправии людей, живущих в каких-то границах, а лишь о „правах“ „коренного населения“; от нового „имперского сознания“ за версту шибает расизмом и принудительностью! Здесь уже не говорят русским: вы такие же украинцы, как и мы... Здесь говорят: вы москали и оккупанты, мигранты, татары, угрофинны и т. д. Так кто же на деле шовинист?

Почему многие из борцов с русским „шовинизмом“ сегодня ставят себе в качестве ближайшей цели немедленную ассимиляцию или же превращение во второсортную касту 35 миллионов русских, живущих за пределами областей РСФСР? Борцы с русским „шовинизмом“ ставят себе целью превратить другую часть русских, живущих „в пределах Московии“ в интерменов без национального сознания, последняя же часть русских, по замыслу наших „интернационалистов“, в сложившихся условиях и сама вымрет. Не думаю, что самостоятельных и мудрых украинцев и белорусов будет устраивать такой вариант „окончательного решения русского вопроса“. Слишком рано некоторые интеллигенты-полузайки предположили, что в мире уже начинается та эра всеобщего благоденствия, когда заяц уляжется мирно рядом с волком, когда государственная армия стране вроде бы и совсем не нужна. В Библии, на которую так любят ссылаться сегодня, наоборот, предсказана, в дни последние, жесточайшая борьба за ареалы выживания, за воду, топливо, леса, землю. И мудрым людям на территории нашей страны, во всех краях её, перед лицом „демографической“ угрозы и борьбы за ареалы выживания, следовало бы не „развязывать веник“, не разваливать государство, а искать новые пути объединения в первую очередь со всеми славянами Европы, а потом и со всей Европой. Почему-то, многие живущие в России, считают именно Россию злостным агрессором – а ведь наступает время, когда Европе уже пора подумать о том, как защитить себя в ближайшие десятилетия, чтобы не быть уничтоженной врагами совсем из других концов!

Вполне возможно, что разнузданной истерией центральной прессы, необузданной пропагандой местных экстремистов, полным непозволением на Украине и вообще в СССР высказывать конструктивные взгляды истинным представителям русского и украинского народов, украинцев просто принудят отделиться от России, используя при этом, как и в Прибалтике, кадровый, психический, экономический, административный террор. Но я

глубоко уверен, что тысячелетнее единство и кровное родство не исчезнут из сознания простых людей. И почти сразу же после победы шовинистов, начнётся обратное движение: современные крестьяне и рабочие в силах понять то, что понимали ещё Хмельницкий, запорожские казаки, Тарас Бульба. И лет через тридцать после развала „империи“ возникнет новый Союз, в котором не будет какого-то формального деления на клетки. Не будет искусственного разведения на каких-то географических делянках только лютиков или только васильков – будет полное право для всех цветов расти и цвести естественно.

Сегодня дело усложняется тем, что полный национальный разрыв, полное национальное разъединение СССР, полный „суверенитет“ любой нации и народности очень выгодны материально и престижно примерно 100 000 интеллигентов в каждой нации, хотя и совсем невыгодны всему народу, всей нации! Представители этих ста тысяч, говоря о защите языка, традиций часто в действительности лишь алчно ждут тех дней, когда они станут министрами полностью независимых государств, членами парламентов, дипломатами, руководителями „своей“ армии, „своей“ милиции, „своего“ ГБ и т. д. И вот эти сто тысяч выдают свою личную заинтересованность за интересы всего народа. Я не хочу сказать, что в России нет таких шовинистических номенклатурных элементов, пекущихся об особой форме „суверенитета“ Обычно русских шовинистов ищут в рядах членов „Памяти“, – а они уже незаметно сконцентрировались в Верховном Совете РСФСР. Это особый вид шовинизма, – шовинизм номенклатурный. В России вырабатывается очень опасная форма номенклатурного шовинизма, который движется вовсе не любовью к России и русскому народу, а стремлением прибрать власть к своим рукам. Среди русского „номенклатурного шовинизма“ много и вообще нерусских. То же и на Украине: там тоже многие яростно ратующие за „ридную мову“ сами, как и Коротич, никогда не говорили и не писали на украинском языке; многие из таких „украинцев высший сорт“ по происхождению не являются ни

украинцами, ни русскими, ни белорусами. У таких людей весь их „национализм“ определяется портфелем, который можно получить в ближайшие годы.

В наши дни в мире есть две до предела несчастные нации, – нации, которые можно было бы сравнить с распинаемым Христом: это палестинцы и русские. Распинают и оплёвывают не только сами эти нации, уничтожают разными способами не только лучших представителей этих народов – уничтожается сам дух этих народов, их этническое сознание. Отношение к духу и этническому сознанию этих народов определяется уже не разумом и логикой, а индуктированной извне истерией, подобной истерии той толпы, которая кричала когда-то в Иерусалиме: „Распи Его!“

Нечто подобное, несколько в другом варианте, происходит и с русским народом. Повидимому, русские страдают по разным причинам: и потому, что русское сознание внутри страны ещё не полностью уничтожено, и самостоятельно мыслящие русские люди ещё оказывают некоторое сопротивление интерменам внутри страны. Но не менее существенной причиной попыток уничтожить русское этническое сознание и русскую духовность, русскую государственность является то, что в прошлом многие русские были способны трезво оценивать обстановку в стране и видеть происходящее в ней. Не случайно же, совсем недавно один из пророков радио „Свобода“ прямо заявил, что надо открыто сказать о том, что вся русская литература была „антисемитской“, включая Пушкина, Гоголя, Достоевского, Лескова и даже Лермонтова! Конечно, она не была „антисемитской“, – но она была литературой, мощно противодействовавшей попыткам разложить русское сознание, оплевать Россию, заразить народ ненавистью друг к другу. То есть, мы русские, страдаем сегодня и из-за Достоевского, Пушкина, Гоголя, Гончарова, Лескова, Писемского, Тютчева, Фета, Майкова, Хомякова, Киреевского, Нилуса, Есенина и многих, многих других.

Русская культура была слишком самостоятельной и

духовной, укрепляющей иммунитет народа, чтобы не вызывать ненависти со стороны интерменов и к себе, и к своему народу. В какой-то мере мы страдаем и из-за наших царей, всегда чётко видевших опасность возможного закабаления русского, украинского, белорусского мужика шинкарями и ростовщиками, опасность скупки земель и имущества страны ростовщическим капиталом. Русские цари пытались сдерживать процесс разложения народа нашего. Царское правительство задумывалось значительно серьёзнее о нравственной стороне экономических преобразований, о важных деталях хозяйственной жизни, о защите интересов простого народа, чем сегодняшние наши поводыри, которые не видят и не хотят видеть многих частных „перестройки“, позволяющих взять народные богатства в свои руки владельцам спекулятивного капитала. Впрочем, за „дальнозоркость“ последнего царя были растерзаны даже его дети...

Я говорил выше о бичуемых „общественным мнением“ палестинцах. Но возьмём общество „Память“ (различные группы с таким наименованием) и её членов. Длительной пропагандой монополизированной прессы, в стране создано такое положение, при котором каждый человек, под страхом собственного очернения, обязан трястись от гнева, презрения и отвращения при одном упоминании организации „Память“. В такой ситуации у русских уже нет возможности самим проверить, что же говорят члены „Памяти“, какие взгляды они исповедуют? Порой юнцов из „Памяти“ можно обвинить в отсутствии у них высшего образования и академических званий. Но нельзя обвинить их в отсутствии любви к своему народу и в отсутствии желания защитить Родину. За что же подвергаются они психическому и идеологическому линчеванию? Да всего-навсего за одну страшно „крамольную“ мысль: необходимо добиться пропорционального представительства русских в учреждениях культуры и органах гласности! Причем они ратуют за необходимость такого пропорционального представительства для всех народов. Когда эстонцы требуют стопроцентное занятие эстонцами в

Таллине всех официальных должностей – это расценивается как высшее проявление демократии и гуманизма! Когда же русские настаивают на семидесятипроцентном занятии в РСФСР таких должностей, это выдают за проявление самого дикого, зоологического шовинизма и антисемитизма! Вот уж, воистину, мастера „смешивать языки в Вавилоне“ и добиваться того, что люди перестают разумно понимать слова! Все остальные слова и мысли членов „Памяти“ в миллион раз более невинны, чем ежедневно раздающиеся речи на окраинах нашего государства. Впрочем, честно говоря, „Память“ и имела только одну возможность высказать свою позицию в нашей официальной печати: это интервью Штильмарка в одной из газет. Всё остальное попросту приписывается „Памяти“ врагами русского народа. Я убеждён в том, что под интервью Штильмарка мог бы подписаться каждый самостоятельно думающий и любящий свой народ, честный русский человек!

Для взвинчивания ненависти к русскому народу доказывают всем нам, что „Память“ – это мерзавцы, недочеловеки, тупые выродки; „доказывают“ не утруждая себя доказательствами. Попуно утверждают, что весь русский народ – это „Память“. Эта ложь выгодна всем, кто рвётся к власти в Москве, Вильнюсе, Таллине, Тбилиси и Киеве, кто стремится обидеть других, отнять у них права, говоря бесконечно о какой-то своей „обиженности“. Те же, кто действительно обижен в этом мире, знают, что именно с русскими можно жить, что именно у них можно найти защиту. Вот, измордованные турки-месхи на вопрос корреспондента, куда они хотели бы уехать, отвечают: „Только в РСФСР“. Абхазы, насильственно ассимилируемые уже 20 лет, просят о приёме в РСФСР. Спросите сегодня южных осетин и гагаузов, спросите белорусов Виленского края и украинцев Тирасполя: с кем они хотели бы жить, в каком государстве оставаться? И они ответят вам. Ведь даже армяне Нагорно-Карабахской области были бы готовы для начала войти в РСФСР. Куда бегут сегодня азербайджанцы и армянские беженцы из Закавказья? В рус-

ское Поволжье, на северозапад России. Не является ли это лучшим свидетельством „русского шовинизма“ и „братского интернационализма“ тех, кто обвиняет русских в шовинизме? Когда одного из представителей немецкого землячества в СССР спросили, куда бы хотели переехать немцы из Средней Азии и Казахстана, он ответил: „Только в РСФСР“!

Смотрите, как яростно хотят сохранить своими рабами молдавские и прибалтийские экстремисты тех, кто не хочет входить в состав „национальных республик“. Миллионам русских и украинцев уже почти штыками и пулями, а не только расовыми законами, не позволяют проявить своё этническое сознание. Что – наступил уже конец света только для русских, украинцев и белорусов?! А вот эти, проклинаемые всеми русские, позволяют в автономиях РСФСР народу, составляющему всего 14 процентов населения автономии, объявлять себя „ведущим“ и „коренным“, определять государственный язык в учреждениях и школах! Эти русские не препятствуют этническому самоопределению людей ни в одной волости РСФСР! Но во всех республиках, кроме РСФСР, были отменены принятые народом решения о повышении „этнического и государственного статуса“ некоторых территорий и некоторых групп населения; отменены решения, принятые чуть ли не миллионом жителей Тираспольской области, гагаузами, южными осетинами, абхазами, армянами Нагорного Карабаха. Население исконно русских областей Казахстана, потомки русских казаков-воинов и земледельцев, боятся даже намёком выразить своё право на этническое самоопределение. Боятся требовать какой-либо автономии и немцы в Казахстане и Средней Азии. А вот в РСФСР почти все автономии сочли возможным „повысить свой статус“, национальные округа объявили себя республиками.

В конце этой статьи я хочу сказать несколько слов признательности и благодарности тем представителям братских народов России, которые не позволили оболванить себя ненавистью к русским, которые не позволили

общим врагам народов наших погасить в своих сердцах любовь к Родине, не только к малой, но и к общей большой Родине. Сегодня само понятие „старший брат“ оплётано и осмеяно до непристойности. Ну, что ж... Если кому-то так противно это понятие, то может быть этот кто-то разрешит мне говорить о самом „сильном брате“ (если силу оценивать количественной численностью нации, то русский народ был самым сильным братом в нашей семье народов). Когда самый сильный брат отравлен, избит, оплётан, заражен и лежит в кровати – все надежды на остальных. И я склоняюсь в признательности до земли перед Каремом Рашем, Авалиани, Асташвили, Рибасом и многими другими защитниками Родины, которые имеют мужество защищать Родину тогда, когда самый сильный брат уже деморализован. Придёт день, когда мы снова осознаем, что наша общность – это не этническое безродство, как нам внушают сегодня, что это общая сопричастность России и российскому сознанию, что это принадлежность к особому суперэтносу, скреплённому кровью наших предков. Земля и история породнили нас, мы имеем не только частные областные культуры – у нас есть и общая культура Державы, созданной всеми народами нашей страны. Предки завещали нам беречь это единство, скреплённое кровью и Хмельницкого, и Багратиона, и Корнилова, кровью грюнвальдских полков, кровью новгородцев, карел, чуди, веси, муромы, пролитой совместно во многих боях. Многие в стране всегда чувствовали эту верность России и суперэтносу её: не случайно когда-то в годину измены и разврата самыми верными последнему царю оказались генералы Келлер и Хан Нахичеванский, горские полки, внучка кавказского вождя Шамиля! Воздадим должное их верности! И в горе и в радости, в победе и в поражении, в отчаянии и ликовании да не разорвётся единство наше и крепость той России, которая в политическом, духовном и культурном смысле не тождественна ельциновской РСФСР! Возродим снова Россию, а вместе с ней и Грузию, Армению, Литву, Латвию, Эстонию, Украину, Белоруссию и другие респу-

блики, если они захотят быть вместе с нами. Но нам не нужен такой Союз, где стороны озабочены лишь обдурением друг друга, Союз, который держится только общим хозяйством, Союз подобный встречаю женатого человека со своей любовницей по воскресным дням на нейтральной территории. Нам нужен такой Союз, в любой части которого любой человек нашей страны будет чувствовать себя полноправным гражданином.

Будем помнить, что нет России без русских, Украины – без украинцев. То, что хорошо русскому и украинцу – хорошо России и Украине. Повернёмся в конце концов не к „номенклатурному суверенитету“, а к человеку и его суверенитету. Пусть начнётся сотворение государства и демократии в каждой волости. Дайте выбор каждой волости определять свою этническую и государственную принадлежность. Да будет наконец услышан голос и простых людей страны нашей, не обременённых докторскими званиями; да будет услышан голос крестьянина и учителя, а не только голоса Горбачева, Яковлева, Ельцина, Силаева, Заславской, Абалкина, Бунича, Шаталина, Коротича и прочих „имеющих право говорить“.

Сегодня московские лидеры страны намереваются построить новый „СОЮЗ“, который будет представлять какую-то механическую сумму полностью независимых частей. Кажется, единственным объединяющим элементом нового государства должна стать „английская королева“ – несколько не правящих, а лишь „пользующихся мировой славой“ верховных номенклатурщиков в Москве. Они забывают о том, что жизнеспособное государство должно быть организмом, а не какой-то мёртвой смесью элементов. В человеческом теле каждая клетка обладает некоторым „суверенитетом“. Совершенно „неповторимы“ и „самостоятельны“ такие „республики“ как печень, сердце, тимус, мозг, почки, легкие. Но, однако, организм объединяется в нечто живое кровеносной, лимфатической, нервной и иными общими системами. Новый Союз без систем, делающих его жизнеспособным, объединяющим его, будет лишь распространять вокруг себя трупный

запах, станет источником гангрены. Если нельзя создать действительный Союз с общей валютой, армией, таможенной службой, пограничной службой, общим гражданством, судами, прокуратурой, тогда следует немедленно разъединиться для грядущего объединения уже на разумных началах.

Россия и русский народ были в течение тысячи лет главной силой, создавшей государство на Восточно-Европейской равнине. Поэтому мы в ответе и за каждого гражданина этой страны, и за каждый малый народ, который когда-то вошёл в это государство. У нас нет права бросить на произвол судьбы ни одного русского в Прибалтике, ни одного потомка уральских и семиреченских казаков. Когда-то включив в своё государство абхазов, осетин, гагаузов, армян Нагорного Карабаха, мы несём ответственность и за их судьбу. Если референдум, проведенный среди этих народов, покажет их нежелание остаться вместе с Россией, мы с лёгким сердцем должны согласиться на это. Но если они, опасаясь культурного и этнического геноцида, прислонятся к нам, мы обязаны спасти их и принять в семью остающихся!

За убийство одного американца на каком-то корабле, американцы высаживают десанты в Ливане, за оскорбление дюжины других американцев США бомбят Ливию! Мы же бросаем сегодня на произвол судьбы миллионы русских (35 миллионов их живут за пределами чисто русских областей, в которых русским сегодня можно говорить по-русски). Я не призываю к полному копированию поведения “ястребов“ США, но у нас нет ни морального, ни политически-исторического права оставлять миллионы граждан и некоторые малые народы на съедение экстремистам. Когда-то эти народы поверили нашим предкам, искали у них защиту. Мы будем подлецами и перед предками, если сегодня бросим в беде эти малые народы. Повторяю: каждая область, каждая волость всех республик СССР, каждый малый народ должны решить сегодня свою судьбу сами. Никто не дал права грузинам решать за абхазов, никто не дал права кому-то прев-

ращать миллионы русских, немцев, украинцев, белорусов в людей без своего языка, без своей национальности, превращать их в жалких рабов „коренного населения“, которое часто становилось „коренным“ только по воле Сталина, произвольно определявшего границы республик и автономий.

Кто хочет жить с нами, должен жить равноправно; сам не подвергаясь унижениям и дискриминации, но и не унижая других, не отнимая у других их этнический облик. Только в таком Союзе можно жить союзно! Если же нам будут навязывать мёртвый Союз, то русским не стоит защищать личные интересы Горбачева и Ельцина. Пора начать защищать интересы своего народа!

Новгород, ноябрь 1990 г.

**Письма для редакции «Вече»
направлять по адресу:**

Frau V. Drewing
(für RNV e. V. und «Veche»)
Gumbinnenstr. 8, 8000 München 81
W. - Germany

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Альманаха «Вече»

на Австралию и Новую Зеландию

ALMANAC «VECHE»

**P. O. Box 312, Moonee-Ponds, 3039.
Vic, Australia.**

Tel. (03) 331-0265

**Просьба оформлять подписку на «Вече»
для Австралии и Новой Зеландии
через Генеральное Представительство.**

**Стоимость подписки на 1 год
(«Вече» и «Литературное приложение»)
40 американских долларов**

**Доплата за пересылку
воздушной почтой 14 ам. долларов.**

**Цена одного номера «Вече» с
«Литературным приложением» 12 ам. долл.**

**Желающие могут получить по почте
от Генерального Представительства
бесплатно пробный номер «Вече»**

В. Рукополов

Тревожный вопрос

Современный период в жизни народов некоторые исследователи называют этническим **ренессансом**. Он характеризуется всплеском национального самосознания народов, поиском ими своих истоков. Многие народы, живущие вне своих государственных автономных образований, вдруг остро почувствовали насущную потребность в создании своих общин, землячеств, национально-культурных центров. Сеть этих объединений особенно широко выросла на территории Российской Федерации. Так, только в одном Ленинграде в настоящее время уже функционируют более 20-ти национально-культурных обществ (эстонское, татарское, еврейское, узбекское и др.). Ленинградское радио объявило об организации в Ленинграде курсов татарского и узбекского языков. Татар понять можно. Они живут в Ленинграде с дореволюционных времён и во многом, видимо, утратили свои этнические связи с прародиной. Под влиянием событий в Прибалтике и в других регионах страны татарская молодёжь ощутила необходимость в изучении родного языка. А вот, на кого рассчитаны курсы узбекского языка? Узбеки лишь в последние 2-3 года стали активно переселяться в Ленинград и трудно поверить, что они не владеют родным языком.

Этнический парадокс состоит не в возрождении национального самосознания, а напротив: в отсутствии такового, или в его слишком медленном пробуждении. Последнее, к сожалению, наблюдается у русских, что несомненно связано с особенностями русского национального характера. Многие русские продолжают считать, что они составляют большинство, что живут как бы в прежней России, что национальный состав во всех её регионах сохраняется на дореволюционном уровне. А если это так, то никаких русских национальных обществ создавать им не нужно. Именно с этим инерционным мышлением связано отсутствие в стране русских землячеств и национально-культурных центров. Но вот русские, видя невооружённым глазом, что на их исконной территории, как грибы после летнего дождика, стали расти национальные объединения других народов, задумались: „Кто же мы? Откуда мы? Не создать ли нам в этом, уже таком пёстром, обществе свое культурное объединение?“ И вот это-то как раз оказалось делом непростым – организаторам на каждом шагу чинят препятствия.

Кстати, о русских землячествах. Не парадокс ли создавать их в России? Нет, не парадокс. И вот почему.

Если бы Россия была преимущественно однонациональным государством, как Япония, Финляндия, Швеция, то смысла создавать русские общины и русские культурные центры не было бы. Историко-культурный путь страны достаточно было бы представить в соответствующих музеях. Россия же – страна многонациональная, русские в силу исторических факторов расселялись по всей её территории. Многие русские живут также в союзных республиках, занимаясь там, как правило, тяжёлым физическим трудом. Положение русских в союзных республиках, прямо скажем, незавидное... Они постепенно становятся безликими придатками коренной нации; национальная культура русских в союзных республиках утрачивается особенно быстро. Именно здесь русские должны создавать свои культурные центры в первую очередь.

К сожалению, порой национальное самосознание вырождается в национальное самолюбование. Именно выдвижение приоритета национального над общегосударственным и привело к межнациональным конфликтам и трагедиям в некоторых республиках.

Выступая в Вильнюсе (11.01.90 г.) и говоря о проблеме выхода Литвы из состава СССР, Горбачев сказал, что россиянам тоже подбросили такую же „крамольную“ мысль (это вызвало смех в зале). При этом Горбачев отметил, что это произошло не без подталкивания из Прибалтики.

Валентина Распутина никто не подталкивал. Он высказал эту мысль на I Съезде народных депутатов в отчаянии, видя то печальное состояние духовности и экономики России, в которое её поставила командно-бюрократическая система. Россия, и прежде всего русский народ, использовались в качестве экспериментального полигона в деле возрождения многих народов СССР и союзных республик. А когда пришло время подумать о возрождении России (в составе или вне состава СССР – пути возрождения могут быть различными), то кое у кого это вызывает смех. Понять смеявшихся можно: многие народы привыкли смотреть на Россию, как на дойную корову: „Ничего! Россия – большая, от неё не убавится!“ Так думают, и так поступают из года в год. Нет, убавилось, и много убавилось!

Стоило только заикнуться о необходимости возрождения России, ещё не предприняв каких-либо конкретных шагов в этом направлении, как тут же раздались возгласы: „Не приведёт ли это к усилению русского великодержавного шовинизма?“ Уже притчей во языцех стал этот пресловутый шовинизм одного из самых бедных народов страны.

Очень жаль, что идеи возрождения России, русского самосознания „подбрасываются“, а не рождаются в кабинетах правительства России. А ведь это прерогатива правительства Российской Федерации, которое прекрасно знает, что положение таково, что нужна специальная Программа национального спасения.

И вот, в такой сложной межнациональной обстановке некто В. Витальев предлагает изъять графу „национальность“ из советского паспорта, видимо, таким образом намечая путь решения национального вопроса («Огонёк», 1988, № 40).

Профессиональный журналист Витальев, публикуя в «Огоньке» свою статью, несомненно знал, что ещё в июне 1988 года в № 23 еженедельника «Аргументы и факты» были опубликованы результаты выборочного изучения общественного мнения по вопросу целесообразности изъятия графы „национальность“ из советского паспорта. Эти сведения следовало бы Витальеву привести в своей статье. Но он этого не сделал, возможно потому, что результаты опроса были не в пользу предложенной им идеи.

А результаты опроса следующие. По просьбе еженедельника «АиФ» в Москве сотрудниками Института социологических исследований АН СССР был проведён телефонный опрос жителей Москвы. Всего было опрошено 1136 человек. За изъятие графы „национальность“ из паспорта высказались 26,7% опрошенных, против – 60,4%; остальные опрошенные затруднились определить свою позицию. Наиболее характерное высказывание при опросе: „Каждый человек должен гордиться своей национальностью“. Те, кто был „против“ изъятия графы „национальность“, увидели ущемление их национальной гордости и нивелирование людей. Достаточно распространённым оказалось мнение о том, что „административные акции сами по себе не способны решить национальную проблему, а могут, наоборот, обострить её, привлечь к ней нездоровый интерес“.

Итак, большинство опрошенных высказалось против изъятия графы „национальность“ из паспорта. Но многие этим не ограничились. Судя по опросу, организованному газетой «Известия» (Р. Лынев, „Попробуй, исправь“. 14. 09. 88 г.), многие из опрошенных просят даже уточнить им национальность в паспорте. Так, „крымские татары“ желают, чтобы их юридически отличали от других татар;

месхетинские турки просили, чтобы их не причисляли к какой-либо иной национальности и т. д.

Этот же вопрос об отмене записи в паспорте прозвучал и на I Съезде народных депутатов СССР. Так, многие узбеки, живущие в Таджикистане, записаны в паспорте таджиками. То же самое имеет место и в Узбекистане: таджики, живущие там, записаны узбеками. На Съезде предложено внести изменения в Положения 1974 г. об установлении национальной принадлежности. Если ликвидировать графу „национальность“ в паспорте, то многим, особенно малым народам, будет нанесён сильный моральный удар.

Однако, помимо общественного мнения, имеется ещё один аспект – политический. На каком, спрашивается, основании можно изъять из паспорта графу „национальность“ при сохранении принципа деления нашего государства на национальные автономные регионы?

Чем же руководствовался этот автор, подкидывая свою идею? Он считает, что в этом вопросе нам следует перенять опыт у Соединённых Штатов Америки, в паспортах граждан которых графа „национальность“ отсутствует.

Давайте разберёмся в этом не таком уж, между прочим, простом вопросе. Для этого обратимся к истории образования США и нашего государства.

Соединённые Штаты Америки, как государство, возникли на территории Северной Америки в результате её колонизации европейцами. При этом „пионеры“ практически начисто уничтожили коренное индейское население. С гибелью коренного населения, прекратила существование индейская культура, исчезли из оборота все индейские языки. Первые поселенцы, выходцы из Европы, были разноязычными: англичане, французы, голландцы, немцы и др. В начале заселения англичане вовсе не доминировали в ряде регионов. Достаточно сказать, что первоначальное название Нью-Йорка было Новый Амстердам, что указывало на преобладавшее влияние голландцев в этом районе. Однако постепенно бóльшую

часть территории Северной Америки заняли переселенцы из Великобритании. Поэтому языком межнационального общения здесь стал английский. После победы англичан (правильно теперь уже говорить об англо-язычных американцах) в войне за независимость и провозглашения США, как независимого государства, положение английского языка упрочилось и он приобрёл статус государственного.

Таким образом, английский язык в США стал государственным не в результате референдума, а как результат исторического процесса. Нет ни одной страны, в которой государственный язык был бы принят на митингах и собраниях.

Итак, образовавшееся американское государство создавалось из штатов, формировавшихся не по национальному, а по **территориальному** признаку. С развитием экономики США дальнейшее образование штатов происходило по мере формирования экономических регионов. Тем не менее, в названиях многих городов и штатов сохранилась национальная окраска (опять же национальная!). Так, в названиях Нью-Йорк, Бирмингем, Кембридж, Новая Англия сохранилась память англичан о своей родине Великобритании; в названиях Новый Орлеан – память франкоязычных американцев о Франции, в топонимике многих географических названий Калифорнии – память о бывших испанских владениях и т. д. Сохранились и индейские названия штатов: Айдахо, Оклахома и др. (названия бывших индейских племён, испокон веков населявших эти районы).

Совершенно иной принцип заложен в основу образования советского государства. После октябрьской революции на земле Российской империи, используя терминологию М. С. Горбачева, начал ходить плуг. Уже первые борозды этого плуга разделили территорию бывшей единой неделимой России по **национальному** признаку. Так, в 1917 году были образованы РСФСР, УССР, БССР. Последствия создания этой системы сегодня очевидны. В 1922 году была образована ЗСФСР (Закавказская Федера-

ция), а 20 декабря 1922 года перечисленные союзные республики заключили между собой Договор об объединении в новое союзное государство – СССР.

К концу 1932 года в составе РСФСР уже было 10 автономных социалистических республик и 11 автономных областей. В последующие годы количество тех и других увеличилось.

В. А. Антонов-Овсеенко, обсуждая проблемы национальной политики партии в начале двадцатых годов, отметил, как политическую ошибку, объединение в одной Закавказской Федерации народов с разными историей, культурой, религией, языками. В этой связи заметим: а создавать в одной небольшой союзной республике (Грузинской ССР) три автономных района – это не ошибка ли? Что тогда говорить о Российской Федерации?

Мы были бы неправы, если бы решили, что проект широкой автономизации многонациональной страны Советов в высших эшелонах власти прошёл без сучка и задоринки. Напротив, были серьёзные возражения. Однако Ленин настоял на своём. Впрочем, это предмет особого разговора.

Таким образом, если сейчас взглянуть на политико-административную карту СССР, то сразу же бросается в глаза её яркая раскраска по национальному и, следовательно, языковому признаку. Исключение составляют Аджарская и Нахичеванская АССР, языки коренного населения которых не отличаются от языков коренных жителей Грузии и Азербайджана, соответственно.

Что касается РСФСР, то слово „исключение“ здесь не подходит вовсе. В РСФСР, республике, созданной также по национально-языковому признаку, вообще не имеют своих национальных автономий некоторые малочисленные народы Крайнего Севера и Дальнего Востока (нивхи, сельчуки, саами, удэге и др.) и... русские(!!!).

Нивхский писатель Владимир Санги, создатель нивхской азбуки, печалится по поводу отсутствия автономных образований у нивхов и других малочисленных народов. Остаётся ему заметить: „Владимир Михайлович! Ваше

беспокойство, нам, русским, понятно: у русского народа, с его выдающимся вкладом в мировую культуру и с населением более 130 миллионов человек, тоже нет своего автономного образования“. Например, якуты, не имевшие до революции своей письменности, имеют гигантскую по площади автономную республику. При этом отметим одну существенную особенность так называемой „русификации“ народов СССР: якуты составляют в Якутии 34,1 % всего населения, а в Якутском университете на дневных факультетах студенты-якуты составляют 79,5 %, русские и другие национальности – 20,5 %. Такое же явление наблюдается и среди преподавателей университета (якуты – 441 человек, другие национальности – 171 человек).

В связи с этим стоит вспомнить слова академика В. А. Амбарцумяна, сказанные им на I Съезде народных депутатов СССР: „Да, в нашей общей истории много страданий и обид. Но в этой атмосфере справедливых требований, упоминаний собственной боли мы обязаны воздать должное удивительной стойкости **русского народа** – народа, который претерпел многочисленные жертвы в Отечественной войне, перенёс ужасы раскрестьянивания и раскулачивания, показал образцы трудолюбия, творческой инициативы и любви к другим народам. Хотим мы или не хотим, русский народ поставлен в условия, когда он несёт **самую тяжелую нагрузку**, самые тяжелые обязанности, от которых он не может освободиться в силу своего положения. На таком съезде, как I Съезд народных депутатов СССР, такая констатация со стороны представителей всех народов, живущих в союзных республиках, надеюсь, будет сочтена вполне уместной“.

Примечательно, что эти слова произнёс не русский – армянин, учёный с мировым именем. Могли ли предполагать русские люди, так или иначе принявшие октябрьскую революцию, что в своей стране, созданной их трудами, не останется земли для их собственной национальной автономии?

Не лишне напомнить некоторые факты советской истории. Как известно, советское государство возникло на

территории Российской империи. „В силу этих исторических причин, – пишет В. Еременко, – советская Россия на заре становления нашего государства взяла на себя роль лидера в политике, экономике и культуре. Во многом за счёт русского народа ранее отсталые регионы смогли подняться в столь короткий срок. Кажется, давно пора определить пропорционально равный вклад в общественную копилку и русскому народу. Но нет, практика непомерной нагрузки на Россию жива и поныне. Сегодня коренное население Российской Федерации на грани физического вырождения. Неблагоприятные социальные условия довели падение рождаемости до критического уровня. Народ, обладающий одной из самых богатых культур, сегодня по числу специалистов с высшим образованием – на одном из последних мест в стране. Иначе говоря, физическое вырождение идёт рука об руку с духовным“.

Катастрофически низкая рождаемость в русских регионах РСФСР (это также касается украинцев, белорусов, народов Прибалтики и малочисленных народов Крайнего Севера и Дальнего Востока) была одной из причин, которая привела к большой миграции из южных регионов в Москву и Ленинград, а затем и в другие города РСФСР. Несмотря на плохой ленинградский климат, тяжёлую экологическую обстановку, такие мигранты неплохо приспособились к новой жизни: они прекрасно одеты, в среднем лучше ленинградцев, хорошо выглядят и очень в себе уверены. Однако миграция с юга Средней Азии коснулась не только городов РСФСР, но и сельской местности. Тот же В. Еременко пишет, что переселение в Россию осуществляется не отдельными семьями, а целыми эшелонами (!). И вот уже нередкая картина на Руси: „крестьяне“ в халатах и тюбетейках „корчуют на Новгородчине целину“, трудятся на полях и на своих приусадебных участках новые хозяева-переселенцы в Костромской, Тверской, Смоленской и других русских областях. А недавно в Россию были переселены турки-месхетинцы, в защите которым отказала Грузия. И учат

их растапливать русскую печь. „Уверяю вас, – говорит Василий Белов, – толку не будет! Даже хлеб люди разных национальностей выпекают по-разному...“ Будет толк или не будет, это покажет время. А пока переселение продолжается. Поскольку льготы на строительство домов положены только переселенцам, то русским старикам и старухам остаётся лишь наблюдать за происходящим в их родной деревне и... потихоньку умирать в своих полуразвалившихся домах.

Новые хозяева не забыли и свою малую родину: память о ней уже отражена в ряде названий – совхоз „Узбекистан“, чайная „Бахор“ и т. п. А пастуха в исконно русской Воронежской области уже называют чабаном. Логика подсказывает, что вслед за тюркскими названиями колхозов и совхозов вскоре появятся и уже появляются национальные школы, средства массовой информации и т. д.

Таким образом, русские регионы РСФСР на наших глазах превращаются в нерусские, а при дальнейшем сохранении масштабов миграции, они могут стать и нерусскоязычными. Интересные данные сообщил, например, на пленуме ЦК КПСС по национальному вопросу 1-й секретарь ЦК КП Узбекистана И. А. Каримов: „Рост населения Узбекистана превышает в три раза среднесоюзный темп роста населения“. За последние 30 лет население Узбекистана увеличилось в 2 раза. Подобных аналогов нет в мировой практике. Заметим, что население Китая увеличилось в 2 раза за 40 лет. Нетрудно догадаться, как миграционные процессы повлияют на национальный состав русских регионов РСФСР. Он (состав) уже в наши дни существенно изменился. Это видно на примере Ленинграда и Москвы. Поэтому здесь стоит думать и искать другие пути подъема сельского, да и вообще народного хозяйства. Не думаю, что решение демографических проблем Средней Азии и Закавказья за счёт российских территорий будет тихо продолжаться бесконечно. Продолжение политики миграции в прежних масштабах (эшелонами) может обернуться непредсказуемыми межнациональными осложнениями.

Г. В. Старовойтова, представившаяся на I Съезде народных депутатов как специалист по международным отношениям (что-то новое в номенклатуре специальностей СССР), ссылаясь на якобы слышанные ею слова могильщика-эстонца, работающего на русском кладбище в Таллине, объясняет причины миграции русских в союзные республики тем, что их (русских) дома никто и ничто не ждёт: „Как можно любить родину, где ничего твоего нет? А вот если знаешь, что твоя корова стоит в хлеву голодная, будешь даже ночью рвать ей траву голыми руками и никуда не поедешь“. Оказывается, родину любят за что-то: например, если дома имеется приусадебное хозяйство. А если его нет? Тогда что? Я-то, грешный, всегда думал, что родину любят за то, что это – Р о д и н а, и никаких приложений к ней не требуется. Если следовать логике Г. В. Старовойтовой, то получается, что людей, переселяющихся из Средней Азии на Новгородчину, тоже дома никто и ничто не ждёт.

Писатель Сергей Залыгин выступая на I Съезде народных депутатов по вопросам экологии, заметил, что все экологические катастрофы, которые произошли в нашей стране, были нами же запланированы. То же произошло и в нашей национальной политике. Всё, что мы сегодня наблюдаем, мы сами всё это и запланировали ещё... в 1917 году. Уже с первых лет советской власти была разработана программа подготовки национальных кадров для союзных республик. Эта программа последовательно выполнялась в течение десятилетий и успешно выполнена. О Якутии уже выше сказано. Ну, подумает читатель, в русском городе должно быть всё наоборот. Отнюдь! В русском городе Иваново в 1989 году на дневное отделение первого курса Текстильного института принято 821 человек, из них с Кавказа и из Средней Азии ... 279 человек (!). На вопрос, заданный в приёмной комиссии, с чем связана такая, мягко говоря, необычная пропорция, последовал ответ: „Русских нет, вот и берём!“ Никак не назовёшь такую практику государственной. Если уж в республиках Кавказа и Средней Азии такая острая нужда

в инженерах-текстильщиках, не проще ли там и открыть институт соответствующего профиля?

Картина, о которой шла речь применительно к Якутии, характерна и для других национальных регионов страны. Год из года доля участия славянского населения в науке и культуре неславянских республик падает: республики добились того, чего хотели. Например, доля славянских фамилий авторов республиканских научных периодических изданий в Армении, Грузии и Узбекистане составляет от 5 до 10 %. Для Еревана это естественная пропорция, поскольку Ереван – один из самых этнически чистых городов в стране (по различным данным, доля армян среди жителей Еревана достигает 95-98 %). А вот в Тбилиси и Ташкенте славян значительно больше – 30-40 %, то есть величина совершенно неадекватная численности в этих городах научных работников славянского происхождения.

Когда говорят о засилии русских в союзных республиках, советую читателям прибегнуть к очень простому эксперименту: ознакомиться с перечнями фамилий членов творческих союзов этих республик, имеющимися в соответствующих справочниках. В этой связи уместно напомнить слова профессора Ж. Тощенко, сказанные им в статье „Бытовой шовинизм“ («Известия», 27. 08. 89 г.): „...когда речь идёт о стране в целом, о России, никто – ни теоретики, ни практики разных наций и народностей не воспринимают как противоестественный тот факт, что страна и основная её республика – образования многонациональные, все считают, что так и должно быть, а потому неудивительно, когда предприятия, организации, ведомства в России возглавляются представителями всех народов нашей страны. Но когда речь заходит о республике, подспудно происходит замена представления о многонациональности представлением о мононациональности со всеми вытекающими последствиями“...

К сожалению, вопрос о рождаемости в России, на Украине, в Белоруссии на I Съезде народных депутатов даже не ставился в повестку дня. Лишь один В. Белов с

горечью отметил, что до революции рождаемость у русских и украинцев была в России самой высокой. Что ж, получилось так, что октябрьская революция поменяла местами славян и туркоязычные народы на социальной и демографической лестницах. Для кого-то это может быть этнический парадокс, а для многих русских – это этническая трагедия.

А вот ещё одна „идея“ по русскому вопросу. Постоянный автор журнала «Век XX и мир», специалист по истории философии М. Я. Гефтер в национальном вопросе предлагает свой путь „оздоровления национальных взаимоотношений“. В своей статье, после затяжного наукообразного введения, он ничтоже сумяшеся берёт „быка за рога“, то есть переходит непосредственно к „русскому вопросу“, „который, – как он пишет, – нельзя больше стыдливо игнорировать“. „Именно русские, – пишет далее Гефтер, – в роли функционеров сталинской нивелировки в наибольшей степени теряли распоряжение собой...“

Действительно, игнорировать „русский вопрос“ больше нельзя, и, пожалев, таким образом, русский народ, Гефтер предлагает ни много, ни мало, как... разукрупнить РСФСР, то есть по-существу её упразднить. А аргументы? Тоже нашлись: мол, сказываются большие трудности экономического управления такой большой республикой. Ну, что здесь скажешь!?

Народный депутат СССР К. Махкамов (1-й секретарь ЦК КП Таджикистана) в своем выступлении на I Съезде народных депутатов предложил создать национальные районы даже для национальных групп, проживающих за пределами своих национально-государственных образований. Как это понимать, нам, русским? Не означает ли это, что в Новгородской, Костромской и других русских областях вскоре появятся национальные автономные туркоязычные районы со всеми вытекающими отсюда последствиями? Интересно, в связи с этим, как на проблему формирования новых автономных районов в пределах других союзных республик, кроме РСФСР, смотрят правительства этих республик? Например, председатель Президи-

диума Верховного Совета Литовской ССР В. Астраускас в своём докладе на XIII сессии (XI созыва) Верховного Совета Литовской ССР, в частности, сказал по поводу создания польского автономного района в Литве: „Литва – неделима, и никакие другие административные единицы в Конституции Литовской ССР не предусмотрены“. Сказанное Астраускасом не требует комментариев.

Большинство людей, населяющих нашу страну, хотят оставаться теми, кем они родились: русскими, украинцами, белорусами и т. д. И они гордятся своей родиной и своим народом.

В стране идёт перестройка, в программе которой стоит и национальный вопрос. Этот вопрос следует решать деликатно, осторожно, вдумчиво, принимая во внимание интересы всех народов и народностей страны, включая и русский народ.

Ленинград, июль, 1990 г.

Н. Кусаков

Запад, Восток и Оптиная Пустынь

Сейчас, когда свежо впечатление от торжеств прославления Оптиных Старцев, приличествует нам так же вспомнить добрым словом и почтить честью их сотрудников, особенно того, чей труд явился звеном, без которого цепь не могла бы связаться. Здесь имеется в виду цепь воссоединения русского образованного слоя со Свято-Русской культурой России, цепь разорванная было Петровским западопоклонством и вновь скреплённая в Оптиной Пустыни. Звеном этим был блаженной памяти Иван Васильевич Киреевский, русский человек большого ума и чистой совести, философ, к сожалению, обойдённый молчанием и заглушенный шумом западных течений общественной мысли и событиями, разразившимися над нашей родиной.

Иван Васильевич Киреевский родился в 1806-м и скончался в 1856-м году.

Расцвет Оптиной во времени связывается с тем периодом в жизни русской общественной мысли, когда после десятилетий слепого следования за Европой, эта мысль вновь вернулся к Русской земле. Этот поворот наблюдался в ряде явлений жизни русской культуры. Вскоре после Наполеонова нашествия, времени, когда на пороге

18-го и 19-го столетий приличному человеку нельзя было говорить по-русски, а надо было – по-французски, когда Россия стала возвращаться домой, когда Кирша Данилов „открыл“ Былины и былинные речи зазвучали в строках лучших наших поэтов... вспомните „Песню о купце Калашникове“ у Лермонтова или Пушкинские сказки, или Ершовского „Конька Горбунка“,.. когда, наслушавшись Моцарта и Глюка, Петр Васильевич Киреевский (старший брат нашего мыслителя) пустился бродить по деревням вокруг отцовского поместья, записывая народные песни, составил целый сборник русского фольклора... С этим явлением сочетался и подъём духа в той области, которую следует назвать интеллектуальной, духовной и церковной жизнью Святой Руси.

Известно, что Петровское время отразилось на церковной жизни России весьма неблагоприятно. Недобрую память о себе оставили и „Екатерининские орлы“. Но пришёл добрый час, и маятник качнулся в обратную сторону.

Не надо думать, что Оптиная была единственным местом, где уцелела лампада Святой Руси в то время, когда гуляли ветры послепетровских „регламентов“, внесших казёнщину в монастырскую жизнь. Огоньки Свято-Русского духа светились и в Сарове, и на Валааме, и у Троицы-Сергия, и в Киеве, и в Белокаменной, где монастырям счёта не было, и где Русь совершала свой спасительный путь. Петровская казёнщина жила своим чередом, а Устав монастырского богослужения – своим, и Устав, осенённый светом Св. Писания, поста и молитвы, хранил в народе не что иное, как святость. Ибо было на Руси много сердец, искавших радости иноческой жизни.

Иные же искатели духовной жизни уходили на Афон, в Молдавию, на Святую землю, где искали и находили древнее благочестие в полном цвету. Так явился „начинатель русского старчества“, великий подвижник, старец Паисий Величковский, ушедший с Полтавщины в Киев, потом на Афон и потом в Молдавию, где явился отцом и наставником для великого множества искавших спасения.

Случалось и то, что его ученики возвращались на родную землю и приносили с собой найденные либо в Греции, либо на Святой земле, списанные ими древние свято-отеческие наставления, которых на Руси не было.

По воле Божией в волне прилива иноческого благочестия и духовного подъема пришло и к восстановлению, удаленного было в заштат, древнего монастыря Оптиной Пустыни, и забота о его восстановлении была поручена благочестивому члену маленького пустынножительного братства в Рославльских лесах, иноку Моисею, известному по фамилии Путилов. Вокруг него собрались люди горячего сердца и сильной воли к святости, и хотя Оптина не была единственным светильником, она заслужила особую славу, о чём говорит присловье, которое обычно слышалось среди странников и паломников, лаптями топтавших лесные тропы:

Кто суров, – тому Саров.

Кто упрям, – тому Валаам.

А кто ищет духовного опыта, тому Оптина.

Жив был на Руси дух благочестия также и в той среде, которую многие огульно представляют себе носителем гнилостных вольтерьянских идей. Были, конечно, в нашей дворянской среде типы князей Болконских и Пьеров Безуховых, как их описал граф Лев Толстой, но ведь и в их же среде была княжна Марья! Духом благочестия жили многие семьи дворян и помещиков.

В сорока верстах от Оптиной, неподалеку от патриархального города Белева, находилось поместье Киреевских. Называлось оно Долбино, и жили там люди благочестивые. „Страшный крепостник“, отец Ивана Васильевича, о котором у нас речь, был беспощаден к провинившимся крестьянам. Наказывая за проступки, он их ставил на поклоны! В 1812-м году он оба свои дома превратил в госпитали для раненых, и ещё тем прославился, что когда один из соседних помещиков, по небрежности не умел управиться со своим поместьем и разорился, тогда крестьяне его пришли к Василию Ивановичу Киреевскому с просьбой:

– Барин! Купите нас.

Когда же этот барин отказался за недостатком средств, то крестьяне сами собрали нужные деньги и принесли их барину. Очевидно, это был ужасный крепостник! Впрочем, наша речь не о нём.

Вопреки общему впечатлению, о православном благочестивом быте русских помещиков можно бы сказать очень много, но довольно и сказанного, причем надо помнить, что благочестие здесь сочеталось с европейской культурой в жизни и, конечно, с воспитанием детей. Дворянские семьи совершали паломничества даже и в отдалённые монастыри, заботясь в то же время о всестороннем образовании детей. Юноши изучали иностранные языки, как современные им, так и древние, и библиотеки в этих поместьях хранили книги на четырёх, а то и на пяти языках.

Так и Иван Васильевич, равно как и его старший брат, Петр, получил серьёзное домашнее образование для завершения которого его отправили за границу в Германию. Здесь он оказался в Мюнхене и в Берлине, где имел в качестве учителей Фридриха Шеллинга, – значительная фигура среди корифеев немецкого идеализма, – лично знал Гегеля, из учения которого выросли (каждый по-своему) Фридрих Ницше и Карл Маркс.

В общем, Иван Васильевич вырос законченным европейцем. С этим он, по возвращении из Германии, оказался в Москве и включился в российскую общественную жизнь на посту издателя и редактора журнала «Европеец».

Когда возникла для него возможность занять кафедру в Московском университете, он легко сдал экзамен, требовавшийся по регламенту, но университетская карьера для него не состоялась. Духовная и интеллектуальная жизнь Москвы того времени была насыщена тем, что выливалось в общественные течения: с одной стороны – „западников“ и с другой – „славянофилов“. Веяния, подобные тем, что в Германии порождали гласные и негласные, а то и тайные, союзы „Молодой Европы“, „Младогегельян-

цев“, веяли и над Россией. В Москве образовалось нечто вроде единения „Любомудров“ и „Молодой России“, и прогрессивный дух этой молодости, инспирированный московскими масонами (которым так и не удалось вовлечь И. В. Киреевского в свои ряды), явил себя на страницах «Европейца», выходявшего под редакцией Киреевского. Недаром в этой среде он подружился с Герценом.

Всё это возбудило подозрения в кругах, наблюдавших за порядком. Послышалось имя Бенкендорфа, пахло неприятностями. Но, благодаря своевременному вмешательству И. А. Жуковского, для молодого редактора «Европейца» всё обошлось благополучно. Однако, было сочтено за лучшее для него удалиться в тень.

И он удалился. Деревня Долбино, городок Белев, где Киреевский принял участие в жизни школы. Покой и возможность работы над собой ради высшего самообразования и развития. С женитьбой и в связи с вновь окрепшей дружбой с братом Петром, собирателем русского фольклора и поклонником „русскости“, в долбинской тиши пришли новые впечатления.

Беседуя с супругой, Иван Васильевич натолкнулся на неожиданность. Отвечая на мысли, которые он высказывал по науке, воспринятой от немецких мыслителей, Наталья Петровна „клала на обе лопатки“ их рассуждения так, что молодой супруг оставался, что называется с „открытым ртом“.

– Откуда это у тебя?

Очень просто. Наталья Петровна была духовной дочерью архимандрита Филарета, настоятеля Новоспасского монастыря в Москве, и знала многих благочестивых мужей. Знала она даже и Саровского пустынноика, отца Серафима. Их мудрость подчас и ставила молодого европейца в тупик. А тут ещё брат, собиратель духовных стихов и русского фольклора, русских песен: „Зачем нас всё время Италией пичкают? У нас же есть своё!..“ И русская земля охватила юного европейца своей любовью, и он обратил свой взор на Восток.

Между тем, связи по литературному миру сохранялись,

и когда о. архимандрит Филарет попросил Наталью Петровну представить для напечатания статью, содержащую жизнеописание старца Паисия Величковского, то её супруг, Иван Васильевич, позаботился, и страницы «Москвитянина» украсились этой статьей и под её влиянием Иван Васильевич „засел“ за свято-отеческую литературу.

Вот „Сокровище духовное, от мира собираемое“ св. Тихона Задонского (Воронежского), вот Нил Сорский, и вот общение с русскими людьми высокого духовного уровня. Мир стал поворачиваться и взор, до тех пор сосредоточенный на Западе, обратился на Восток. И степень этого обращения ясно видна хотя бы в том, что в письме к одному из друзей Иван Васильевич пишет: „Существеннее всяких книг и всякого мышления, найти святого православного старца, который мог бы быть твоим руководителем“.

Руководство от Новоспасского настоятеля Филарета оборвалось из-за его кончины, и с этим открылась новая страница в жизни. Это была встреча с Оптиным скитом — начальником иеромонахом Макарием (Ивановым), который в это время был занят мыслью о необходимости издания на русском языке свято-отеческих творений. В Оптиной появлялись странники, возвращавшиеся из поисков в чужих землях. Они приносили с собой списанные рукописные творения древних аскетов. Появились рукописи творений св. Антония Великого, аввы Дорофея, Исаака Сирина, „Лествица“, и в Оптином скиту началась громадная работа. Служа русскому иночеству, оптинские монахи списывали „полууставом“ книги и рукописи, принесенные со Святых мест Ближнего Востока, однако, копии, „списки“, как их тогда называли, требовали тщательной выверки, иной раз проверки правильности перевода с греческого языка, и тут высокообразованный И. В. Киреевский оказался тем нужным человеком, без которого обойтись не было никакой возможности.

Немалые печали переживала монастырская жизнь от масонствовавших Обер-Прокуроров Святейшего Синода,

и тяжело страдали те, кто был „наверху“, в непосредственной близости к правящим кругам. А жизнь русского аскетизма попрежнему была ключом, и святость подвига поста и молитвы, как бы шепотом, продолжала наставлять Русь в шествовании по пути истины. Множество подвижников благочестия знает история Русской Церкви в 18-м и 19-м столетии.

В конце 18-го и в начале 19-го столетий в Брянских лесах, в лесах Рославльских и Жиздринских проживало в спасительном подвиге множество пустынножителей-одиночек. Святость их подвига влияла на окрестные деревни и на поместья владельцев лесов, среди которых являлись благодетели, милостыней содержавшие пустынножителей, обеспечивая их питанием.

Наполеоново нашествие заставило многих пустынножителей выйти из своих убежищ и искать приюта в монастырях, и этим усиливалась Оптина Пустынь. Пустынножители приходили, чтобы вскоре снова уйти в поисках тишины, некоторые оставались, а некоторые, вскоре после прихода в Оптинский скит, здесь и кончали своё земное странствование, оставляя тут свои сокровища духовные в виде аскетических записей. И вот Оптинский скитоначальник, иеромонах Макарий, предпринимает великое дело печатания того, что находилось в различных рукописях. „Размножение“ путём списывания оказалось недостаточным.

Тут произошла в высшей степени многозначительная встреча – встреча древнейшего и нестареющего аскетизма Христианского Востока с высокой русской образованностью в европейской форме, как её представлял И. В. Киреевский. Возникло сотрудничество между „европейцем“ Киреевским и миром православного, русского свято-отеческого учения.

Старец Макарий сам был личностью далеко не заурядной, ибо все свои недюжинные способности он с юности направил по тому руслу, шествуя которым, придя в возраст, он явился „наставником монахов и собеседником ангелов“, как воспевают Церковь, и совместная с ним работа над свято-отеческими текстами служила

к высокому духовному возрастанию философа.

Потеряв в И. В. Киреевском друга, ранее разделявшего с ним мечты о прогрессе, известный революционер А. И. Герцен с грустью замечает: „Между нами выросли церковные стены“.

В общении с Оптинским старцем Макарием, русский философ стал по-новому ощущать и переживать философские истины, понятия о которых были им восприняты на Западе. Теперь эти истины стали представляться ему в проекции жизни России и когда он пишет статью **„О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению в России“**, то здесь уже светится мысль о **„Философии цельного знания“**. Эта статья вышла в свет в 1852-м году. Столкнулись лобовым ударом Восток с Западом.

То, что произошло в Оптиной Пустыни при встрече старца Макария с Иваном Васильевичем Киреевским, как это выразилось в его последующих литературных трудах, можно назвать современным выражением: „Киреевский взбунтовался“. Да, именно взбунтовался, – против Европы, потому что в свете духовной культуры Святой Руси ему стало понятно, что философия Запада уводила нас от чистого источника человеческой мысли, погружала нас в область чувственного, связывала нашу мысль рамками диалектики и не позволяла нашей Православное понятие о познании ставить здраво в зависимость от степени нравственного возрастания ума, интеллекта, духа того, кто делает исследование. Его бунт в конце концов выразился в его последнем сочинении, озаглавленном, – **„О необходимости и возможности новых начал для философии“**. Эта статья вышла в свет в 1856-м году. В июне этого же года И. В. Киреевский скончался.

То, что можно назвать философией Киреевского, есть не что иное, как русская философия православного христианства. Это есть философия ума и сердца, несомненно верующих именно так, как это заповедует Святая Христианская Православная вера. И сам наш мыслитель никогда не пытался камуфлировать свою мысль о вере, никогда не „втискивал“ её в рамки стремления спрятать несов-

ременные идеи и понятия. Он пишет просто и ясно, когда говорит: „**Направление философии зависит в первом начале своём от того понятия, которое мы имеем о Пресвятой Троице**“.

Это и было причиной тому, что в первые века бытия Христовой Церкви внимание Отцов Церкви было обращено именно на очищение учения о Пресвятой Троице. Об этом говорит история Вселенских Соборов, и в этом находятся в наше время новые начала философии, которые необходимы миру, ибо должен же возвыситься человек от низости полной чувственности, в которую ныне мы все погружены общественной мыслью, признавшей своим учителем философию Запада. Нужно, чтобы мысль человечества возвысилась к тем высотам, на которые старец Макарий поднял дух европейца Киреевского. Нужно воспринять опыт русских интеллигентов, услышавших издалека звон Оптинских колоколов, оставивших свои европейские увлечения, вновь обрусевших и воскликнувших подобно тургеневскому Михалевичу:

Новым чувствам всем сердцем отдался.

Как ребёнок душою я стал,

И я сжёг все, чему поклонялся,

Поклонился тому, что сжигал.

В заключение позволю себе привести чужие мысли из статьи для меня неизвестного автора из безымянного листка, залетевшего на мой письменный стол.

„Из всех мирских лиц, перебивавших в Оптиной Пустыни, Киреевский ближе всех других подошёл к её духу и понял, как никто иной, её значение, как духовной вершины, где сошлись высший духовный подвиг внутреннего делания, венчаемый изобилием благодати даров стяжания Святого Духа и одновременно служения миру во всей его полноте, как в его духовных, так и житейских нуждах. Он видел в Оптиной претворение в жизнь мудрости свято-отеческой. Будучи философом, он почувствовал, что и высшее познание истины связано с цельностью духа, с восстановленной гармонией всех духовных сил человека. Но это восстановление достигается внутренним

подвигом, духовным деланием. И Киреевский в своих философских исследованиях, а именно в учении о познании, указывает на внутреннюю зависимость (функциональную связь) познавательных способностей человека от духовного подвига, претворяющего естественное, низшее состояние сил человека в духовный высший разум. Так он связал философию с аскетикой“.

Это и есть кульминация философии Православного Востока, через Византию древности связующая нашу современность с, – если так можно выразиться, – культурой Священного Писания. Через свято-отеческое научение – к свету Библии!

В переживаемую нами эпоху весь мир подчинён философии Запада. Это она, законно начавшись в Сионской Горнице, через превратности Рима соскользнула на пути позитивизма, рационализма, эмпиризма и, наконец, чувственности бездушного материализма. Это она, после столетий тайного проникновения в душу человечества, через воспитание гордыни атеизма путями диалектики, привела к категорическому императиву всемирной революции, представив её высшей нравственной ценностью в жизни человечества. И вот, именно путями этой-то революции человечество оказалось ввергнуто в неслыханное замешательство.

То, что мы наблюдаем в потрясениях войн, мятежей, голода при изобилии плодов, неслыханных болезней, перед которыми человек стоит в ужасе, как кролик перед пастью удава, бесконечных конференций, на которых „мужи совета“ сулят найти успокоение и при всём том высказывают бесчисленные посулы о благе, имеющем явиться, но всё более удаляющемся от нас, – всё это, как цельное явление следует отнести к предмету, ещё в глубокой древности получившем своё наименование. Это есть – МЕРЗОСТЬ ЗАПУСТЕНИЯ, о которой вещали строки Священного Писания, – Прор. Даниила гл. 9-я, ст. 27; Евангелие от Матфея, гл. 24-я, ст. 15.

Все обвиняют всех. У всех ясные рецепты ко всеобщему благу, и весь мир корчится в судорогах страха перед

завтрашним днём. Между тем все указания философов Запада исполнены. Всюду господствуют начала, преподанные как идеал, теперь уже осуществлённый всемирной революцией, низвергшей троны и устранившей алтари. И радость жизни ушла. Её заменила тревога и страх того, что будет завтра.

Философия Запада провалилась.

Новые начала необходимы.

Спрашивается, – возможны ли они?

Говорят, будто бы Оптина Пустынь возвращается к жизни. Но есть ли это знамение о надежде? Исполнит ли „Новая Оптина“ ту великую миссию, которую ей вменяет её прошлое?

Что Бог даст...

Буэнос-Айрес, сентябрь 1990 г.

Вероника Аренс-Пулавская

НОВЫЙ ВЛАДЕЛЕЦ КНИЖНОГО МАГАЗИНА

G L O B U S

A SLAVIC BOOKSTORE

Предлагает книги, напечатанные эмигрантскими издательствами. Имеются новинки, старые редкие книги, журналы, газеты, открытки, пластинки, кассеты, плакаты. Разыскиваем редкие книги по заказам.

ВЫПОЛНЯЕМ ЗАКАЗЫ ПО ПОЧТЕ

Адрес: 332 Balboa Str. San Francisco, CA 94118

Т. (415) 668-4723

МАГАЗИН ОТКРЫТ ЕЖЕДНЕВНО

(кроме воскресенья)

С 10 до 6 ч.

Два типа культуры, Россия и коммунизм.

В настоящее время разгораются жаркие споры о том, как возродить Россию, допустимо ли говорить об общей виновности коммунистов в гибели России, всех ли их надо судить. Есть и такие люди, которые полагают, что создание Российской коммунистической партии укрепит Россию и обогатит её ещё одним недостающим элементом. В этой связи, как мне кажется, необходимо различать:

1. Коммунизм, как ложное учение, которое отрицает бытие Бога, боговоплощение Господа Иисуса Христа, бессмертие души, Страшный Суд. С точки зрения экономической коммунизм – весьма распространённый в человеческой истории тип утопии, и как ложь и утопия он должен быть безусловно осуждён.

2. Коммунизм, как политическая партия, которая, в зависимости от обстоятельств, может принимать весьма разнообразную окраску, от космополитизма и вражды со своим народом, до патриотизма. Политически коммунизм может создавать иллюзию укрепления страны, ибо политическая окраска для него не столь важна и он может выбрать ту, которая вводит народ в заблуждение. Объективно же и в политическом плане он не способен укрепить страну, и с этой точки зрения тоже должен быть отвергнут.

3. Совокупность конкретных людей, коммунистов. Каждого из них будет судить Бог – так же, как и некоммунистов. Мера нравственности каждого коммуниста

может быть открыта только его духовнику. Если же он совершил преступление государственного характера, то его должен судить соответствующий земной суд.

Учение о Павла Флоренского о двух типах культуры прекрасно выявляет главное в коммунизме как особой логичной **идеологии**, которая несовместима с христианством и возрождением России. Ценность его размышлений заключается в том, что он решает данный вопрос в общем плане строения культуры, а не исходя из сиюминутных выгод и пристрастий.

*

Происхождение культуры Флоренский связывал с религиозным культом, как исходной точкой. По мере отпадения культуры от религиозного культа она обмирщается, деонтологизируется, приобретает ложную самость. В пределах самой культуры нет критериев выбора. Нельзя, оставаясь верным культуре, то есть рассматривая её как первичный и самодовлеющий мир ценностей, принимать одно и отвергать другое. Для определения ценностей нужно выйти за пределы культуры и найти критерий, высший по отношению к ней. Таким критерием Флоренский полагал религиозный культ как единство трансцендентного и имманентного, рационального и чувственного, духовного и телесного („Философия культа“). Оставаясь замкнутыми в культуре, мы будем вынуждены принимать её всю целиком и должны тогда обожествить её и считать критерием всякой ценности, и в ней должны обожествить себя как деятелей и носителей культуры. „Так произошла западно-европейская гуманитарная цивилизация – гниение, распад и почти уже смерть человеческой культуры“ („Культ, религия и культура“). Отец Павел отрицал культуру как единый во времени и пространстве процесс, отрицал эволюцию и прогресс культуры в истории человечества. Он развивал учение о том, что в истории живут ритмически сменяющие друг друга два основных типа культур – средневековый и возрожден-

ческий. Названия эти Флоренский даёт применительно к наиболее известным конкретным выражениям типов культуры в истории. В основе средневекового типа культуры – религиозный культ Бога, этот тип культуры можно назвать Богочеловеческим. В основе возрожденческого типа культуры – культ человека, этот тип культуры, можно назвать человекобожническим. Признаки средневековой культуры объективного типа: целостность и органичность, соборность, диалектичность, динамика, активность, волевое начало, прагматизм (деяние), реализм, синтетичность и аритмология, конкретность и самособранность. Признаки возрожденской культуры субъективного типа: раздробленность, индивидуализм, логичность, статичность, пассивность, интеллектуализм, сенсуализм, иллюзионизм, аналитичность, отвлечённость и поверхностность. Возрожденская культура Европы, по убеждению Флоренского, закончила свое существование к началу XX века, и с первых же годов нового столетия можно наблюдать по всем линиям культуры первые ростки культуры нового, средневекового типа. Смена типов культур происходит в длительной борьбе, общественное и личное сознание может жить какое-то время совмещая, смешивая два типа культур, два взгляда на мир.

Основным законом тварного мира Флоренский считал закон возрастания энтропии, всеобщего уравнивания, смерти, Хаоса. Этому закону противостоит закон эктропии, жизни, Логоса. Средневековый тип культуры, коренящийся в религиозном культе, сознательно борется с человекобожнической культурой возрожденческого типа, несущей в своих глубинах начало Хаоса. „Вера определяет культ, а культ – миропонимание, из которого далее следует культура“. Задача культуры – борьба с законом мира, с Хаосом. Совершенно очевидно, что борьба Логоса и Хаоса – это борьба Христа и антихриста, христианской и антихристианской культуры. Современная культура, как порождение Возрождения, в отношении себя самой занимает позицию самообожествления, а в отношении культуры средневекового типа – нигилис-

тична.

„Всё то, что происходит кругом нас, – писал отец Павел 30 июля 1917 года А. С. Мамонтовой, – для нас, разумеется мучительно. Однако я верю и надеюсь, что исчерпав себя, нигилизм докажет свое ничтожество, всем надоест, вызовет ненависть к себе и тогда, после краха всей этой мерзости, сердца и умы уже не по-прежнему, вяло и с оглядкой, а, наголодавшись, обратятся к русской идее, к идее России, к Святой Руси /.../. Я уверен, что худшее ещё **впереди**, а не позади, что кризис еще не миновал. Но я верю в то, что кризис очистит русскую атмосферу, даже всемирную атмосферу, испорченную едва ли не с XVII века“. Совершенно очевидно из этого, что Россия, по Флоренскому, должна нести культуру Христа, Логоса, культуру средневекового типа: русская идея – Святая Русь. Другое дело, как Россия исполняет свое призвание.

В первом приближении данные „культурологические“ взгляды отца Павла представляются свехоригинальными, чуть ли не намеренно необычными. Однако они лишь наиболее ярко высветили то, к чему издавна подходила одна тысячелетняя традиция русской мысли, берущая свой исток от слова святителя Иларiona „О Законе и Благодати“. Но нам представляется более важным показать библейскую традицию, к которой восходит учение отца Павла о двух типах культур.

Родоначальники двух типов культур – сыновья Адама: Авель и Каин. Тип средневековой, Богочеловеческой культуры, можно представить в виде следующего генеалогического ряда: Авель, Сиф → Енос („тогда начали призывать имя Господа“, Быт. 4, 26) → Каинан → Малелеил → Иаред → Енох („ходил пред Богом“, „Бог взял его“, Быт. 5, 21-24) → Мафусал → Ламех → Ной („он утешит нас в работе при возделывании земли“, Быт. 5, 28; „был человек праведный и непорочный в роде своем“. Быт. 6, 9-10) → Сим → Авраам → Давид → Господь Иисус Христос. Апостолы (Сошествие Святого Духа, Деян., 2, 1-4) – христиане; цель – вхождение в Царствие Небесное, построенное

ние Небесного града Иерусалима.

Тип возрожденской, человекобожнической культуры, можно представить в виде следующего генеалогического ряда. Каин → Енох → Ирод → Мехиаель → Ламех → Иавал (отец живущих в шатрах со стадами), Иувал (отец всех играющих на гуслях и свирели), Тувалкаин (был ковачом всех орудий из меди и железа) (Быт. 4, 20-22)... → исполины от смешения сынов Божиих с дочерьми человеческими → Хам → Хуш → Нимрод („силен на земле... сильный зверолов“, Быт. 10, 9) → строители Вавилонской башни (Быт. 11, 1-9) → язычники, изменившие славу нетленного Бога в образ, подобный тленному человеку (Рим. 1, 23); иудеи, ожидавшие Христа как земного царя → Вавилон, великая блудница (отвергшие Господа Иисуса Христа иудеи и язычники); цель – устройство царства земного, построение земного Иерусалима, как города господства над остальным миром, построение Вавилонской башни, как превозношение пред Богом.

Различие представителей этих двух генеалогических рядов заключается в их противоположной духовной ориентации: к Богу и к человеку. Между представителями двух генеалогических рядов нет преемства, хотя в истории они существовали одновременно, в различное время создавая преимущественно тот или иной тип культуры. Совершенно очевидно, что концепция Флоренского о двух сменяющихся типах культур, о борьбе Логоса и Хаоса восходит именно к данным библейским генеалогическим родам, преемство внутри которых определяется лишь иногда преемством рода, но всегда – духовным преемством. В генеалогическом ряду культур, берущих своё начало от Авеля и Сифа, находит своё место культура христианская, и в частности, культура Святой Руси. В генеалогическом ряду культур, берущих своё начало от Каина, находит своё место новоевропейская антихристианская культура, завершающаяся нигилизмом, и в частности „большевизм, требующий устроиться как-нибудь иначе“, без веры во Христа и Царствие Божие. Именно в этой коренной противоположности типов культур при-

чина несовместимости христианства и коммунизма, христианства и автономного мира культуры.

Москва, 1990 г.

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

**Независимый русский православный
национальный журнал**

Подписка на журнал в США и Канаде на 1 год:

1. С пересылкой простой почтой — 24 ам. долл.
2. С пересылкой воздушной почтой — 39 ам. долл.

Цена отдельного номера в розничной продаже — 7 ам. долл.

Желающих содействовать бесплатной передаче журнала в Советский Союз просим увеличить подписную плату насколько кто может.

Просьба чеки выписывать на: "1000 Anniversary Committee"

Подписную плату следует посылать:

"1000 Anniversary Committee"
322 West 108 St.
New York, N.Y. 10025

После „Римской встречи“

Во встречах за границей советских граждан с бывшими соотечественниками – по нынешним временам – нет ничего удивительного. **Гласность** раскрыла уста даже валаамовым ослицам от официальной идеологии, спешно „перестраивающимся“ и вещающим на международных форумах подчас прямо противоположное тому, что они защищали столь ревностно совсем недавно. Вакханалия косноязычного красноречия захватывает всё большее число деятелей, которые спешат высказаться не только в беспардонно-„демократической“ прессе „в стране“, но – за границей особенно, дабы не упустить времени, приобрести себе соответствующий ореол. В первоначальной эйфории „перестройки“ зарубежные контакты такого рода были особенно одноцветными, однородными, встречами – как правило – вчерашних личных друзей и вчерашних единомышленников: Копенгаген, Кёльн, Париж, Барселона...

Так, например, „западно-восточная встреча“ в Барселоне (1988) трогательно объединила Е. Эткинда и В. Коротича, А. Стреляного и К. Любарского, А. Нуйкина и А. Синявского. Официально встреча именовалась – „Куда идёт Советский Союз?“, но участники предпочитали говорить о „Советской России“, как о „стране, давшей миру живопись Малевича, Кандинского, Шагала, театр Мейерхольда и Вахтангова, кино Эйзенштейна и Довженко“ (см. «Время и мы», № 103). Мы процитировали непременно участника всех академических и неакадемических кон-

грессов, съездов и встреч в разных странах мира (теперь – включая его бывшую родину) Ефима Эткинда. Давний недруг «Вече», он не преминул и на сей раз задеть альманах, почему-то особенно его раздражающий. Упомянув о полемике вокруг очередного нобелевского лауреата по литературе, Е. Эткинд пишет, что де советский спецкор из Бонна „собственно цитирует русский журнал «Вече», назвавший стихи Бродского 'словоблудием' “. И наставительно замечает: „Для красной (!) «Комсомольской правды», как и для коричневого (!) «Вече», Бродский – чуждый русскому духу графоман... Скажем прямо: объединяет их антисемитизм...“ Е. Эткинд явно поспешил с обобщением. Да и мог ли он предвидеть, что одним из организаторов очередной „западно-восточной встречи“ – на сей раз в Риме – будет именно **красная** «Комсомольская правда», в то время, как „в стране“ по Центральному телевидению передают интервью с главным редактором «Вече» О. А. Красовским и московским представителем «Вече» В. Н. Тростниковым (притом, что единомышленник Эткинда Любарский в интервью «Московским новостям» провокационно именуется альманах „нацистским“, увеличивая тем самым „нездоровый интерес“ к нему со стороны русских читателей на родине).

На организованной, – безусловно, **красной** «Комсомольской правдой» (и не менее красной, несомненно **комсомольской** «Юностью») вкупе с „диссидентским“ «Континентом» – Римской встрече были участники прежних конференций А. Стреляный и В. Страда, не было А. Синявского, но был Вл. Максимов. Отличающихся наклоном к кликушеской истеричности К. Любарского и того же Эткинда не пригласили, так как уже само их присутствие очень уж нарушило бы общий тон: ведь эта встреча посвящалась поискам – **национального примирения**.

Была и „сверх-задача“: один из организаторов встречи, Эд. Лозанский (человек с сильным американским акцентом, как это часто бывает у новейших советских эмигрантов, поселившихся в США) заявил в своём вступительном

слове буквально следующее о „главной цели этой конференции“: „вывести эту страну (т. е. СССР) из хаоса и привести снова в лоно цивилизации и демократии“. Это и было господствующим **настроением**, лейтмотивом практически всех выступлений, за исключением двух-трёх, в которых была сделана попытка перевести разговор в другую тональность.

В заключительном комментарии „исполнительных директоров“ Комитета „Национального согласия“, образованного в результате встречи – того же Эд. Лозанского и обозревателя «Комсомольской правды» А. Афанасьева – констатировалось присутствие людей, „исповедающих порой полярные убеждения“ (очевидно – полярно противоположные?), но это было явным преувеличением. В целом состав участников отражал умонастроение тех самых московских кругов, которые в частности, создали недавно так называемый комитет „Граждане против фашизма“ (Леонид Гозман, В. Васильев, С. Аверинцев), немедленно потребовавший закрытия „ультра-правых изданий“, как «Наш современник», тех кругов, в которых принято „математика Игоря Шафаревича“ именовать „одним из идеологов русского нацизма“. Поэтому присутствие на встрече Вл. Солоухина, В. Крупина, В. Астафьева вносило явный диссонанс в общий слитный хор.

Но для организаторов Римской встречи было важно заручиться подписями под совместным Обращением таких известных и авторитетных русских писателей, которые, вдобавок, прославились и своими яркими публицистическими выступлениями.

Национальное примирение мыслилось, как своего рода „переброска моста“ между Советским Союзом и Российским Зарубежьем, которое было представлено такими фигурами, как Вл. Максимов, Н. Горбаневская, Вл. Буковский и Л. Плющ (не приехал на встречу, хотя и прислал телеграмму М. Ростропович); между тем, советская делегация включала главных редакторов главных „перестроечных“ изданий (С. Залыгин – «Новый мир», Г. Бакланов – «Знамя», А. Дементьев – «Юность»), акад. Д. С. Ли-

хачёва, Ч. Айтматова – в качестве „члена Президентского Совета“. Трудно сказать, насколько было это общим их мнением, когда А. Дементьев говорил – „для нас, русских, советских людей“, а акад. Лихачёв рассуждал о „советском народе“...

Встреча была задумана широко – к участникам её обратились с приветственными посланиями не только Президент Итальянской Республики Ф. Коссига, но и Президент СССР М. Горбачев и Председатель Верховного Совета РСФСР Б. Ельцин (приславшие своих представителей). Напомнив, что „на древней земле Италии“, в Риме, „по давней традиции вдохновенно работали выдающиеся мастера российской культуры“ – М. Горбачев в своём послании писал: „здесь собрались писатели, общественные деятели – как ныне живущие в СССР (?!), так и выходцы из нашей страны...“ Этим „выходцам“ – будто бы „в самых дальних пределах не забывающих родную землю, боли её и радости“ – был дан щедрый аванс такой аттестацией. И всё же, осталось впечатление – в конечном итоге „гора родила мышь“: и никакого существенного примирения не произошло (да и не могло произойти при таком составе участников и доминировавшего настроения), и резонанса – в западной печати, по крайней мере, – не было никакого.

Статья-отчёт в «Комсомольской правде» (31. 10. 90) у читателей в Советском Союзе оставила, по всей видимости, странное ощущение. Общий тон статьи – эйфорический, ведь газета была одним из организаторов этой встречи в Вечном Городе „знаменитостей“, „известных фигур“: тут и „знаменитый русский художник Шемякин, проживающий в Нью-Йорке“, и рядом „другая (!) русская знаменитость – писатель Астафьев, живущий в сибирской деревне Овсянка“. Главное же, выросшие, наконец-то, до размеров истинных героев и для советской публики эпохи „гласности“ такие персонажи, как Эд. Лозанский, знаменитый тем, что „шесть лет подряд не давали выехать к нему его жене“.

„Нью-Йорк протягивает руку Овсянке...“ – согласно

«Комсомольской правде». Скромная „Овсянка“ становится здесь своеобразным символом российской провинциальной запущенности, явно пасующей перед блистательной границей...

Писателей, столь славных на родине, здесь **оправдывают** в каком-то заискивающем перед „выходцами“ тоне: дескать, в годы застоя были и такие, кто „помогал народу осознать себя, помогал хотя бы не оскотиниться...“ **Так** – писать о присутствовавших на встрече Вл. Солоухине, В. Астафьеве? Похоже, что в оценках и суждениях советских „перестройщиков“ начинает доминировать некая новая шкала ценностей. Действительно, как понимать эти неумеренные восторги комсомольских активистов, что де, благодаря этим **западным** „знаменитостям“ „можно получать для страны и валюту, и технологию“. Вот, дескать, и сам (!) Буковский пообещал вложить „солидные средства“ – как тут не замереть от восторга (даже если и отмечают трезво у этого „обаятельного седого человека“ „замашки... московского пахана“...). И всё это венчается таким гимном „консенсусной истине“ (?!!) – „когда две правды равны“.

В статье критика И. Золотусского о встрече («Литературная газета», 7. 11. 90) подчёркивалось, будто всё сейчас зависит от состояния умов интеллигенции: „Если интеллигенция не помирится, то и народ не помирится. Потому что разжигает народ – она, бросает в народ идеи – она“. Парадокс можно усмотреть в том, что народ имеется в виду – русский, но „интеллигенция“-то, в своём подавляющем большинстве, была и остаётся **советской**.

Лишь в двух-трёх выступлениях эхом прозвучал давний призыв Ф. М. Достоевского, который очень нелишне вспомнить именно сегодня: „смирись, гордый человек“, преклонись перед **народной** правдой... Но современный интеллигент остаётся всё таким же, каким его описывают в «Известиях» (23. 11. 90): „это человек, для которого национальная и сословная принадлежность, принадлежность к определённой конфессии (в данном случае православной)... никогда не служили средством самоутверж-

дения“. Вот так и болтается наш будто бы интеллигент – без „принадлежности“ ни „конфессиональной“, ни национальной – о какой же **высшей** правде может идти речь? Вот, разве что о „консенсусной“. Римская встреча и осталась в целом собранием вне-конфессиональной и вне-национальной интеллигенции.

Показательным было то, что вступительный доклад прочёл **итальянский** славист и политолог проф. Виттирио Страда – „Пост-коммунизм и национальная проблема в России и в СССР“. Констатировав факт, что в Риме собрались „русские и нерусские, советские и несоветские“, для обсуждения одной из самых жгучих проблем современности, докладчик-итальянец предложил свои ответы на вопрос: что значит быть **русским** и **советским** сегодня. Постановка вопроса весьма злободневна, хотя далеко не со всем сказанным можно согласиться. Обличая „шовинистические тенденции“ и „имперское сознание“, свойственные – как он считает – „русской идее“, как таковой, и отметив, что русская история подразделяется на три этапа – допетровская Русь, Империя и последние 70 лет – В. Страда высказал пожелание о рождении „четвёртой России“, которая бы не была „Третьим Римом“. С его (то есть, с просвещённой западной точки зрения) это и будет возвратом России в „демократическую, социалистическую, христианскую Европу“.

То, что в программе было названо „со-докладом“ – с советской стороны – И. Виноградова, на самом деле было бледными, вялыми, никак не организованными рассуждениями „на тему“. Начав со странного утверждения, будто бы среди участников встречи „нет не-патриотов“, „докладчик“ позволил себе ряд неоправданных выпадов против общепризнанных выразителей патриотической линии в современной русской литературе и мысли – В. И. Белова и Вал. Распутина. Свою собственную, весьма двусмысленную „позицию“ он выразил следующим образом: „Я по своим убеждениям считаю себя близким славянофилам, продолжателем почвенничества. Но в настоящее время осуществление этого (?) возможно лишь на путях запад-

ничества“. И это было заданным лейтмотивом почти ко всем практически последовавшим выступлениям как советской, так и „не-советской“ стороны: отделение идеи русской национальной культуры от идеи тотальной (?) имперской государственности.

К сожалению, и в наиболее „концептуальном“ выступлении, академика Д. С. Лихачёва – которое можно считать настоящим „со-докладом“ на встрече – лейтмотив оставался тем же. Вслед за Н. Бердяевым, Д. Лихачёв делает акцент на парадоксах отечественной истории и нашего национального характера. Это позволяет ему верно констатировать многие важные моменты в **русской судьбе** и в то же самое время, „снимать“ их утверждениями прямо противоположного свойства. Уже у автора „Истоков и смысла русского коммунизма“ за такой игрой парадоксов скрывалась концепция соблазнительная, уводящая в сторону от постижения истины...

Выступая с позиции едва ли не прямого „советника Горбачева“, явно поддерживая **современную государственную** точку зрения (не отсюда ли – пользование выражением „советский народ“?), при своих размышлениях о **прошлом**, о русской истории, предмете более полувековых профессиональных занятий, акад. Лихачёв практически отвергал значение государственного начала, послушно следуя „антиимперской“ настроенности подавляющего большинства участников встречи. Между тем, казалось бы, кому как не ему – общепризнанному сегодня авторитету в вопросах национальной русской культуры – указать на подлинное величие и грандиозный смысл императорской России! Указать на главные **уроки**, какие можно и должно извлечь из этого богатейшего, уникального в своём роде опыта, – что так необходимо в наше время!

Проблема исключительно важная и как никогда злободневная. Действительно, как можно видеть из материалов советской прессы, наиболее серьёзные силы в стране понимают необходимость сохранения „Союза“, единства территориального и политического. При этом, они апел-

лируют ко всем несомненным **преимуществам**, какие были унаследованы от **Империи**, но – стремятся положить чёткую грань между грандиозным имперским прошлым России, исполненным действительного величия и истинной державности, отрицая всё это с неистовством почти 20-х годов, – и „священным“ (для кого?) 70-летним наследием коммунистического СССР, на самом деле подлинного **концлагеря народов**, которому необоснованно и совершенно незаслуженно приписывают реальные преимущества некогда реально существовавшей империи.

Анти-имперское мышление типично для доминирующих сегодня в „общественном мнении“ (то есть **навязываемых** средствами массовой информации) либерально-республиканских настроений; оно, можно сказать, заменило – в качестве **открытого** лозунга – прежний широко прокламировавшийся антиклерикализм. Более того, „анти-имперскость“ стала своего рода индикатором, проверкой на верность этим самым либерально-республиканским „убеждениям“, – что, в российском контексте, ещё раз подчёркивает поразительное сходство сегодняшних демагогов с их **предшественниками**, антимонархистами февраля 1917 года.

В нашем случае, когда речь идёт именно и прежде всего о России, всячески подчёркиваемая, акцентируемая, заостряемая **анти-имперскость** есть ни что иное как **разновидность русофобии**; точнее, одна из граней этого многогранного синтеза „ненависти и страха“ (И. Шафаревич). Поэтому столь бурные аплодисменты, переходящие в шаш, по поводу „крушения“, „распада“, „конца“ – „советской империи“, суть не что иное, как нескрываемая кроважидная радость о **конце России**. На этот раз, надеются, окончательном.

Нет, это не трагическая скорбь таких русских поэтов, как М. Волошин („С Россией кончено...“), не поэтическая ностальгия И. Бунина или И. Шмелёва, не патриотические усилия осознать причины и найти рецепт воскрешения, **воссоздания Св. Руси** И. Ильина или А. В. Карташева... Нет, совсем иное. Под видом прогрессистского радения,

на развалинах „последней колониальной державы“ творится самая настоящая **чёрная месса** по России – устоявшей, несмотря на нанесённые ей смертельные удары: неубитой, несмотря на физическое уничтожение десятков миллионов лучших её сынов и дочерей; неповаленной – даже и при чудовищном гипнотическом сне, поддерживавшимся десятилетиями, – по России, начавшей возрождаться духовно, а, значит, и с надеждой на воскрешение материальное.

Именно таким духом, увы, проникнут заключительный документ встречи, так называемое **Римское обращение**. В проекте документа, первоначально розданном участникам, и имевшем подзаголовок – „От распада к самоисцелению“, так и значилось в первом же абзаце: „Срок настал: распадается одна из величайших Империй в истории человечества...“

В публичном обсуждении этой первой, столь ответственной фразы, поэтесса Н. Горбаневская предложила синоним глаголу „распадаться“ – **кончаться**, но из зала В. Крупин резонно заметил: „а где гарантия?“ (Он же справедливо отметил, что „величайшая“ – для Империи „эпитет похвальный“...) В окончательном тексте читается так: „...в тот момент когда **заканчивается существование** одной из величайших империй в истории человечества и на её территории возникают новые государственные образования...“ Стилистически-схоластическая полемика вокруг **предиката** только подтвердила безупречную незыблемость **субъекта**: скрытый подтекст – фактическое отождествление СССР с „русской империей“ – что так явственно звучало в выступлениях подавляющего большинства участников, остался, повидимому, незамечен ни Вл. Солоухиным, ни Вл. Крупиным, наиболее страстно отстаивавшими в ходе „дебатов“ русскую национальную точку зрения.

Выступления „двух Владимиров“ – Крупина, который недавно возглавил журнал «Москва», и Солоухина, имя которого в России, без преувеличения, известно всем, как и в Российском Зарубежье, вызвали в зале наибольший резонанс.

Вл. Крупин справедливо отметил „неполноту“ в прозвучавших декларациях и пожеланиях, подчеркнув, что „тема России – больна́ и огромна“. Русский писатель убеждён, что „спасение – не из интеллигенции, а из так называемой провинции“. Интеллигенция, по его словам, „впала в грех властолюбия“, её путь – это путь гордыни, порой – сочинение новых религий. Поэтому он предложил условный ряд **подлинных** духовных авторитетов возрождающейся России: не Чаадаев, но Пушкин; не Белинский – а Хомяков; Тютчев, а не Чернышевский, и Киреевский, а не Писарев; Достоевский, но не Лев Толстой. Вл. Крупин привёл слова преп. Серафима Саровского – о необходимости прежде всего „спасти себя“: и тогда тысячи вокруг спасутся. „Нам ещё далеко не только до спасения страны, но и своего собственного“ – так он закончил своё выступление, „интонации и акценты“ которого не понравились некоторым участникам встречи.

Событием дня стало выступление Вл. Солоухина, говорившего ярко, темпераментно и убедительно. Сказав о несомненных и огромных переменах, происшедших в Советском Союзе – и не в последнюю очередь благодаря М. Горбачеву, которому заслуженно вручили Нобелевскую премию мира, писатель выразил своё убеждение, что сейчас страна „проснулась после чудовищного наркоза“, в каком она пребывала добрых 70 лет. Почему победил Афганистан? Потому, что это был афганский народ, а не население афганского государства – и победить его невозможно. В нашей стране задачей большевиков после 17-го года было: народ превратить в **население**, бездуховное и безнравственное. Это Ленин призывал к „переработке человеческого материала“; это Лацис – один из руководителей кровавого ЧК – заявил о цели этой организации: мы не наказываем, мы уничтожаем. И уничтожение производилось в неслыханных масштабах: уничтожение народа, духовенства, интеллигентной молодёжи. Не только русских, и не только в самой России. Вместе с тем уничтожались и памятники старины, прежде всего храмы – только в Москве снесли 427 православных церквей. Что,

если бы сделали такое сейчас – в Риме, включая собор Св. Петра?! – воскликнул Вл. Солоухин. А ведь храм Христа Спасителя в Москве был для нас ничуть не менее важным! И всё это делалось для того, чтобы превратить народ в бездушных роботов, уничтожить его, как духовную, нравственную категорию. С горечью и гневом Солоухин констатировал, что сейчас – когда задача писателей заключается в постепенном возрождении **народа**, едва русский писатель начинает проповедывать идеи национального возрождения, как его сразу же начинают обвинять в национализме, шовинизме, антисемитизме. Так было с Валентином Распутиным, одним из лучших русских писателей, едва он встал на этот путь. „Наша задача, русских писателей, – сказал он в заключение, – до последнего дыхания стремиться к возрождению русского народа. Погодите хоронить русский народ, он ещё существует!“

Тем более досадно было – после столь страстного выступления в защиту русского имени и русского единства – видеть подпись автора „Писем из Русского музея“ под Римским обращением, как и подписи его несомненных идейных единомышленников В. Астафьева и Вл. Крупина.

Досадно, потому что они слышали, и не возразили когда В. Буковский произнёс на председательском месте: „Как русский (!), я не вижу трагедии, если между Россией и Украиной поставят пограничный столб“. (Возразил ему, между прочим, **еврей** – Г. Бакланов, который, напротив, справедливо видит здесь возможности „тысячи трагедий“). В. Буковский, – в качестве стопроцентного западного человека – снисходительно указал на „забавные ошибки“ советской печати, не понимающей, что „при демократии вы не обязаны уважать мнения других; это просто возможность иметь **свои** мнения“... Вольно известному диссиденту иметь **свои** мнения – и об „империи“, и о всех прочих материях; но в данном случае имело место несомненное **навязывание** вполне определённой точки зрения определённой группы (организаторов Римской встречи) всем участникам её.

Действительно, вот и Н. Горбаневская, выступая от имени русских (?!), внушала: „Мы не должны, как русские, желать империи, ибо этого не желает русский народ...“ Или: „Империя вредит (?!) больше всего русскому народу...“ Быть может, уместно здесь вспомнить, что участники вошедшей уже в правозащитную легенду демонстрации на Красной площади 1968 года – против вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию – демонстрировали под лозунгами: „Нам стыдно, что мы – русские“. Теперь, попрежнему „обыгрывая“ свою будто бы **русскость**, заграничные правдолюбцы вещают от имени русского народа.

Впрочем, и отечественные „русские“ – тоже. Вот называвшийся выше И. Виноградов, провозгласивший в своём заключительном слове: „Мы, как русские писатели (?!), не можем призывать другие нации, чтобы они оставались в союзе с нами“.

А щеголяющий сомнительными парадоксами А. Стреляный с вызовом бросил в зал: „Почему бы и не хвалиться русским патриотизмом, если нечем больше...“

Конечно, сей густой букет русофобских высказываний был сильно разбавлен рассуждениями „вообще“, но доминировавшая „антиимперская“ тенденция определила и направление работы Римской встречи, и содержание и стиль финального документа. При том, что Г. Бакланов резонно заметил при его обсуждении, что слова о „имперском тоталитарном мышлении“ будут восприниматься, как относящиеся к мышлению **российскому** – хотя этот „тоталитаризм мышления“ наблюдается сегодня во многих республиках (пример, приведенный им – отношения между Грузией и Абхазией).

Итак, нынешние демократы, либералы, – в том числе и участники Римской встречи – желают всеми силами **конца** „Империи“, твердят о необходимости её „демонтажа“ (Ю. Афанасьев). И уже неважно здесь, советские или „не-советские“, подчёркивающие свою будто бы „русскость“ или выступающие глашатаями „уездных желаний какого-нибудь малого народа приобрести себе во что бы то ни

стало равные со всеми другими нациями государственные права“, говоря словами К. Леонтьева. Тот же Леонтьев в другом месте писал с такой же уничтожающей определённости: „Мы говорим **либерализм** – **просто**, не прибавляя эпитета **русский**. Это преднамеренно и понятно. Всё созидующее, всё охраняющее то, что раз создано историей народа, имеет характер более или менее обособляющий, отличительный, противопоставляющий одну нацию другим... Всё либеральное – бесцветно, обще-разрушительно, бессодержательно в том смысле, что оно одинаково возможно везде“.

Это мы и имеем сегодня: под флагом „национальной независимости“, восстановления национального суверенитета и прочими высокими лозунгами, активные участники (**лидеры**, несомненно) **национальных движений** – как они выявляются сегодня в пределах Советского Союза – работают над осуществлением всё той же унифицирующей, разрушительной по своей сути идеи, о которой писал более ста лет тому назад русский мыслитель. Разваливая „империю“ на куски (рассыпающиеся, в свою очередь), будто бы возрождающиеся к „новой жизни“, подводят тем самым свои народы к Новому Мировому Порядку, практически готовят унифицированные фрагменты будущей, уже всемирной „Супер-империи“, с единым Мировым Правительством, с единой философией – Прав человека, и единой „религией“ – потребления. Напрашивается вопрос: сознательно или бессознательно это делается? (В любом случае, чувство ответственности за судьбы Отечества должно побудить истинных патриотов серьёзно задуматься о смысле направляемых таким образом событий).

Римский наблюдатель
Рим, ноябрь 1990 г.

Николай Браун

Из сборника „Мордовский натюр-морт“

БРАУН Николай Николаевич родился в 1938 году в Ленинграде, в семье двух известных поэтов. Отец его – немецкого происхождения, мать – русская. В 1945 году был крещён по православному обряду. Закончил школу в 1957 г., Институт Культуры в Ленинграде – в 1962. Писать стихи начал рано, занимался также переводами с немецкого, английского, финского, польского. Его переводы из Ф. Гельдерлина получили высокую оценку специалистов. Он неоднократно встречался с А. Ахматовой, встречался с Р. Фростом, приезжавшим в Ленинград. Вскоре после „чешских событий“ в 1969 году, Н. Н. Браун был арестован по обвинению в антикоммунизме, „террористических“ замыслах и пропаганде религии. Основанием для сурового приговора – по 70-й статье УК РСФСР – вероятно, явилась занятая обвиняемым воинствующая христианская позиция. В приговор были включены антисоветские стихи. Из друзей обвиняемого на суде, в качестве свидетеля, в защиту Николая Николаевича выступил В. В. Шульгин, бывший депутат Государственной Думы, один из принимавших Отречение у Николая II, видный писатель и деятель Белого Движения.

Свой 10-летний срок (1969–1979) Н. Н. Браун отбыл до конца – в Мордовии, на Урале и в Сибири. Среди написанного в условиях заключения – сборники стихов: „Камерная азбука“, „Мордовский натюр-морт“, „Уральский жертвенник“, „Сибирь не-матушка“ и другие. В неволе он стал одним из создателей российской общины, а также инициатором установления в полит-лагерях новой традиции – Дня протеста против ленинского Указа от 5-го сентября 1918 года об организации концлагерей, в итоге – Дня памяти жертв советских лагерей.

При большой смертности в лагерях Мордовии, Н. Н. Браун возил гробы до лагерных ворот, затем читал поминовение по усопшим или убиенным братьям-христианам. Им был посвящён написанный в это же время сборник стихов „Потаенная колокольня“. Нередко Николай Николаевич бывал представителем российской общины в разгар каких-либо внутрелагерных событий. Он приобрёл известность благодаря своим стихам и песням, которые пелись политическими заключёнными, а также как автор национальных гимнов. По решению международного ПЕН-клуба от 25 ноября 1974 года был принят в почётные члены этой писательской организации.

По отбытии ссылки, после долгих хлопот матери, он вернулся в Ленинград. По возвращении – с 1979 года, работал плотником, кочегаром, матросом-спасателем на Финском заливе, техническим оформителем. Репрессии продолжались и для отбывшего срок. В ноябре 1982 года Н. Н. Браун подвергся организованному нападению на него переодетых „неизвестных“, после чего с трудом восстановил здоровье. В последующие годы, после рабочих смен, Николай Николаевич занимался архивами, собирал неизданное. Выпустил несколько книг своего отца, не указывая своего имени как составителя. Несмотря на обыски, аресты друзей и режимный надзор, продолжает писать на „воле“, нигде не публикуясь. Сборники 80-х годов: „Петербургская хроника“, „Любовное посвящение без адреса“, „Молитва в темноте“, „Прорицание о Гибели Богов“, „Песня в метель“, „В новосмутье“, „Под российским трёхцветьем“ и ряд других. В настоящее время работает в Ленинграде.

Поэту Валентину З/К

На зонах, на пересылках –
не довелось нам встретиться.
Когда ты закончил двадцатник,
я начинал десятерик.
Но в лагерной людоверти,
бескормице, разнолетице,
Я от мордовских соузников
услышал стихов твоих крик.

Ты был из глины сиротства
 недаром вылеплен зоною
На круге колючего опыта
 российского материка.
Прошёл ты сквозь обжиг зоною,
 обкуренной, прочифирённою.
И дух неволи вдохнул в тебя
 лихой псевдоним: З/К.

Как титул многомиллионный,
 где многому – нет огласки.
В запястьях – боль от наручников.
 Бетонный карцера гроб.
Игра крупинок в баланде.
 Надзора окрик неласковый,
Взгляд в камеру, как на бациллу,
 с опаскою, в микроскоп.

Здесь встретив поэтов, ты принял
 словесного долга вериги
От тех, кто убит при побеге,
 кто в карцерах изнемог.
Впервые узнал ты здесь – Тютчева
 и Лермонтова книги.
Тянул срок с тобой Полежаев.
 Звучал и Есенин, и Блок.

Ты вышел, как в танце, на волю,
 обогащённый болью.
Чуть тронул клавиатуры
 безвыходно серых дней,
Чтоб вновь вернуться на нары,
 где пайка с граммами соли.
Стаканы дворов тюремных –
 стукачки-воли верней!

И, может быть, как в те годы,
бравурные рёвы симфоний
Твою оглушают зону, -
откуда не в города
Я вывез поэму „Гротески“
в памяти, как в ладони,
В сибирскую ссылку, чтоб кедром
её читать иногда.

„Вызывают на допросы.
Бьют и целят зубы выбить.
Вспоминаю: воздух зыбить
Сладким дымом папиросы.
Вот и кончились допросы“

„Вдаль ведомые колонны.
Лай людской и лай собачий.
И посёлок стооконный.
И тоской тысячетонной -
Небо в серых струях плача!“
„Юродивый в бушлате рваном
стал Родине живым экраном...“

8 мая 1987, Петербург.

Мордовские куранты

Бом...
Бом...
Бом.

Мордовские куранты -
По рельсе
Молотком.

Шагают арестанты
Вразбивку
И гуськом,
Вразбивку и гуськом.

К разводу,
На работу,
К проклятью своему -
Шагают зеков роты,
Как из тюрьмы
В тюрьму,
Как из тюрьмы в тюрьму.

Чтобы с эпохой вместе
Скорее разменять
Свои пятнадцать,
Десять,
И двадцать пять,
И пять,
И двадцать пять и пять.

У смерти на погосте,
Где нет оград,
Крестов,
Где только кости, кости
Их матерей,
Отцов,
Их матерей, отцов.

А где-то дети, жены,
Чей горестный уют
Там
Стерегут погоны
Такие же,
Как тут,
Такие же, как тут!

И поутру, как в сказке,
Нам слышится сквозь сон
В курантах башни Спасской -
Мордовской
Рельсы
Звон...
Мордовской рельсы звон.

Бом...
Бом...
Бом.

15 апреля 1972, Барашево.

На пересылке в Потье

Потьма, тьма, впотьмах, во тьме...
Всё темно в моем уме.

Бормочу и причитаю
И неистово молюсь
(Что там - времена Мамая!)
За поруганную Русь,

Где косточки расстрелянных -
Всюду, всюду, чуть поглубже копни.
За томящихся сегодня в этом мелеве
Под охраной солдатни.

За будущие жертвы,
Которых не избежать.
Чтобы воскресла из мертвых
Российская благодать.

Чтобы больше не звучало
В новоявленных умах
Безотрадное начало:

Потьма, тьма, во тьме, впотьмах...

3 мая 1970, Потьма - Барашево.

После расстрела

3 мая у мордовского лагеря №3 в присутствии
заключенных был расстрелян бежавший из
больницы Николай Баранов.

В Венгрии -
По женщинам и детям.
По безумцу беглому -
Вчера...
Вряд ли где еще на этом свете
Есть бесчеловечнее игра.

Но настанет время искупленья
Для России
И, в конце-концов,
Дети, может быть, без сожаленья
Расстреляют
Собственных отцов!

4 мая 1970, Барашево

Мордовским соловьям

Ах, соловьи, мордовские соловушки,
Вы мне сродни, союзники весны,
Ведь мы поём из-за колючей проволоки,
Вы - с той, а я - лишь с этой стороны.

Ведь мы поём из-за колючей проволоки,
Вы - с той, а я - лишь с этой стороны.

Я знаю, ваши курские соперники
С их трелями - давно вам нипочем,
Как мне мои беспомощные сверстники, -
Смесь графомана с пошлым рифмачом.

Как мне мои беспомощные сверстники, -
Смесь графомана с пошлым рифмачом.

Вы петь должны про эти ночи белые
И о любви, не знающей преград...
А здесь кругом - лишь лица помертвелые
Да кости, что в земле обнявшись спят.

А здесь кругом - лишь лица помертвелые
Да кости, что в земле обнявшись спят.

И, слушая сегодня ваше пение,
Я так скажу - врагам или друзьям:
Среди любых поэтов предпочтение
Я отдаю мордовским соловьям.

Среди любых поэтов предпочтение
Я отдаю
Мордовским соловьям!

1 октября 1970, Барашево.

В зоне Саровской Обители

Пути благодати неисследимы.
И подвиг святости не исчез.
Нет здешнего края без Серафима
И без саровских его чудес.

Саровский собор в безбожья годы
Разграблен был, но осталась там
С мощами Святителя колода,
Что он из дуба выдолбил сам.

В обители той, где жил он в затворе,
Налажен был выпуск „тяжелой воды“.
Сбылось предреченное им горе,
Взошёл мрак Антихристовой звезды.

А образ его, что спасён в ту пору, –
В Америке, в храме его сейчас...
Кто скажет, где камень, на котором
Он тысяченощно молился за нас?

И где икона „Умиление“,
„Радость всех радостей“ его,
Перед которой почил на коленях,
Встречая в Духе своё Рождество?

Где образ „Спаса“ восьмисотлетний,
Участник многих походов, битв?
Для нас – запретной зоны запретней
Весь край Серафимовых молитв.

Там Божия Матерь ему являлась,
Над кельей в бору простирая Покров.
Там страждущих душ исцелил он немало
Силою данных ему Даров.

Серафиме, наш отче, преподобный!
Предстатель в молитвах за нас – исцели,
Освободи от пленений злобных
Всех узников гиблой мордовской земли!

25. 3. 72., Барашево – 27. 3. 88., Петербург.

В редакцию «Вече».

...Хочу поправить, вероятно нечаянно вкравшуюся, ошибку в публикации Вашего журнала («Вече» №№ 36,37 – Протоиерей Н. Беляев, „Дневник“). Настоятелем Федоровского собора и Царским духовником был не Николай Афанасьевич, а его отец Афанасий Иванович Беляев. Он имел шестерых детей: Сергея, Федора, Николая, избравшего путь отца, Василия, который был дьяконом, Ивана и дочь Марию.

Афанасий Иванович Беляев жил в доме напротив Екатерининского собора, на углу улиц Колпинской и Оранжевой, вместе с семьями сыновей – Ивана Афанасьевича и Николая Афанасьевича. Беляевы занимали второй этаж этого дома, первый – принадлежал просвирне. На третьем этаже (помнится из рассказов родных) была кладовка и другие подспорные помещения, жил ли там кто-нибудь, сказать точно не могу, но когда в революционные годы приходили с обысками, то проходили мимо двери, которая вела в квартиру, со стуком и грохотом поднимались по лестнице вверх, рылись в шкафах и сундуках с одеждой и другими вещами.

Афанасий Иванович Беляев имел среди жителей Царского Села большой авторитет, его очень любили. Глубокая вера в Бога, огромная духовная сила сочетались в этом человеке с истинной образованностью и доброй душой. Он был очень уважаем великой княгиней Елизаветой Федоровной, часто навещавшей его, Царская Семья относилась к нему с большим расположением и доверием. Император, императрица и их дети приходили к Афанасию Ивановичу домой на исповедь. В знак великого смирения перед Богом, они входили в дом с чёрного

хода, просто и скромно одетые, обычно в чёрном. Хочется сказать о необыкновенной скромности Елизаветы Федоровны: она никогда не входила в дом с парадного подъезда.

Афанасий Иванович вёл дневники, отрывки из них он читал своим родным, рассказывал о том, что Император в беседах с ним нередко упоминал о дне своего рождения, совпадавшем с днём многострадального Иова, как бы предчувствуя, что в будущем ему суждено страдать.

Когда Царскую Семью ссылали, Николай Александрович предложил о. Афанасию сопровождать её, но Афанасий Иванович отказался потому, что был стар, очень болен и боялся оставить семью своего сына Ивана Афанасьевича с маленькой внучкой, болевшей астмой. Царской Семье сначала сказали, что их повезут на юг, поэтому они не взяли с собой тёплые вещи; сослали же их в суровые сибирские края. Возможно предположить, что это было сделано с целью создать лишнее неудобство и беспокойство.

В январе 1918 года на Крещение в Царском Селе был последний раз Крестный ход, его возглавлял о. Афанасий. Он шёл впереди, уже совсем больной, задыхающийся, нёс большой крест. Все ждали, что после участия в Крестном ходе его расстреляют, так как многих участников арестовали и казнили. Афанасий Иванович был готов к расстрелу ежесекундно, молился все ночи, семья очень беспокоилась, никто в доме не спал. Несколько раз приходили с обыском. Чудо, что о. Афанасия не арестовали. Взяли молодого священника, жившего напротив. Может, перепутали дом? Фамилия этого священника – Кочуров. Его вели с грубыми понуканиями, избивая, а следом бежал десятилетний сын и кричал: „Папочка! Папочка!“. Кочурова довели до ближайшего пустыря и расстреляли на глазах у сына. Мальчик сошёл с ума. В эти страшные дни Афанасий Иванович сказал родным, что уничтожил дневники. Великое чудо, что они сохранились. Может быть, он отдал их на хранение Николаю Афанасьевичу? Или о. Николай сумел что-то переписать у отца и сохранить?

Кому-то их передал, чтобы они не погибли?

Умер Афанасий Иванович в 1922 году от водянки. Вскоре после его смерти закрыли Федоровский собор. Взорвали его или перед самой войной, или во время войны.

Трудная и тяжелая жизнь была у Николая Афанасьевича. Сначала он служил в Федоровском соборе вместе с отцом, потом – в Екатерининском. Он был, по-видимому, настоятелем Екатерининского собора, в котором служил до своей смерти. Во время развернувшихся гонений на Церковь, его выселили из дома (это случилось вскоре после смерти Афанасия Ивановича), пришлось перебираться в ветхий домишко в Новую Деревню. С ним вместе жил другой священник, тоже лишённый всех прав. Сын о. Николая, чтобы получить высшее образование, отказался от отца, жена ушла вместе с сыном. Их обоих оставили в доме на Колпинской. Когда о. Николай случайно встречался на улице с сыном, тот отворачивался и переходил на другую сторону. Нельзя строго судить ни жену, ни сына – такое было время, но о. Николаю, конечно, всё это доставляло лишнее страдание. Пожилой и больной, он сам колол дрова, носил воду, часто голодал, жил на подаяния прихожан, тайком приносивших ему хлеб и молоко. Светлый, добрый человек, чтобы не навлечь беду за общение с ним на семью покойного брата, он встречался с родными летом, в поле, за деревней Славянкой после литургии. Это бывало во дни поминовения усопших. Отец Николай приходил на могилы отца и братьев: вся семья Беляевых была похоронена на кладбище, недалеко от церкви в этой деревне. Николай Афанасьевич умер в 1934 году от кровоизлияния в мозг, похоронен на том же кладбище в Славянке.

Николая Афанасьевича знали и любили люди. У места его захоронения часто во время церковного богослужения или после него можно было видеть молящихся, взрослых и детей, прикладывавшихся к кресту на его могиле. В предвоенные годы церковь и кладбище ещё существовали. Очевидно, во время жестоких боёв за Ленинград в

годы войны деревня и церковь были разрушены. После войны деревня Славянка перестала существовать. То место, где она была, застроено жилыми многоэтажками и заасфальтировано.

Екатерининский собор был закрыт в 1935 году, вскоре после смерти о. Николая. Взорвали его либо перед войной, или же в годы войны. На его месте стоит памятник Ленину. А дом на углу Колпинской и Оранжерейной был цел. Может за текущее десятилетие его снесли.

Всё это мне известно от моей матери, Беляевой Нины Николаевны, которая была женой Ивана Афанасьевича, сына о. Афанасия, и со дня свадьбы до 1919 безвыездно жила в доме свекра. Я дочь Н. Н. Беляевой от второго мужа, с которым она венчалась через несколько лет после смерти Ивана Афанасьевича.

Н. Лезженова, Москва, 2. 11. 1990 г.

ОБРАЩЕНИЕ К РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

После 70 лет порабощения безбожной коммунистической властью, силы русского народа, как физические, так и нравственные, подорваны. Экономика, экология, само существование некогда здорового, сильного и свободного государства на краю гибели.

Мы, русские православные за границей, считаем своим долгом и призываем всех патриотически настроенных соотечественников, кому не безразлична судьба России, всемерно содействовать православному возрождению

Родины.

Без духовного оздоровления, восстановления культуры, религиозного и национального самосознания, нельзя ожидать нормализации и других сторон жизни.

Сегодня, когда угроза гражданской войны, расчленения и раздробления России становится всё более реальной, мы должны протовопоставить разрушительным силам нашу соборность, православную веру и деятельную любовь к Родине.

После долгих лет беспамятства, в этот трудный момент болезненного пробуждения, нашему народу как никогда необходима вера в собственные силы, надежда на возрождение.

Мы уверены, что часть эмиграции, живущая ещё русской жизнью, сохранившая любовь и верность духовному наследию своих отцов и дедов, может внести свой вклад в процесс духовного возрождения и восстановления искажённого страданием и ненавистью Лица России.

Организованное в сентябре 1990 г. Св.-Николаевское общество христианского возрождения России, помимо оказания поддержки православным верующим в России для восстановления храмов и монастырей, развития христианской благотворительности и просвещения, планирует проведение конференций, выставок, докладов на религиозные, философские, культурные и другие темы, затрагивающие проблемы духовного возрождения России, с участием представителей культуры и православной общественности России и Зарубежья, а также многое другое.

С откликами, советами и за информацией просим обращаться:

Wladimir Knjazew
Ammerweg 56
4700 Hamm 1
Germany
Tel. 0 23 81 / 88 08 60

«В Е Ч Е»

**Независимый русский альманах
«Вече» с «Литературным приложением»
выходит 4 раза в год**

Условия годовой подписки:

в Европе	70 НМ
в США и др. заокеанских странах	40 ам. долл.
в СССР	60 рублей.

Пересылка простой почтой, в СССР – заказной бандеролью.

Доплата за пересылку воздушной почтой:

в США и Канаду	10 ам. долл.
в Лат. Америку, Африку, Азию	12 ам. долл.
в Австралию и Новую Зеландию	14 ам. долл.

Цена отдельного номера с приложением 20 НМ или 12 ам. долл. (в СССР 15 рублей)

ПОДПИСНОЙ ТАЛОН

Желаю оформить годовую подписку на альманах «Вече» с приложением, начиная с №

Фамилия, имя

Адрес

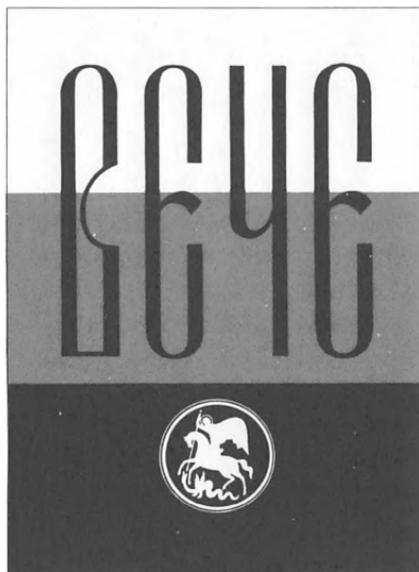
.....

Заполненный талон, направлять:

Frau V. Dreving (für «Veche»),
Gumbinnenstr. 8, 8000 München 81, West-Germany

Чеки выписывать: Russischer Nationaler Verein e. V.

ЛИТЕРАТУРНОЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 5

1990

Редактор О. А. Красовский

Издатель:

**Российское Национальное Объединение в ФРГ
Все права сохранены за автором.**

Herausgeber:

Russischer Nationaler Verein (RNV) e. V.,
8000 München, Theresien Str. 118 - 120
West Germany

Copyright ©

Russischer Nationaler Verein (RNV) e.V., 1990
München

All rights reserved

No part of this publication may be reproduced,
in any form or by any means, without permission.

Николай Л е з о

ГОРОД И ЛОСЬ

(драма-гротеск в шести действиях)

Действие первое

Надсадный вой сирены. На сцене мечутся цветные сполохи. Внезапно вакханалия цветозвука прекращается и сквозь крошечную тьму в сознание прорывается Голос.

Голос. 9 июля 1962 года в 09 часов 00 минут 09 секунд по мировому времени в центральной части Тихого океана на высоте 400 километров над островом Джонстон был произведен ядерный взрыв (условное наименование – операция „Морская звезда“). Начавшееся сразу же после взрыва

полярное сияние зафиксировали станции визуального наблюдения на островах Гилборта, Кармадек, Кука, Фиджи, Эллис, в Западном Самоа и Новой Зеландии. Солнечные батареи запущенного днём позже спутника „Телстар“ были разрушены протонами высоких энергий.

Против систематических ядерных испытаний, осуществляемых США, протестовали учёные многих стран. Именно поэтому заключение Московского договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой вызвало чувство глубокого удовлетворения у народов всего мира... мира... мира...

Лось. Имеющий уши да услышит! Люди должны знать, что с нами случилось, и что может случиться с ними... Были бы силы, писал бы в тетрадах. Кучу тетрадей бы исписал. Но у меня руки болят, кости болят, ручку долго держать не могу... Да что дневник, я бы книгу написал...

Рита. Толку-то! Из этого Богом проклятого дома не выйдет ни одна тетрадь, ни одна кассета. Всё, к чему мы прикасаемся, становится радиоактивным. Твой магнитофон и гитара светятся по ночам. Ты сам светишься, как собака Баскервиллей. Когда мы подохнем, а это, надеюсь, будет скоро, нас сожгут вместе с домом и твоими кассетами. Пригонят солдат, оцепят дом, дадут струю из огнемета и всё. Всё! Разве ты не видел, как это делается?

Лось. Первыми сюда придут чекисты и первое, что сделают, это конфискуют кассеты.

Рита. Первой здесь будет группа радиационной безопасности, которая блокирует дом, потом гражданская оборона.

Сухой щелчок прерывает Голос. Сцену заливают пронзительный, словно истекающий из атомного реактора, синезелёный свет. Он концентрируется возле продавленной кушетки, на которой ничком лежит Рита. Рядом с магнитофоном на коленях сидит Лось, перематывающий кассету.

Лось. И вот, представляешь, идёт Он! Красавец-сохатый. Млекопитающее семейства оленей, отряд парнокопытных. Длина тела до трёх метров, высота в холке до двух и двух десятых, вес до шестисот пятидесяти килограммов. У самцов большие лопатообразные рога, самки безрогие. Производятся опыты одомашнивания лося. В СССР охота на него ограничена.

Рита. Опыты, опыты... Если в первом акте охота ограничена, значит в последнем будет самая настоящая бойня. И рогоносца твоего лопатообразного убьют. Расстреляют из автоматов. А нет, так снайперы достанут... Я устала от твоего бреда. Ты уже тридцать раз мне это рассказываешь.

Лось. А ты тридцать раз спрашиваешь, как он мог пройти „колочку“ с высоким напряжением, миновать кордоны и оказаться в нашем чертовом Городе – в зоне особого режима? Может, он суперагент ЦРУ с депутатским мандатом прикрытия. Может, у него пропуск комендатуры. Может, просто не сработала охранная сигнализация.

Рита. Зачем тебе всё это?! Эти воспоминания, в которых ты постоянно путаешься и каждый раз что-то ещё придумываешь. Эта дурацкая затея с дневником на магнитофоне, который никто и никогда не услышит. Никто и никогда! Это-то ты хоть можешь понять? Ты уже кучу денег извёл на кассеты, а всё фантазируешь.

Лось. А до них придёт Мурашко. Помнишь капитана из особого отдела там, на полигоне? Теперь он подполковник, начальник здешних особистов. Меня он помнит оч-чень хорошо!

Рита. Как интересно! Ты что, работал на него?

Лось. Он профилактировал меня и взял подписку о неразглашении факта вызова в особый отдел. Я вынужден был молчать.

Рита. За что же тебя так?

Лось. За нарушение режима секретности. Оказывается, я выболтал сведения, как он выразился, „частично раскрывающие характер нашей деятельности“. Обычно, когда спрашивали, кем я работаю, я отвечал – атлантом.

Держу, дескать, с другими такими же парнями небо на согнутых руках. Однажды, моя милая, шутка дошла до Мурашко. Вызвал к себе и нежно так спрашивает: А что это вы, Дмитрий Олегович, имели в виду под словом НЕБО? Небо, говорю, оно и есть небо. По словарю Ожегова – всё видимое над Землей пространство. В религиозных представлениях – обитель Бога. Но я – ведущий инженер проекта, член КПСС, атеист. По моему разумению это небесная твердь, которую мы, атланты, призваны держать на согнутых руках. Наша тяжкая работа важнее других работ. Из нас ослабни кто-то, и небо упадёт. Во тьме заплачут вдовы, повыгорят поля, и встанет гриб лиловый, и кончится Земля... Вот и я о том же, говорит Мурашко. В контексте сказанного выше небо прочитывается как аббревиатура: НЕ-БО, то есть НЕйтронная БОмба. А если учесть, чем вы занимаетесь, тогда совсем интересно получается. Пьяному ёжику ясно, что это намёк на профиль деятельности... Кстати, сказал он, есть такой афоризм: поднимаясь по социальной лестнице, крепче держись за перила!.. Я не угрожаю, просто думаю, что мы друг друга поняли...

Рита. Дурак твой Мурашко!

Лось. Это их работа – защищать секреты особо режимного предприятия. Из них ослабни кто-то, и секреты утекут. Потому и придёт за кассетами первым: а ну как я там ещё что-нибудь выболтаю. Для него утечка информации страшнее радиации.

Рита. Значит, ему тем более выгодно их уничтожить.

Лось. А вот этого он ни за что не сделает. Там его вальс.

(берёт гитару, поёт)

А на нашем столе только свечи горят,
А за нашим столом поминают друзей –
Тех, которым желают вернуться скорей,
Но которым уже не вернуться назад.

Здесь, у края земли наш надежный кордон.
Серебрятся рули у глобальных ракет.
Неба чёрный погон, ночь полгода – не сон,
И твоей городской фотографии нет.

Нас с тобой разделяют две тысячи вёрст.
Нас судьба развела в биографии две.
И тебе никогда на видать этих звёзд,
Что в ночной звездопад собирал я в траве.

А в стаканах горит неразбавленный спирт,
Что в разбитых сердцах удержаться не мог...
Над казармами нашими месяц висит,
Непохожий ничуть на взведённый курок.

Лось. Этот вальс я написал к свадьбе капитана Мурашко.

Рита. И что твой молодожен?

Лось. Он перепил тогда. Нёс какую-то чепуху. Сказал по секрету, что его невеста лишилась девственности в результате бытовой травмы. Только, тс-с-с! Никому!.. А наутро вызвал к себе. Есть у него кабинет такой хитрый в нашем корпусе, дверь с шифзамком. Набираешь код – и ты внутри. Стульев шесть, телефонов тоже шесть, один с гербом страны советов. На окнах шторы из парашютного шелка. На стенах Дзержинский с Горбачевым. Всё путём. Достал из сейфа бутылку „Столичной“, стаканы. За что поднять, говорит, хочу... Понимаешь, какое дело... Короче, за тебя выпить хочу. Достал ты меня вальсом, до самых печёнок достал. Людмила Трофимовна, супруга моя новоиспеченная, наказала, значит, беречь тебя. Если что, говорит, смотри мне, Мурашко! Так что, давай, поэт! За нас с вами и за хрен с ними! Маяковского вспомнил: „Поэт! Поэт! Вас объявили князем...“ В спецшколе, говорит, увлекался Маяковским...

Рита. А ты?

Лось. А что я? Пили на брудершафт. Я сказал, что брудершафт – это бутерброт на эшафоте. Позволил себе, так сказать, пошутить.

Рита. И что?

Лось. Закусили брусничкой. Ещё налил пальца на три. Сослался на Высоцкого. Дескать, „Столичная“ хороша от стронция. А он его, стронций этот, жуть как не любит. Особенно, если это стронций-90, который имеет обыкновение накапливаться в зубах и костях. Цезий он, между прочим, тоже не любит. Поэтому ходит с дозиметром. Вынул из кармана алюминиевый пенальчик. На, говорит, прими сувенир от меня. В нашем деле первая вещь!

Рита. А ты?

Лось. Спасибо, говорю. Огромное! Только нам это ни к чему, мы стационарный дозиметрический контроль проходим, диспансеризацию, профилактику йодистым калием... Нас все профилактируют, не только вы. Молочко, опять же, попиваем бесплатное. За вредность. А иначе как же. Иначе нельзя: солнце, воздух и вода – наша общая беда! Воздух, он у нас с радионуклеидами. В нём плутоний, цезий и стронций присутствуют. Правда, как утверждают медики, немного, в дозах, не превышающих нормы Всемирной организации здравоохранения. А нам много и не надо. Нам гамма-лучей достаточно, чтобы облысеть. Они у нас на объекте вместо солнечных... Язвишь, говорит, простить не можешь. Не обессудь! Ну, маху дал, перестарался. Так в нашем деле лучше перебдеть, чем недобдеть. Опять же на пользу тебе пошла профилактика. Помню, ещё ротный говорил: „В армии без пенделей – как без пряников!“ Выстроит нас на плацу, матом как загнёт: „Тут вам не здесь!“... Короче, не думай, я за тобой внимательно наблюдаю. Хороший ты человек, Дмитрий Олегович... Одного в толк не возьму: стихов своих почему не печатаешь?

Рита. А ты?

Лось. Сказал, что в части, касающейся пряников, абсолютно с ним согласен. Хорошая клизма вернёт нам полжизни... А в остальном, прекрасная маркиза... У нас в

институте на военной кафедре полковник Коломиец был, мы его Головонойцем звали. Любимая его присказка: „Кто носит майку „Адидас“, тот завтра родину продаст!“ Выстроит группу в коридоре и прочтёт проповедь по поводу нашего внешнего вида: „Сегодня физик в бороде, а завтра где? В эн-ка-ве-де!.. В аудиторию шаго-о-о-м арш! Приступаем к изучению 122-миллиметровой дивизионной гаубицы М-30. Гаубица, она есть орудие навесного боя, бьёт по параболе. Это как след от комара – писает, а не видать. Тут, мать вашу, всё зависит от косинуса угла наклону. Вы, физики, ни хрена не знаете, сам посчитаю“. И насчитал одну целую семьдесят три сотых. „Вопросы?!“ Извините, говорю, товарищ полковник, но косинус – функция, ограниченная пределами от минус до плюс единицы, откуда там семьдесят три сотых? Он – мат в три хода. „Вы ешшо зелёные, пороху не нюхали. А у нас под Сталинградом косинус, бывало, до пяти доходил!.. Так на чём мы остановились?“ А ему сзади: „На вашей матери, товарищ полковник!“... Воистину – чем больше в армии дубов, тем крепче наша оборона... Бороды заставил сбрить... Что же касается стихов, то, будучи глубоко засекаренным учёным, под именем Дмитрий Лось печататься не могу, а Лжедмитрием быть не хочу. И потом, я не профессиональный повар, просто хорошо готовлю отдельные блюда.

Рита. А он?

Лось. С удовлетворением отметил, что теперь мне верит. Любит меня. И я всегда могу на него рассчитывать, даже если он станет генералом... А насчёт НКВД я зря. Оно понятно, были ошибки, были перегибы. Но партия сама же их и осудила. Так что, теперь, слава Богу, всё тип-топ! Аля-улю!

Рита. И предложил тебе руку и сердце. Чистые руки, горячее сердце и холодную голову чекиста!

Лось. Он нормальный мужик. Я действительно на него рассчитываю. Мне больше не на кого рассчитывать. По большому счёту, конечно, его жаль. Но понять можно. Всё следы ищет, признаки попыток проникновения спец-

служб. У него, говорит, есть ориентировка о том, что противник в лице Центрального Разведывательного Управления Соединённых Штатов спит и видит, как бы подобраться к совсекретам нашего спецобъекта, подкрасться к нашим тайнам. Со спутников, сами понимаете, американцы не могут всю информацию зацепить, какую хотят. Знают, подлецы, что есть у русских в глухомани совершенно закрытый город с партийной организацией на правах райкома. Десятки километров в округе – мёртвая зона, тайга, ни одной живой души. Все перевозки нашей спецпродукции только ночью, со спецохраной, у которой приказ стрелять без предупреждения. Такой, понимаете ли, сказочный город в тайге. Хоть убейся. А что у нас здесь творится, как живём, что едим и чем дышим – тайна за семью печатями. Одна печать, кстати, у него, подполковника Мурашко, он ею сейф опечатывает. Вот и колотятся, бедолаги, ночей не спят, всё стремятся забросить сюда агента. А может, уже забросили. Такую вероятность нельзя исключать. Недаром же свой хлеб едят. Начальство с них, небось, тоже стружку снимает за отсутствие конечного результата. Вот и ходим с вами вокруг да около меча Дамоклова. И только его холодная голова, да острый аналитический ум могут выявить, предупредить и пресечь злые происки врагов... Так что, мужик он нормальный и я на него рассчитываю...

Свет меняется на теплый, и мы слышим Голос.

Голос. Секретно. Лично. В канцелярии не вскрывать. „Ведущий инженер предприятия почтовый ящик Щ-1302 Дмитрий Олегович Лось, член КПСС, образование высшее, кандидат физико-математических наук, профилирован путём вызова и беседы. Справедливость приведенных доводов признал полностью, о чём написал собственноручное объяснение...“

Звучит искажённый Голосом обрывок вальса – злая металлическая речь робота: „И тебе никогда не видать этих

звёзд, что в ночной звездопад собирал я в траве“...

Действие второе

Кушетка, на которой плашмя лежит Лось. Рукав его рубашки закатан. Рита готовит шприц, делает инъекцию. Плачет. Свет на сцене меркнет, становясь бледно-фиолетовым.

Голос. „Итак, все могут видеть, что я не желал ни обойти что-либо молчанием, ни затемнить своим изложением“. Цицерон. Речь в защиту Секста Росция... Дмитрий Лось. В прошлом комсомольский активист, капитан институтской команды КВН, ныне ведущий инженер проекта. На испытаниях специзделия получил критическую дозу облучения. Острый лучевой синдром. Мощная эритема - „ядерный загар“. Увеличена щитовидная железа. Кровоизлияние в оба глаза. Артериальное давление двести двадцать на сто двадцать семь - как в трансформаторе. Сэ доммаж! Жаль!.. Дымилась, падая, ракета, а от нее бежал расчёт. Кто хоть однажды видел это, тот хрен к ракете подойдёт... Помнишь, Лось, на вопросы команды соперников, в каком театре действие разворачивается вокруг одного актёра, ты ответил: в анатомическом! Сэ доммаж! Сэ доммаж!

Рита стоит в полосе света с листом бумаги в руках и читает вслух.

Рита. Здравствуй, мамочка! Безумно по тебе соскучилась, но ни писать, ни звонить не могла. Нас с Димой неожиданно послали в зарубежную командировку. Сама знаешь, как у нас было с деньгами, а тут подвернулась

возможность заработать... Димка сдуру купил „Тойоту“ цвета мокрого асфальта. У неё руль справа, как в Англии. Теперь учится ездить. Правда, недавно попал в аварию, но теперь уже всё хорошо. Каждое утро бегают до озера. Это ровно три километра туда и обратно. Он у нас теперь спортсмен... Ты спрашиваешь, когда лучше к нам приехать. Лучше следующим летом, потому что Дима снова оформляется за границу на год... Дочурка растёт. Смышлённая до ужаса. Недавно говорит: „Мама, смотри, у меня пальчики светятся. Что ли я Джуна?“...

Последние слова читает плача. Медленно рвёт лист на тонкие длинные полоски, роняя их.

Рита. ...Ну ладно, заканчиваю. Надо её укладывать, а то в садик завтра не проснётся. Такая она у нас соня, намучаешься, пока поднимешь... Целую тебя, родная! Пока!

Лось. Ну что ты травишь себя! Что ты меня казнишь! После всего, что произошло надеешься, родить ребёнка?! Ты – физик и прекрасно всё понимаешь!

Рита. Я – женщина!

Лось. Поздно, Рита, ты полюбила Лося...

Рита. Я – женщина!

Лось. Догадываюсь. Социологи установили, что пятьдесят процентов лиц, состоящих в браке – женщины. Но у тебя не будет детей. Ни от кого! Их убил Город. Он перемалывает людей в радиоактивную пыль, отравляет их тела и души. Мы сами принесли своих детей ему в жертву. Но ему нужны новые и он не остановится ни перед чем... Так вот, представляешь, идёт он. Таёжный бог! Рога широкие, бархатные. Я к нему. Здравствуй, говорю, брат! Ты лось? И я – Лось. Только, у тебя это имя, а у меня – фамилия. Лось Дмитрий Олегович, можешь просто – Дима. Димка Лось. Нуклеарный физик. Преступник против человечества, против жены, которая писает радиоактивной мочой и не может иметь детей. У тебя есть дети, лось? Молчишь?! У нас здесь в Городе

говорят: „Если хочешь быть отцом, защищай себя свинцом“. Правда, не совсем так говорят, похуже... Ну так вот, ты походишь здесь, побродишь, нахватаешься радионуклеидов и перестанешь быть мужиком. Пойдём к нам, с Ритулкой моей познакомлю, с красавицей моей радиоактивной. Так и светится вся! Водочки выпьем. Говорят, „Столичная“ хорошо помогает от стронция. Мне её приносят, оставляют в надёжном месте, а я ночью забираю чтобы подполковник Мурашко не прознал. Он-то, конечно, знает и называет это тайниковой операцией. Но главное для него, чтобы у меня прямых контактов с людьми не было. И у жены тоже. Потому что мы парии, неприкасаемые. Раньше с нами первыми здоровались, а теперь – ни-ни! Продукты оставляют. Китайские сосиски в банках. Тушёнку свиную с кашей, я её, кстати, терпеть не могу. Зелёный горошек фирмы „Глобус“. Лимоны тоже приносят, они от радиации хороши, кто не слишком этой радиации хватанул... Но переписка запрещена, телефон прослушивают, иногда просто отключают. Наш inferнальный Город ждёт, когда всё кончится само собой – тихо, спокойно, без конфликтов. То есть когда мы сами УЙДЁМ! Потом пригонят солдат, оцепят дом, дадут струю из огнемёта и всё... И останется от нас лишь горстка радиоактивного пепла... А я не хочу без конфликтов. Я хочу скандала, желательно международного, чтобы все знали, почём фунт лиха и как он по нормам Всемирной организации здравоохранения переводится в биологический эквивалент рентгена – в бэры! Ты можешь сказать, сколько лиха в одном бэре?

Рита. Ты куда его дел?

Лось. Кого, лося?

Рита. Партбилет куда дел? Звонили из парткома, спрашивали насчёт взносов.

Лось. ...Никак не могу вспомнить, куда делось крупное парнокопытное с бархатными рогами. Мы шли рядом, это я помню, а потом...

Рита. Что потом?

Лось. Потом тьма, пустота. Я должен вспомнить,

потому что его убьют... Сколько времени прошло? Неделя? Месяц? Оно протекло сквозь меня, это время, ушло, как из дырявого ведра. Провал в памяти, чёрная дыра. Где я был? Что делал? Что ел? О чём думал? Ведь думал же я тогда о чём-то, не мог не думать!

Рита. Тебя подобрала спецбригада, её вызвал Мурашко.

Лось. Душа-человек!.. *(Набирает номер телефона)*. Алло, партком? Здравствуйте, это Лось! Как у меня дела? Отлично у меня дела. Чем занимаюсь? Да песенки пою свои дурацкие. Чужие тоже пою. Дымилась, падая, ракета, а от неё бежал расчёт. Кто хоть однажды видел это... О-о-о! Вы всегда всё видите, всё замечаете. Жаль только, поздно... Почему я весёлый такой?.. Да, и это тоже... Проклятый стронций!.. А весёлый, потому что взносы вам заплатить не могу. У меня Ленин на червонце светится. Вот именно, и теперь живее всех живых. А я – труп! Живой труп! Вам нужен живой труп на платформе КПСС? Ах, у вас и так достаточно... Нет, в Демократический союз я не перешёл. И диссидентом не стал. Сил нет диссидентствовать. А что нужно вам от меня? Ничего не нужно. Червонец мой нужен? Два червонца? Я, кстати, премию получил за квартал *(кладёт трубку)*...

Рита. Зачем ты так?!

Лось. Но они же убили меня! Они тебя убили! Всем скопом, всем Городом! Начинают демагогией, кончают радиацией. Демагогией же и добивают, мирным атомом... Ускоренье важный фактор. Полетел к чертям реактор. И теперь наш мирный атом вся Европа кроет матом... Я, видите ли, поставил их в дурацкое положение – партвзносы не плачу, билет на стол не кладу. Приходите, заберите. Я не выхожу из партии, но уже и не могу быть в первых рядах. Сил нет. Бойтесь заразиться?! Снимайте деньги со сберкнижки, куда мою инвалидную пенсию перечисляют, и переводите в свою партийную кассу, мне всё равно их девать некуда, их у меня куры не клюют, а попробуют клюнуть – недели не проживут. Куры, они народ чувствительный к радиации...

Рита. Лось, а Лось! Ты же умный. Как же нам дальше-то?

Лось. Ещё в двадцатом году Герберт Уэллс сказал, что цивилизация мчится по пути, который пролегает между образованием и катастрофой. Я не хочу катастрофы! Я буду наговаривать на магнитофон свой дневник. Это жизнь, это смерть, это память. Я не хочу катастроф! Это моё дитя! У тебя есть ребёнок? А у меня будет. Назаконнорожденный будет, подкидыш. Как же его подкинуть, чтобы сам не погиб и людей не погубил?!

Рита. Где ты был ночью?

Лось. Не помню. Спал, вероятно.

Рита. Ты умный, Лось! Ты дал мне снотворного, дождался, когда засну и смотался. Куда ты ходил?

Лось. В Город ходил, в эту Дрьяньландию...

Действие третье

Рита и Лось сидят на кушетке. На коленях его магнитофон.

Рита. Я убила своего ребёнка. Даже не знаю, девочка это была или мальчик. Мать взъярилась. Дома скандал за скандалом, впору удавиться. Дескать, такая я растакая, в подоле принесла. Сначала диплом получи, на ноги встань, потом рожай... Высшая математика человеческих отношений... Влюбилась, как водится, на втором курсе. Он был на пятом. У нас говорили: сдашь сопромат, – можно выходить замуж. Ну, замуж-то, положим, тогда я не собиралась. Нам и так было хорошо. На руках меня носил. А в свободное от этого занятия время домучивал диплом и доводил до немыслимого совершенства движок своего скутера – готовился к чемпионату страны. Инсти-

тут опостылел уже к четвёртому курсу, и заканчивал он его, можно сказать, из-за меня, хотя я и так была рядом. Принёс как-то учебник из институтской библиотеки, а там посвящение: „Ну что тебе сказать, мой друг, ты сам ведь в этом виноват, что столько вузов есть вокруг, а ты попал вот в этот ад!“ Как раз, говорит, про меня. По мне, так уж лучше ходить с красной рожей и синим дипломом, чем с синей рожей корячиться на красный. Писал курсовую по тяжелой воде, плевался, говорил, что его вода тяжелее. Он был помешан на водомоторном спорте. Они, гонщики, садясь в скутер, должны надевать на левое запястье петлю, соединённую с чекой. Если выбрасывает из корпуса, разрывается цепь зажигания, мотор глохнет, и ты целый и невредимый вплавь добираешься до берега под радостное улюлюкание друзей и болельщиков. Чеку он игнорировал и петлю не надевал, мешала ему, видите ли петля. На последнем заезде его выбросило на вираже и порубило винтом. Вода красная от крови. Крики на берегу. И никто ничего не может сделать. Взбесившаяся „Пиранья“ ревёт мотором, мечется по воде и винт рвёт на куски моего Валерку... Я на третьем месяце была. Зарегистрироваться не успели, ждали, когда он диплом получит. Мать встретила, как подобает... Ну, и чтобы похоронить топор войны, я сделала аборт... А сейчас бы дочурка в садик ходила. Или сын...

Лось перебирает кассеты, возится с магнитофоном, включает его на запись.

Лось. Раз, два, три... Проба...Проба... Где-то есть Город, тихий, как сон. Пылью нуклеидной по грудь занесён. Цезий и стронций в зубах и в костях. В Городе этом – у смерти в гостях... Проба... Шутка... Вниманию всех, кто слушает эту кассету! Я, ведущий инженер проекта Дмитрий Лось, завещаю человечеству свой дневник. Я расскажу вам историю страшного Города. Вы не найдёте его на географических картах. Здесь в полусотне километров в округе нет ни одной живой души. Запретная зона.

Сюда ведёт только одна дорога... Все города мира созданы, чтобы жить в них, рожать детей, мечтать, слушать музыку и писать стихи. Этот Город построен, чтобы в нём работать. Здесь низка рождаемость, здесь не сочиняют музыку и не создают прекрасных полотен, потому что создают смертоносное оружие для разрушения других городов – тех, где работают, чтобы жить, а не живут, чтобы работать... Сюда ездят по спецпропускам те, кому их выдают. Здесь на Первомайские праздники вывешивают транспаранты „МИР! ТРУД! МАЙ!“...

Рита. Выключи, пожалуйста, я хочу поговорить с тобой.

Лось. Погоди, уйдёт мысль.

Рита. Это важно... Ты был у сына?

Лось. *(вздрагивая)* Ты всё знаешь?!

Рита. Не всё. Но я – женщина!

Лось. Как ты догадалась?

Рита. Я – женщина, Лось. Мне всегда нравились твои стихи. В них боль и тоска по женщине, которая от тебя ушла. Этот вальс ты посвятил ей.

Лось. Этот вальс я написал к свадьбе капитана Мурашко.

Рита. Но посвятил ей. Разве я не права?

Лось. Наверное, права, только я об этом не думал.

Рита. Как вы расстались?

Лось. Ты же сама сказала, что она от меня ушла. Разве не достаточно тебе собственных прозрений?

Рита. От тебя не уходят, Лось, ты – бросаешь!

Лось. Это неправда.

Рита. Правда. Уж я-то тебя успела изучить. Ты хороший, Лось, иначе я бы не поехала с тобой в этот Город...

Лось. Я много работал, спал по три часа в сутки, писал диссертацию, месяцами сидел на полигоне. А она любила компании, любила ходить в гости и приглашать их. Дома всегда было полно народу. Непризнанные гении и нераскрытые таланты, от которых некуда было деться, бесконечные дискуссии ни о чем, от которых пухла голова.

Расходились за полночь. Усталая, она ложилась, а я мыл тарелки, и потом работал на кухне до утра... Это был её мир, мне непонятный. Полусладкая жизнь. В соседней комнатухе, под светскую болтовню рос наш Юрка, который пугался каждого хлопка шампанского. Весёлые дяди и тети дарили ему шоколадки и игрушки, чтобы он сидел в своей клетке и не мешал интеллектуалам нести прекрасную чушь... Я чувствовал, что попадал в гости в собственный дом. Когда становилось невозможно, я, под предлогом дежурств, уходил от них и сидел в читалке, пока не закрывали библиотеку. Частенько ночевал у друзей или на работе. Придумывал себе командировки. Она не особенно возражала. Единственно, что её не устраивало, это то, что после всего этого мне было противно ложиться с ней в постель... Однажды, вернувшись из командировки, я увидел как сквозь щели в шторах в оставшийся с ночи бокал шампанского упирается луч солнца. Он разлагался в спектр и всеми цветами радуги расцветивал счастливую мордашку моей благоверной, мирно сопевшей в объятьях молодого гения. В соседней комнатухе среди дарёных игрушек спал вымазанный шоколадом Юрка. Я поцеловал его, он потянулся, сообщил: „Папочка, я сплю!“.. Если в первом акте появляется шампанское, то в последнем оно должно выстрелить!

Рита. И ты не захотел её простить? Хотя бы ради сына!

Лось. Я спросил, а как же сын? Она сказала, что сын не пропадёт, а я ей не нужен. Я был героем не её романа. Иди, сказала, строчи свою диссертацию, ф-физик! Дерзай. И я пошёл дерзать. Таскался по чужим углам, по друзьям, жил в общежитии у знакомых аспирантов. Воскресенья были для меня праздниками, потому что на полдня давали Юрку. Моя остроумная вдова звала его пай-мальчиком, намекая на отцовский вклад в общее дело воспитания ребёнка... Защитился. Новоиспеченному кандидату наук предложили Большое Дело в одной Хитрой Конторе, работающей на оборонную промышленность. Там я встретил обаятельную младшую научную сотрудницу,

которая однажды вечером, когда мы при свечах слушали Паганини, метко заметила, что с Резерфордом великого скрипача роднит не только канифоль.

Рита. Ты спросил, не хочет ли она быть с тобой навеки, а она ответила, что навеки не хочет, люди не живут вечно, но до конца дней согласна. И ты привёз её в этот Город...

Лось. ...В этот проклятый Город. И конец дней уже не за горами. Тот полигон и этот Город – одна цепь. Здесь мы что-то делаем, там что-то испытываем. Всё хорошо, прекрасная маркиза!

Звонит телефон. Голос Мурашко: „Мне нужен Лось!“

Лось. Я к вашим услугам, товарищ подполковник.

Голос. Не дури, Дмитрий Олегович. Ты знаешь, что я имею в виду. Счёт пошёл на секунды. Где он?

Лось. Что, счёт мой? В швейцарском банке. Время – деньги! Сумму, пожалуйста, прописью.

Голос. На что рассчитываешь, интересно знать?

Лось. Вы о чём?

Голос. Ты привязал к ноге животного пакет с кассетами. Зачем ты это сделал?

Лось. А как бы им ещё выйти из зоны? Вы же глаз с меня не спускаете...

Голос. За тобой уследишь!

Лось. (*торжествуя*) Так вы его не поймали! Ай-яй-яй, какая досада, какая жалость. Сэ доммаж! Как же ваши филеры его упустили? Как же вы шпионов-то американских ловить собираетесь, если за глупым советским лосем не доглядели?!

Голос. Ты хоть понимаешь, что наделал? Если он уйдёт, ситуация выйдет из-под контроля.

Лось. Какая такая ситуация? Из-под какого контроля? Секреты ваши попадут в чужие руки? Так я того и добиваюсь. Люди должны знать, что творится в этом проклятом Городе. Вы хоть телевизор-то смотрите? Челябинскую станцию по производству плутония для вооружений

рассекретили. Конверсия на дворе...

Голос. Диверсия у нас на дворе, самая натуральная ламбада. Подводные лодки меняем на „Пепси-колу“, Красную площадь в аэропорт превратили, армию разваливаем... Я, может, и узких взглядов придерживаюсь, зато вижу далеко. Ещё аукнется нам эта конверсия. А то, что касеты заражены, не тебе, физику объяснять!

Лось. Бросьте, Мурашко! Этот приём я знаю наизусть. Вы за тайны свои боитесь, за секреты печётесь. Вам что теорема Котельникова, что автомат Калашникова – один чёрт! А самое главное – на людей наплевать! Про таких, как вы, говорят: со мной не пропадёшь, но горя тяпнешь... Вам бы сторожем в зоопарк. А ещё лучше – директором. Вот был бы царь зверей. Всех бы по ранжиру, да по алфавиту рассадил. Быка с барсом, зайца с зеброй...

Голос. ...А лося с лебедем... Я понимаю, с чего ты так разошёлся. Небошь, не последний дурак. Ты время тянешь!..

Лось. ...А по выходным, когда посетителей нет, – строевой смотр на плацу. И улыбки у всех на ширину приклада. Кто недоулыбнулся, или вовсе хмурый от природы, того – на хлеб и воду. Тут вам не здесь!.. А если по культурному хотите, по интеллигентному, как вы любите, то традиция это инстанция для узаконения нашей ориентации. Видишь, как загнул!

Голос. Ладно, Дмитрий Олегович, я вижу нам с тобой не договориться. Раньше как-то умели, а теперь нет...

Лось. Раньше я был другим. Живым!

Голос. Ты рассчитывал, что сын выпустит его за колючую проволоку так же, как впустил?! Не выйдет! Сегодня он поставлен старшим поста и имеет команду применять оружие на поражение...

Лось. Нет! Не-е-ет!

Голос. Или пойдёт под трибунал!

Слышны резкие выкрики: „К животному не приближаться!... Сержант Лось, командуите!... Оружие к бою!“...

Действие четвёртое

В бледно-фиолетовом свете на кушетке лежит Рита. Лось делает ей инъекцию.

Рита. Ты не переборщил, Лось?

Лось. Нет. Сейчас отойдёт боль, и тебе будет хорошо.

Рита. Совсем хорошо?

Лось. Совсем.

Рита. Ты меня уже убил?

Лось. Ты уснёшь.

Рита. А ты пойдёшь в Город... Ты действительно собрался в Город?

Лось. Это бессмысленно. За домом следят, они просто не дадут мне выйти.

Рита. Но сам-то ты знаешь, чего хочешь?

Лось. Знаю. Мы будем спать...

Рита. И ты меня не бросишь, правда, не бросишь?!

Лось. Не брошу (*делает себе инъекцию, отшвыривает шприц*).

Рита. Я хочу тебе что-то сказать.

Лось. Не сейчас. Завтра скажешь.

Рита. Завтра не будет!

Лось. У меня мало времени, я должен успеть.

Рита. Себя ты тоже убил?

Лось. Мы заснём вместе. Тихо и спокойно, как будто не жили никогда. Через полчаса начнёт действовать. Я должен успеть.

Рита. Я тоже. Выслушай меня! Я разговаривала с твоим сыном. Он сам позвонил, когда ты спал. Я не могла тебя разбудить... Мы долго с ним разговаривали. Он очень хороший. Тонкий и ранимый человек. Совсем, совсем взрослый!... Ты зря не забрал его тогда. Он рано повзрослел и не выносил, когда рядом с матерью были мужчины.

Лось. Он не говорил мне об этом. И потом, это её жизнь, она сама этого добивалась...

Рита. Он – мужчина, ему нужен отец. Ты не должен был его оставлять.

Лось. Я подавал в суд. Суд решил, что он останется с матерью. Как и следовало ожидать. Я ничего не мог сделать. Разговаривать с ней бессмысленно, договариваться – бесполезно.

Рита. Как он попал в Город?

Лось. Пришла повестка в военкомат. Весной должен был призываться в армию. Написал, что попросится служить поближе ко мне, потом останется на сверхсрочную, это ещё пять лет, а дальше видно будет. Потому что с матерью он больше жить не хочет. Может, заочно в институт поступит, может, по военной линии пойдёт. Я вызвал его на переговоры, полунамёками, телефон-то прослушивается, рассказал про наш Город, что здесь всё обращается в прах, как золото дьявола.. Он настаивал на своём и я никак не мог его переубедить. В конце концов, подумал я, он ведь будет лишь зону охранять. Да и видеться мы с ним сможем. Хоть на расстоянии, но сможем. По телефону будем общаться... Дальше Мурашко помог.

Рита. Почему он это сделал?

Лось. У нас с ним особые отношения. Помнишь, я говорил, что он курировал наш полигон. Я тогда ещё вальс написал к его свадьбе. Он попросил взять жену в мою группу. Она закончила техникум, а мне как раз

нужен был специалист по вакууму... Мы доводили специзделие. Главк подгонял, требовал форсировать испытания, чтобы они могли рапортовать к 7 ноября. Ситуация для тех времён стандартная. Постоянно звонили по „ВЧ“, устраивали разносы, мол, не доложишь досрочно о положительных результатах, – пеняй на себя. Пенять на себя не хотелось. Работали сутками, торопились. Всё, как в той песенке: „Скачет птичка весело по тропинке бедствий, не предвидя от сего никаких последствий“... Последствия предвидел я. За полчаса до испытаний вызвал жену Мурашко и говорю: так мол и так, уважаемая Людмила Трофимовна, только что звонили из дома, мамаша просит разрешить вам отлучиться. Так что, передавайте бразды правления Володе и выдвигайтесь. С машиной пособить не могу, занята машина... Это я к тому, чтобы она, если даже и сообразит, не успела вернуться... Дальше шло по классике. Володя включил вакуумнасосы, осиротевшие без Людмилы Трофимовны. Ключ „На старт!“ Вспышка... Володю с Сашкой без сознания отправили в центральный госпиталь. Оба перенесли трепанбиопсию и пунктацию костного мозга. Кожа у них погибла от облучения, отмерли слюнные железы, выпали волосы и ресницы... Я получил дозу около 65 бэр... Врачи сказали, что бывает похуже. Отделался, так сказать, тяжелым испугом... Да, а Трофимовна-то наша! Вот где русская женщина! Коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт... Каскадерка, одним словом... Как мне потом, уже в госпитале рассказали, на свежем воздухе скоренько раскумекала, что я, дескать, отмазать её решил от испытаний. На полдороге тормознула какого-то полковника на „газике“, благо мужа-особиста все знают, назад помчалась. Ревёт, как белуга, полковника по спине кулаками молотит. Быстрее, кричит, быстрее! Ты человек или кто!.. Полкан был человек, что надо, но район ЧП уже блокировали войска...

Рита. Что было дальше?

Лось. Дальше госпиталь – белая палата, крашенная дверь. Санаторий. Снова госпиталь... Полечился – отдохнул, отдохнул – и снова полечился. Как говорится, трудно

в леченьи, легко в гробу... Когда решили, что я окончательно оклемался, предложили поехать в сказочный Город, тихий как сон. И мы с тобой поехали. Здесь я увидел подполковника Мурашко на боевом посту. Он глубокомысленно заявил, что чудес на свете не бывает и процитировал мудрость горцев: „Чтобы узнать настоящую цену человеку, надо спросить у семерых – у беды, у радости, у женщины, у сабли, у серебра, у бутылки, у него самого“. Я сказал, что как минимум два ингредиента для моего случая выпадают из этого перечня – сабля и серебро, хотя, впрочем, подполковнику Мурашко моя биография известна не хуже, чем мне, а может даже и лучше...

Лось подходит к телефону и набирает номер

Голос. Оперативный дежурный слушает.

Лось. Подполковника Мурашко, пожалуйста.

Голос. Он на выезде. Что передать?

Лось. Спасибо, я позже позвоню (*набирает новый номер*) Здравствуйте, Людмила Трофимовна!.. Да, Лось! Слух у вас музыкальный... Нет, богатым я уже был, теперь не буду... Что передать? Передайте, что древнегреческий философ Платон определил человека как „двуногое животное, но без перьев“. По преданию, один из его учеников принёс на занятия ошипанную курицу и, положив её на стол учителя, заявил: „Вот человек Платона!“ К чему я это говорю? Да мы вот как-то расфилософствовались с вашим мужем. Упрямый ты, говорит, как этот... Как баран, спрашиваю? Нет, как лось. Упрёшься рогом и ни с места... Так что, передайте, как сказал, слово в слово... И ещё. Включите, пожалуйста, магнитофон и положите рядом с ним трубку телефона. Тут запись для вашего мужа... Да, он знает (*звучит вальс*)...

А в стаканах горит неразбавленный спирт,
Что в разбитых сердцах удержаться не мог...
Над казармами нашими месяц висит,
Непохожий ничуть на взведённый курок.

Лось. ...Я расскажу вам историю страшного Города. Вы не найдёте его на географических картах, сюда только одна дорога...

Рита. Зачем?!

Лось. Он должен передать это людям!

Рита. Он не сделает этого.

Лось. Сделает. Обязан сделать! Чтобы узнать настоящую цену человеку, надо спросить у семерых. Я спрашивал... У него самого... А теперь давай спать, я очень устал...

Музыка вальса прерывается надрывным воем сирены. По сцене мечутся цветные сполохи. Внезапно вакханалия цветозвука прекращается и сквозь наступившую тьму в сознание прорывается стук двух сердец... Тук-тук... Тук-тук... Тук-тук... Тук-тук... Стук постепенно затихает... В наступившей тишине слышны топот сапог, резкие выкрики: „Строиться!... Приготовить огнёмёты!... Сержант Лось, командуйте!... Оте-е-ц!“...

Действие пятое

В полосе яркого света сидят Мурашко с супругой. Он возится с магнитофоном, выискивая какие-то фрагменты. Слышны обрывки текста.

Голос Риты. ...Как тихо, Лось! Ты слышишь? Она вползает в нас, эта тишина, пронизывает насквозь, становится холодно. И боль уходит, эта пронзительная, безумная боль, которая мучала столько времени, от которой некуда было деться... Лось, ты слышишь? Это часы! Они отсчитывают наши последние минуты. Мы уходим...

Голос Лося. Я вижу, как сквозь меня течёт Время. Мы

прозрачны для него. Мы – песчинки в пустыне Вечности... Мы уйдём, и наши души переселятся... Я жил по совести, жил по чести, моя карма чиста... Смотри, вот он идёт – большой и сильный. Высота в холке до двух и двух десятых. Теперь он – это я. Лось, но уже с маленькой буквы. Млекопитающее семейства оленей. Они не убили меня. Мой сын, сержант Лось, стрелял мимо, он не мог иначе. За это получил десять суток гауптвахты. Лишь пуля снайпера чуть задела холку. Плохой был снайпер... Тайга вылечила меня, исцелила мою рану и я никогда больше не приду к людям в их проклятый Город, который убил Димку Лося и его Риту. Я больше не верю людям!.. Любимый город может спать спокойно...

Голос Риты. Но ты сделал то, что хотел? Успел?

Голос Лося. Не знаю. Я старался... Я видел сон. Мы шли с тобой вдвоем. У подножья горы зеленели деревья. Земля была покрыта цветами. Маки. Бескрайнее поле маков. Среди них немного чёрных. Потом пошли хлеба... По мере того, как мы поднимались, на склонах горы становилось прохладно. Скоро стало просто холодно. Ты мёрзла. Под ногами хрустела замёрзшая грязь. Дорога была длинной. Её покрывал слой замёрзшего снега. Мы спали в снегу, прижавшись друг к другу. А когда проснулись, увидели, что находимся на холодном острове среди моря. И тут мы увидели Солнце. И ты сказала, что это явление Будды...

Голос Риты. Всё было так. Перед нами лежала пустыня цвета золотистой охры, обдуваемая сильным ветром. Её перерезали шрамы глубоких каньонов. Мы словно очутились внутри картины Сальвадора Дали. Среди её причудливых безжизненных силуэтов. И было небо. Как перевернутый синий эмалированный таз с прорехами звёзд...

Голос Лося. Но только я замечу вам, что там сидят не фраера. Там по сиреневым делам с двумя нулями номера. Но вы нигде об этом не прочтёте, поскольку люди вы, а мы – изгой... Ведь нынче лирики в почёте, нынче физики в запое...

Голос Риты. Мы уходим! Время!

Голос Лося. Время! *(читает стихи).*

Неутомимый стук часов,
как будто ритм стихотворенья,
судьбы жестокое знаменье:
сердца, как двери, – на засов!
Уходят люди лишь тогда,
когда друзья их покидают...
Веками время отмеряя,
течёт и капает вода.
Бежал из колбочки песок,
куранты в синем небе били,
а вы промчались и забыли
к нам заглянуть хоть на часок.
Пружина судьбами вершит,
по сердцу маятником водит.
И вот угас на небосводе
инверсионный след души.
Неумолимый ход часов...
А нам – лишь тень воспоминанья
едва заметного дрожанья
души на чашечке весов...

Голос Лося. А теперь прощайте! Люди, мы любили вас... вас... вас... вас... Где-то есть Город, тихий как сон. Сюда только одна дорога. И отсюда – одна! Мы уходим...

Мурашко. Я не могу передать это!

Жена. Ты передашь!

Мурашко. Меня уволят из органов, вышвырнут на улицу.

Жена. Пусть так. Он рассчитывал на тебя. У него больше никого нет, кто мог бы помочь. Он ушёл с сознанием, что сможешь. Ты не можешь предать его память...

Мурашко. Итальянцы говорят: сел на велосипед – крути педали. Однажды я сел на этот велосипед и теперь не в силах ничего изменить. Я сделал всё, что мог.

Жена. Он тоже. Но он не был трусом, и дрался до конца. Ты же знаешь, почему я осталась жить!

Мурашко. Знаю.

Жена. Тогда передашь это. Напишешь рапорт на увольнение. И мы уедем из этого Города...

Действие шестое

Квартира подполковника Мурашко. По полу разбросаны папки, кассеты. Сам он сидит на низком табурете, рвёт какие-то бумаги. Глянув на часы, берётся за телефон.

Мурашко. Дежурный! Майор Денисов из политотдела. Сержанта Лося к телефону... Здравствуй, Юра! Это я, Мурашко... Нет, не Денисов. Шутка. Пришлось, понимаешь, прибегнуть к камуфляжу, перекрашиваться, так сказать, в защитные цвета. Во-первых, чтобы тебя под танк не класть, во-вторых... В общем, ситуация, как говорят французы, форсмажорная... Тут вот какое дело. Мы, значит, дружили с твоим отцом. Он мне кое-что наказал сделать и я должен, кровь из носу, а волю его выполнить. Он достойный был у тебя мужик. А я, заметь, офицер, присягу принимал... Короче, сейчас у нас тринадцать сорок две. В четырнадцать подойдёт машина с моей семьёй. Твоя задача – разоружить охрану, чтобы, сам понимаешь, никаких ЧП. Выпускаешь их за ворота и поступаешь в распоряжение жены, дальше она будет командовать. Это мой приказ! Когда проедете первый пост, сразу за озером развилка дорог. Сворачиваешь направо и жмёшь на одном дыхании все пятьдесят восемь километров – до сельсовета. Возьмёшь у жены пакет и передашь председателю... Отец хотел услугами сохатого воспользоваться, а это всё равно, что бутылку с запиской в океан бросать. Мой

вариант надежнее!.. Ахнет так, что в Москве услышат... Прощай, сынок и, как говорится, не поминай лихом!..

Мурашко кладёт трубку. Включается трансляция.

Голос Мурашко. Внимание! Аварийная тревога! ...Я подполковник Мурашко! Объявляю чрезвычайное положение! Командование беру на себя! Всем службам действовать по сигналу „Беркут“! Аварийная тревога!.. Мобилизационной службе немедленно приступить к эвакуации гражданского населения и персонала объектов! Максимально привлечь коммунистов и комсомольцев... Внимание! Мною заминированы шестой и девятый участки производства, сети энергоснабжения, склады готовой продукции. Взрыв назначаю на пятнадцать тридцать!.. Аварийная тревога! В Городе оставаться опасно!.. Гражданской обороне немедленно обеспечить посадку людей на транспорт! Всем раздать таблетки йодистого калия! Комендантской службе и группам радиационной безопасности действовать по плану особого периода! К зоне „А“ не приближаться! Все подходы заминированы! Стреляю без предупреждения! Во имя Чести, Совести и Справедливости прошу покинуть Город! Люди, мы любили вас... вас... вас... Простите и прощайте!.. У меня всё!

Громкий стук хронометра, отсчитывающего секунды до взрыва. Свет в зале гаснет. Звучит мелодия вальса.

З А Н А В Е С

СТИХИ

Поэзия Станислава Куняева всегда – открыта. Он не принадлежит к мастерам зашифрованных текстов, к любителям стихотворных аллюзий. Так выходили на бой русские богатыри – в открытом поле, на виду, надеясь на Бога, русский народ и свои собственные силы.

Поэтическая открытость дала Станиславу Куняеву много друзей, но ещё больше – врагов. В жизни достаточно сдержанный, серьёзный политик, в своём творчестве Станислав Куняев исключает полутона, зло называет злом, добро – добром, не скрывает отношения к нашим угодливым „перестроечным“ героям. Большой интерес у любителей поэзии вызвало стихотворение Куняева „Размышления на Старом Арбате“, по сути – философское, несмотря на всю свою политическую конкретику. Зло не всемогуще, потому что с неизбежностью пожирает само себя, в зле изначально заложен сильный стимул к самоубийству, добро же – не умирает никогда, даже в самые страшные времена. Вот и злая революция пожирала в тридцать седьмом году своих многочисленных детей и прочих родственников, сама лишая себя жизненного продолжения, далее началась длительная агония злого хищника, заканчивающаяся лишь в наши дни...

Стихи, предложенные Станиславом Куняевым для альманаха «Вече» продолжают тему знаменитых „Размышлений на Старом Арбате“, описывая состояние агонии перекрашивающихся во что угодно ради спасения жизни – красных дьяволят, рождённых революцией.

Символом русской открытости стал и журнал, возглавляемый Станиславом Куняевым, – «Наш современник». Не даром он вызывает такую озлоблённость у одних, и такую любовь у других читателей во всём мире.

«Наш современник» – это знамя русского национально-православного возрождения, это центр борьбы за свободную национальную Россию. Не случайно в одном ряду со Станиславом Куняевым лучшие русские писатели и мыслители – Виктор Астафьев, Игорь Шафаревич, Василий Белов, Валентин Распутин, Владимир Солоухин, Михаил Антонов, Леонид Бородин и другие, не менее известные художники, музыканты, поэты, учёные.

Из недавнего прошлого

На всё находится ответ:
на атомную лодку - лодка,
Кругом сплошной эквивалент, -
на огонь - огонь,
на глотку - глотка.
Но если миру суждено,
чтобы для всех одна дорога -
есть утешение одно,
что нам - привычнее немного.

* * *

Я взглянул на них, но не смутил
ни укором, ни печальным взглядом.
Раскопали множество могил,
сами отравились трупным ядом.
Митингуют дети палачей,
вновь обуреваемы страстями,
ядовитой пеною речей
памятник возводят над костями.

* * *

Шуршат плащи, как чешуя,
струится очередь-змея,
ползёт на брюхе к мавзолею,
проваливается во тьму,
чтоб заглянуть в лицо Ему,
в жизнь воплотившему идею.

Толпа, сошедшая на-нет,
вновь выползла на белый свет,
и вновь струится по асфальту,
на площади, что в двух верстах,
ползёт за совесть и за страх
в закусочную к Макдональду

Пожарский с Мининым глядят
вслед опускающимся в ад,
как будто без вести пропавшим,
но Пушкин, что встречает их,
твердит всю жизнь бессмертный стих
о милости к безвинно падшим.

* * *

Парламентская болтовня,
отравленная злобой дня
с утра гуляла по эфиру;
я выходил из зимовья,
и слушал мерный шум ручья,
и думал: что же нужно миру?
Генсек? Диктатор? Или вождь?
А мне всего лишь тёплый дождь,
омывший молодую хвою...

Упала шишка на траву,
я вскинул очи в синеву,
и захлебнулся синевою.
Я опустил глаза к реке –
вихрь зародился вдалеке,
качнулась ивовая ветка.
Вихрь воду сморщил, и на ней
вдруг стало ясного ясней
невидимое тело ветра...
Гудели желтые шмели,
и пар струился от земли.

МОЛЬБА

Дурная кровь воспламеняет жилы.
но кто рискнёт, чтоб выпустить её,
когда ещё воспоминанья живы
о всех, кто сброшен был в небытие!

Я не судья. Я только летописец.
Я слушаю, как бьётся пульс толпы
в дни самосудов, пепелищ и виселиц,
когда свободой травятся рабы.

Кровь – это тьма. Но грех кровопусканья
ещё невыносимей и темней,
а потому от права воздаянья
освободи пристрастных сыновей!

Молю Тебя, взвали Себе на плечи
тяжёлый крест!.. Взвали в последний раз,
чтобы во время долгожданной встречи
мы от стыда не поднимали глаз!

* * *

Как легко стать народным вождём
в час возмездья, разрухи и жажды.
Мне сказал мой товарищ: „Рискнём?“
Я ответил: – „Ты знаешь, однажды
к этой пропасти я подходил,
но в разверстую бездну заглянешь,
ужаснёшься и тут же отпрянешь...
Загляни – и остудишь свой пыл.“

* * *

В честь президента гимн играют,
приветствуя его визит.
Толпа послушно замирает,
у всех официальный вид.

А президенту очень плохо:
он чувствует, что гимн фальшив –
не те слова, не та эпоха,
не тот настрой, не тот мотив.

Он машинально повторяет
слова,
а на лице тоска,
как будто зубы выдирает
ему неловкая рука.

Он знает – слово это дело,
оно пером и топором
в державное врубилось тело,
и вот бестактно, неумело
из горла рвётся напролом.

Он знает: в жизни всё возможно –
и рынок и переворот...
Но гимн, чтобы звучал не ложно,
что делать?

Мрачно, осторожно
он полужакрывает рот.

* * *

Лезли бесы в Кремлёвскую стену,
смертник смертнику рвался на смену,
ограждали свой прах кирпичом,
каждый верил: – Теперь я нетленен!
Я бессмертен, как Сталин и Ленин!
Вечен! Время теперь не причём!

Но умолкли к полуночи ниши,
их владельцы затихли, как мыши,
тяжелеет молчанье в ответ.
Всё молчит – и толпа, и солдаты,
и охранники, и дипломаты...
Наступает похмельный рассвет.

Пробил час. Завершая агонию
грешный Минин чугунной ладонью
указует единственный путь,
по которому прах самозванца
был исторгнут из жерла в пространство
и кружится ещё где-нибудь...

Бесы корчатся: Не доглядели!
Ни продать, ни взорвать не успели!
Не расплавили и не снесли! –
Усмехается Минин сурово,
и почти что срывается слово
с уст чугунных, чугунное „пли!“

* * *

Как долго заседают дипломаты!
Идут глубокоумные дебаты,
и безнадёжно позабыт девиз
о пролетариях всех стран и всех народов,
идёт тусовка новых кукловодов,
проблема въездов, выездов и виз.

Все избранные, как всегда, при деле,
и трансконтинентальные отели
забыли напрочь яростный призыв.
Давно возникла новая элита,
она сидит у нового корыта
и, улыбаясь, пьёт аперитив.

„ДО ПОКАЯНЬЯ, А ЗАТЕМ...“

Странен мне этот мраморный ряд:
друг на друга пылающим взглядом
в центре Рима враждебно глядят
еретик с инквизитором рядом.

Как ни странно, но воздано им,
кто калечил и кто искалечен –
всем слепил изваяния Рим,
всех запомнил и увековечил...

Только мы начинаем с нуля,
каждый раз низвергая от века
то отца, то вождя, то царя,
и, конечно, любого Генсека.

Воеет вихрь над останками стен.
Всё разрушено до основания...
Как ни странно, живём между тем,
даже дожили „до покаянья“...
А затем? а затем? а затем?!

* * *

Время ваше – пространство мое!
Вот о чём разливается в мире,
как потоп, клевета и вранье
в желтой прессе и в синем эфире.

Кто вещает? Не вижу лица!
Значит, впрямь без лица бесовщина.
Слышу рёв Золотого Тельца
и шепчу про Отца и про Сына.

Чем избудется наша вина?
Разве тем, что весенние реки
мне бормочут: „Пройдут времена,
а пространство пребудет вовеки...“

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ АВСТРАЛИИ

Счастливая страна - ни войн, ни революций,
ни хищников.

Сплошная благодать!

Но, русский беженец,

зачем же слёзы льются

по твоему лицу? - Не надобно рыдать!

О чём скорбишь?

Как будто бы из рая

ты изгнан был!

В Колымских рудниках

Ты юность погубил, себя спасая,

так не держи своё лицо в руках.

Здесь в райских куцах бродят утконосы.

на вольной воле скачут кенгуру...

Не задавай мне страшные вопросы,

а то схвачусь за сердце - и умру...

Русские люди!

За грехи наши и за грехи отцов наших Бог посылает нам испытания.

Будем просить Его о прощении. А чтобы молитва наша была сильна и чтобы Бог услышал нас, будем молиться Ему все в одно время: по московскому времени в 6 часов утра.

Встал ли ты только с постели, или идешь на работу, или уже на работе, читай про себя в уме молитву о спасении России. А чтобы молитвы всех молящихся слились воедино, читай неторопясь несколько минут:

Отец наш небесный!

Именем Господа нашего Иисуса Христа и Матери Его, Пресвятой Девы Марии и всех святых Твоих, молим Тя, услыши нас грешных молящихся Тебе. Прости грехи наши и грехи отцов наших.

Спаси землю русскую – удел Богоматери и русский народ от всех врагов его, и укрепи державу Твою и веру православную.

Святой Боже! Святой крепкий! Святой бессмертный, помилуй нас! (три раза)

И. Ланской
Джорданвиль, С Ш А

ВЕЧЕ

„Вече — древне-русское слово, которое означает народное собрание, сход с целью совещания... В русских летописях слово В. употребляется в тройном значении:

- 1) в смысле народного собрания вообще...*
- 2) в смысле совещания вообще, даже тайного совещания-заговора...*
- 3) в смысле органа политической власти...”*

*Энциклопедический словарь,
т. VII^А С.-Петербург, Типо-
Литография И. А. Ефрона,
1892*

„Вече (от „вещать” — говорить) — народное собрание в Древней Руси, являвшееся высшим органом власти в некоторых русских городах 10-15 вв...”

*БСЭ, второе издание, т. 7
Москва, 1951*

„Вече” (общеслав.; от старослав. вет — совет), народное собрание в древней и ср.-вековой Руси для обсуждения общих дел...”

*БСЭ, третье издание, т. 4
Москва, 1971*

**Издание Российского Национального
Объединения в ФРГ**

Herausgeber: Russischer Nationaler Verein e. V.
Theresienstr. 118-120, 8000 München 2